

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Петухов Сергей Владимирович

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель

Иванова Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Контролирующее лицо как субъект субсидиарной ответственности	16
1.1 Генезис субсидиарной ответственности контролирующих лиц и ее место в системе гражданско-правовой ответственности	16
1.2 Основания установления статуса контролирующего лица	45
1.3 Применение добросовестности и разумности в рамках субсидиарной ответственности контролирующих лиц	72
Глава 2 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при использовании процедур несостоятельности (банкротства) юридического лица.....	90
2.1 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов.....	90
2.2 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника банкротом ...	115
2.3 Особенности реализации норм о применении субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках Закона о банкротстве	127
Глава 3 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц вне банкротства	141
3.1 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в случае исключения юридического лица из ЕГРЮЛ в административном порядке	141
3.2 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц корпоративных организаций	160
3.3 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц унитарных организаций	170
Заключение	179
Список литературы	182

Введение

Актуальность темы исследования. Правовое регулирование статуса юридических лиц строится на основании принципов ограниченной ответственности, отделения активов общества от активов участников, имущественной обособленности, а также самостоятельной правосубъектности (за исключением отдельных организационно-правовых форм). Субсидиарная ответственность контролирующих лиц, предполагая исключение их применения в ряде случаев, позволяет обеспечить защиту прав кредиторов.

Согласно статистическим данным Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – Федресурс) с 2016 года по 2023 год значительно возросло количество поданных заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (увеличение в 2,41 раз с 2699 до 6494 заявлений), а также увеличился процент удовлетворенных заявлений (повышение на 35 процентных пунктов с 16% до 51%).

Значительный объем случаев привлечения контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности по обязательствам юридических лиц может стать объективным препятствием достижения национальной цели развития предпринимательства, закрепленной в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Указанное обуславливает необходимость рассмотрения соответствия складывающихся подходов интересам участников гражданского оборота.

Масштабные реформы законодательства о банкротстве существенно расширили перечень инструментов, которыми обладают кредиторы при защите своих прав. При этом субсидиарная ответственность контролирующих лиц в Гражданском кодексе Российской Федерации, законах, определяющих особенности отдельных организационно-правовых форм юридических лиц,

регламентируется лишь фрагментарно, не позволяя рассматривать ее как универсальный институт защиты нарушенных прав. Гражданское законодательство не предусматривает полноценного регулирования рассматриваемого института, что влечет неоднозначность в вопросе использования выработанных в практике применения законодательства о банкротстве подходов.

В цивилистической доктрине остаются не в полной мере определенными обстоятельства, с которыми допустимо связывать возможность обращения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Стремительное расширение практики привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в отношениях несостоятельности (банкротства) с одновременным теоретическим осмыслением складывающихся в данной сфере подходов не нашли своего полного отражения в гражданском праве.

Разработка критериев относимости субъекта к контролирующим лицам, элементов, обосновывающих самостоятельную правовую природу исследуемого вида гражданско-правовой ответственности, а также установление роли добросовестности и разумности при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц будут способствовать развитию науки гражданского права.

Необходимость поиска баланса интересов кредиторов и должников в условиях экономической нестабильности обусловлена приоритетом общепризнанных постулатов гражданско-правового регулирования в российской правовой системе. Правовая определенность, направленная на обеспечение недвусмысленного содержания норм и их толкования, предполагает возможность обращения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц во всех ситуациях, когда недобросовестное или неразумное поведение явилось причиной невозможности взыскания денежных средств с должника – юридического лица.

Все вышесказанное свидетельствует об отсутствии последовательного подхода законодателя и правоприменителя к функционированию

субсидиарной ответственности контролирующих лиц и актуальности дополнения теории гражданского права в части выработки положений, применяемых при отступлении в процессе управления юридическим лицом от основополагающих правовых принципов.

Степень разработанности темы исследования. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц, а также добросовестность и разумность действий органов управления юридических лиц и выгодоприобретателей рассматривалась такими учеными, как А.Н. Артемова, С.Л. Будылин, А.С. Власова, А.И. Волынец, О.В. Гутников, С.Л. Дегтярев, Д.В. Добрачев, А.В. Егоров, С.А. Иванова, С.А. Карелина, Т.А. Колодкина, В.А. Лаптев, Д.В. Ломакин, Р.К. Лотфуллин, Е.Е. Любимова, П.М. Морхат, Е.К. Орлов, А.Д. Пархоменко, Е.Д. Суворов, Е.А. Суханов, Н.М. Удалова, К.А. Усачева, Г.В. Цепов, И.С. Шиткина.

На уровне диссертационных исследований общие вопросы гражданско-правовой ответственности, связанной с управлением юридическими лицами, нашли свое отражение в работах Д.Д. Быканова, О.В. Гутникова, М.В. Демьяновой, К.И. Кузнецова, Ю.Э. Монастырского.

Вопросы эволюции субсидиарной ответственности контролирующих лиц рассматривались в работах В.Г. Голубцова, Р.Т. Мифтахутдинова, Е.С. Пироговой, Ю.Д. Жуковой.

Субсидиарная ответственность участников отдельных корпоративных и унитарных организаций исследована в работах Н.А. Матвеевой, С.С. Покровского, Г.Ф. Ручкиной, И.А. Турбиной и других.

Особенности применения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках банкротства исследованы в трудах таких авторов, как М.А. Андрианова, М.Т. Белова, С.Л. Будылин, И.В. Митякова, Р.Т. Мифтахутдинов, Д.О. Османова, В.А. Попов, В.Ф. Попондопуло, Н.А. Потапов, Е.В. Силина (Слепченко), Е.Д. Суворов, Ю.В. Тай, А.А. Тюкавкин-Плотников, О.Г. Угленко, В.Е. Филиппов, И.М. Шевченко, С.В. Юрьев.

Цель исследования состоит в разработке и обосновании теоретических предложений, направленных на развитие представления о субсидиарной ответственности контролирующих лиц, и практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц и правоприменительной практики.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены **следующие задачи:**

1) исследовать место субсидиарной ответственности контролирующих лиц в системе гражданско-правовой ответственности, выявив правовую природу субсидиарной ответственности контролирующих лиц;

2) рассмотреть основания установления статуса контролирующего лица, предложить критерии относимости субъекта к контролирующим лицам;

3) на основе выявленных особенностей применения добросовестности и разумности в рамках субсидиарной ответственности контролирующих лиц обосновать их роль в процессе привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности;

4) проанализировать условия наступления субсидиарной ответственности контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов и обосновать специфику применения презумпций при рассмотрении отдельных споров;

5) на основании выявленных особенностей реализации норм о применении субсидиарной ответственности контролирующих лиц доказать целесообразность учета размера имущественных потерь должника, обусловленных деяниями контролирующего лица, необоснованной имущественной выгоды последнего при определении размера субсидиарной ответственности;

6) рассмотреть основания применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц корпоративных и унитарных организаций и обосновать отнесение участников отдельных

организационно-правовых форм юридических лиц к контролирующим лицам в силу смысла закона;

7) исследовать субсидиарную ответственность вне банкротства и доказать необходимость ее применения только к контролирующим лицам в случае неисполнения обязательств крестьянским (фермерским) хозяйством и ассоциацией (союзом).

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Предметом исследования являются нормы действующего гражданского, корпоративного законодательства, законодательства о несостоятельности (банкротстве), регулирующие субсидиарную ответственность контролирующих лиц, научные исследования, практика арбитражных судов, судов общей юрисдикции, Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации в указанной сфере.

Область исследования диссертации соответствует п. 6. «Теория субъектов. Особенности правового положения субъектов в отдельных сферах экономики и социально-культурной деятельности. Отношения, связанные с участием в корпоративных организациях; отношения по управлению юридическим лицом. Отношения экономической зависимости. Несостоятельность (банкротство). Субъекты процессуальных отношений»; п. 10. «Защита прав в частноправовых отношениях. Выбор форм и способов (средств) защиты»; п. 12. «Особенности ответственности в отдельных частноправовых отношениях» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Методология и методы исследования. Основу работы составили общенаучные методы познания, в том числе использовались дедукция (при выявлении общих подходов к содержанию добросовестности и разумности в процессе управления юридическим лицом), индукция (в ходе исследования

обязанности доказывания наличия оснований для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности), системный метод (при рассмотрении элементов состава гражданского правонарушения), анализ (дифференцированы основания установления статуса контролирующего лица), синтез (обобщены обстоятельства, исследуемые при определении размера субсидиарной ответственности).

В исследовании применялись частнонаучные методы, такие как: исторический (при исследовании генезиса субсидиарной ответственности контролирующих лиц в отечественном законодательстве) и метод комплексного анализа (в рамках выявления особенностей функционирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц).

Использовались специально-юридические методы научного познания. Так, формально-юридический метод применялся при определении правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих лиц, а также обосновании множественной роли добросовестности и разумности для целей привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Сравнительно-правовой метод использовался при исследовании специфики нормативного закрепления понятия контролирующего лица в кодифицированных актах и федеральных законах и позволил обосновать отсутствие правовой определенности и последовательности в законодательном регулировании данного вопроса.

Теоретической основой исследования являлись труды отечественных ученых, посвященные анализу проблем применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц, а также критериев и обстоятельств, наличие которых позволяет возложить обязательства должника на другое лицо.

Нормативную базу исследования составляют следующие нормативные правовые акты: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ

«Об акционерных обществах», Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и другие правовые акты.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы правоприменительной практики: показатели статистической отчетности Федресурса, комментарии арбитражных судов по вопросам применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц, судебная практика, письма государственных органов.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно выступает одной из первых работ, в которой сформулированы теоретические положения и практические рекомендации, направленные на сближение механизмов привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц как при банкротстве, так и вне рамок дела о несостоятельности для обеспечения баланса частных и публичных интересов, прав кредиторов и контролирующих лиц, устанавливая статус последних в отношении подконтрольных корпоративных и унитарных организаций.

Выявлена и аргументирована самостоятельная правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Обоснованы критерии наличия фактической возможности определения деяний подконтрольного участника гражданского оборота, позволяющие устанавливать статус контролирующего лица.

Доказана необходимость дифференцированного подхода к использованию правовых презумпций, субсидиарной ответственности участников отдельных корпоративных организаций.

Теоретически обоснована необходимость учета получения имущественной выгоды, критерия разумности действий контролирующего лица, соразмерности совершенных действий (бездействия) при определении размера субсидиарной ответственности.

Научная новизна определяется содержанием положений, выносимых на защиту.

Положения, выносимые на защиту:

1) Аргументирована самостоятельная правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц, основанная на следующих элементах: специальный порядок определения вины; особый подход к распределению бремени доказывания; исключительность по сравнению с иными видами гражданско-правовой ответственности. Возможность применения данной ответственности предполагает определение самостоятельности участия контролирующего лица должника (субсидиарного должника) в гражданском обороте (С. 31-40).

2) Доказано, что критерием относимости субъекта к контролирующим лицам является фактическая возможность определения деяний подконтрольного участника гражданского оборота, которая может быть обусловлена как реализацией корпоративных прав, так и являться результатом искусственного характера имущественной обособленности юридического лица (С. 60-63; 66-68).

3) Обосновано, что критерии добросовестности и разумности, позволяющие оценить наличие противоправности в действиях и (или) бездействии контролирующего лица, должны применяться с учетом соотношения материального (учет интересов юридического лица, кредиторов) и процессуального аспектов (обязанность доказать добросовестность и разумность своего поведения в случае представления кредиторами косвенных доказательств вины контролирующего лица в неисполнении обязательств перед кредиторами) (С. 76-81; 84-88).

4) Аргументировано применение к наследникам лишь тех презумпций, которые объективно доказывают причинение вреда имущественным правам кредиторов (например, пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве). В то время как сам факт невнесения тех или иных сведений в ЕГРЮЛ (пп. 5 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) не должен являться

основанием для возложения на наследников контролирующих лиц обязанности опровергать вину наследодателя в невозможности полного погашения требований кредиторов (С. 93-103; 111-115).

5) Доказано, что при определении размера субсидиарной ответственности контролирующего лица должны оцениваться и учитываться: совокупный размер имущественных потерь должника, обусловленных действиями (бездействием) контролирующего лица; стоимость активов, в отношении которых управляющему не передана документация; реальный размер имущественного вреда и (или) необоснованной имущественной выгоды, полученной от должника (С. 105-109; 126-128).

6) Обосновано, что такие участники юридических лиц как полные товарищи, члены крестьянских (фермерских) хозяйств, члены производственных кооперативов, публично-правовые образования – учредители казенных предприятий, а также автономных, бюджетных и казенных учреждений фактически являются контролирующими лицами в силу смысла закона, а не установления судом. Участники ассоциаций (союзов) могут считаться контролирующими лицами данных объединений, если учредительными документами предусмотрена субсидиарная ответственность указанных участников (С. 167-169; 171-176).

7) Аргументирована целесообразность отказа от использования общей модели субсидиарной ответственности вне банкротства всех членов крестьянских (фермерских) хозяйств (предусмотрена законом), членов ассоциаций (союзов) (может быть предусмотрена учредительными документами), обеспечив привлечение к такой ответственности исключительно контролирующих лиц (С. 162-164; 168-170).

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в развитие теории гражданского права, который заключается в выработке положений, позволяющих комплексно исследовать субсидиарную ответственность контролирующих лиц как единый институт, применяемый в случае неплатежеспособности должника, сопровождающейся недобросовестными

или неразумными решениями в процессе управления юридическим лицом. Полученные научные результаты способствуют развитию теоретических подходов к пониманию сущности субсидиарной ответственности контролирующих лиц, уточнению обстоятельств, наличие которых позволяет возложить обязательства должника на контролирующее лицо. Положения, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в преподавании таких учебных дисциплин, как «Гражданское право», «Корпоративное право», «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)» и др.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования предложений, рекомендаций и выводов, сделанных в рамках исследования, для совершенствования норм российского законодательства, актов толкования Верховного Суда Российской Федерации, при подготовке процессуальных документов в спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, обеспечения мероприятий федерального казенного учреждения «Государственное учреждение по формированию государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней (Гохран России) при Министерстве финансов Российской Федерации», иных организаций по взысканию денежных средств.

Выводы и предложения также могут быть использованы при дальнейшем развитии институтов защиты прав кредиторов, обеспечении добросовестности и разумности субъектов управления юридическими лицами.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена использованием монографических и других научных работ, а также обширной судебной практикой (в период 2003-2024 годов, всего использовано более 120 судебных актов) по рассмотрению споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Основные положения диссертации, а также выводы, сделанные в ходе исследования, изложены на научных, научно-практических международных,

всероссийских конференциях, форумах, слетах, круглых столах: на Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Бизнес, Менеджмент, Право: digital reality» (г. Екатеринбург, Уральский государственный юридический университет, 29 октября 2021 г.); на VI Всероссийской научно-практической конференции «Экономика отраслевых рынков: формирование практика и развитие» (Москва, Финансовый университет, 21 января 2022 г.); на XIII Международном научном студенческом конгрессе «Цифровизация в поисках баланса: экономические возможности и социальные издержки» (Москва, Финансовый университет, 14 февраля – 5 апреля 2022 г.); на Всероссийском Фестивале науки «NAUKA 0+» (Москва, Финансовый университет, 8 октября 2022 г.); на V Международной студенческой научной конференции «Современные тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 16-17 февраля 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Судебная власть в системе защиты прав личности и государства» (Москва, Институт государства и права РАН, 28 февраля 2023 г.); на XIV Международном научном студенческом конгрессе «Экономика России: новые тренды развития» (Москва, Финансовый университет, 15 марта 2023 г.); на Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Финансовые сделки в условиях цифровизации» (Москва, РАНХиГС, 27 марта 2023 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги – University law dialogues» (г. Челябинск, Южно-Уральский государственный университет, 30-31 марта 2023 г.); на XVIII Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов «Молодежь и право» (Москва, ИЗиСП, 5 апреля 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Охрана и защита гражданских, семейных и жилищных прав в современной России» (Москва, Институт государства и права РАН, 26 апреля 2023 г.); на круглом столе «Новации в гражданских правоотношениях» (г. Челябинск, Российский

государственный университет правосудия, 18 мая 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «LegalTech в профессиональной юридической деятельности» (Москва, РАНХиГС, 25 мая 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Упрощение гражданской процессуальной формы: проблемы теории, законодательства, судебной практики и организации судебной деятельности» (Санкт-Петербург, Российский государственный университет правосудия, 2 июня 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Идеи и традиции отечественной цивилистики: рубежи эпох и новые горизонты» (Москва, ИЗиСП, 18 октября 2023 г.); на Всероссийском круглом столе «Современные тенденции развития теории и практики судебной экспертизы в процессуальном праве России» (г. Киров, ВятГУ, 27 октября 2023 г.); на Международной научно-практической конференции молодых ученых «Высшая ценность: человек в системе государственных координат. К 30-летию Конституции Российской Федерации» (Москва, Финансовый университет, 30 ноября 2023 г.); на Всероссийском научном форуме III декабрьские корпоративные чтения «Корпоративное право и корпоративные отношения: новеллы и традиции» (г. Новосибирск, НИИХ, 13-15 декабря 2023 г.).

Актуальные и значимые положения исследования применяются в практической деятельности федерального казенного учреждения «Государственное учреждение по формированию государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней (Гохран России) при Министерстве финансов Российской Федерации». В частности, разработанные в исследовании положения о методике определения статуса «контролирующего лица», содержания «фактической возможности определения деяний участника гражданского оборота» позволяют оценить риски осуществления деятельности организации при заключении, исполнении государственных контрактов, договоров.

Предложенные подходы позволяют совершенствовать регламент реализации полномочий Гохрана России по взысканию дебиторской задолженности по платежам в бюджет, пеням и штрафам по ним, а также формировать эффективные средства реализации права на судебную защиту.

Материалы исследования используются кафедрой правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в преподавании учебных дисциплин «Гражданское право» и «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. По теме исследования опубликовано 12 работ общим объемом 7,99 п.л. (весь объем авторский), в том числе 9 публикаций авторским объемом 6,45 п.л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации. Решение поставленных задач и достижение цели обусловили структуру научно-исследовательской работы, состоящей из введения, трех глав, включающих 9 параграфов, заключения, списка литературы из 325 наименований. Текст диссертации изложен на 225 страницах.

Глава 1

Контролирующее лицо как субъект субсидиарной ответственности

1.1 Генезис субсидиарной ответственности контролирующих лиц и ее место в системе гражданско-правовой ответственности

Рассмотрение текущего состояния субсидиарной ответственности контролирующих лиц невозможно без определения ключевых аспектов ее становления в современной России. Истоки, первопричины, а также пути введения и совершенствования рассматриваемого института являются первоосновой для определения направлений его дальнейшего развития. Отметим, что принятый в 1990 году Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» предусматривал лишь солидарную ответственность несмотря на то, что впоследствии в ГК РФ она была поименована как субсидиарная [18].

Нормативно субсидиарная ответственность впервые была закреплена в первой части Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) [2], введенной в действие с 1 января 1995 года. Согласно п. 3 ст. 56 ГК РФ, к субсидиарной ответственности могли быть привлечены лица, обладающие правом давать обязательные указания юридическому лицу, но только при условии, если банкротство последнего обусловлено поведением «контролирующих лиц» и недостаточностью имущества самого должника.

Емкой и отражающей существо правового регулирования исследуемой ответственности, по мнению диссертанта, является позиция Р.Т. Мифтахутдинова, отмечающего следующее: «примечательно, что в этом абзаце умещалась практически вся современная глава III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ...»

[256]. В этой связи можно отметить, что на момент принятия ГК РФ законодатель не предусматривал абсолютную самостоятельность юридического лица с точки зрения его ответственности по принятым обязательствам. При этом достаточно долгое время указанная норма не раскрывалась в законодательстве о банкротстве. Так, Закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» был лишен рассматриваемой конструкции [6]. Дальнейшее становление субсидиарной ответственности контролирующих лиц в течение почти шести лет происходило одновременно с принятием законов, посвященных отдельным организационно-правовым формам юридических лиц. С момента принятия Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) [7] он предусматривал аналогичную п. 3 ст. 56 ГК РФ норму, но с единственным различием в виде установления возможности применения субсидиарной ответственности как в случае действий, так и бездействия лица, обладающего возможностью определять действия общества (п. 3 ст. 3 Закона об АО). Она применялась в случае, когда поведение таких лиц заведомо приводило к несостоятельности (банкротству). Исходя из указанного отметим, что основополагающий элемент установления статуса контролирующего лица, заключающийся в наличии «возможности определять действия юридического лица», был присущ рассматриваемому институту с самого начала его закрепления в законодательстве Российской Федерации.

Возможность применения п. 3 ст. 56 ГК РФ серьезно осложнялась отсутствием каких-либо специальных норм, предусматривающих механизм функционирования рассматриваемого института, что подтверждается отсутствием большого числа принятых судебных актов. Более того, принцип ограниченной ответственности юридического лица располагался в этом же пункте, что порождало определенное противоречие между нормами гражданского законодательства. Правовая доктрина как отечественная [175, с. 114], так и зарубежная [322] исследует принцип ограниченной

ответственности на протяжении многих веков ввиду чего вполне объяснимы недостатки и недочеты российского законодательства в первые периоды введения и применения исследуемого института. Как отмечает А.Н. Артемова, «исторически появление принципа ограниченной ответственности было обусловлено необходимостью придать инвестиционную привлекательность конструкции юридического лица...» [202]. Полагаем, что принцип ограниченной ответственности является зависимым, так как применяется одновременно с такими базовыми для гражданского законодательства категориями как добросовестность и разумность. Соответственно, его важность с точки зрения гражданского оборота проявляется в создании условий, обеспечивающих возможность нести предпринимательский риск без учета собственного имущества учредителей. Использование рассматриваемого принципа как «корпоративного щита» достаточно долгое время являлось универсальным способом избежания любого рода ответственности перед кредиторами. Неслучайно исследователи подчеркивали, что рассматриваемый принцип нередко применяется только в целях минимизации рисков, что вполне обоснованно признавать злоупотреблением правом [281].

Определенные вопросы вызывает закрепление в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) формулировки идентичной ГК РФ без определения порядка применения рассматриваемого института (ст. 3) [9]. Одновременно с развитием правового регулирования, выразившемся в появлении норм, позволяющих привлечь контролирующее лицо к ответственности, судебная практика стремилась установить порядок применения вышерассмотренных норм. Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в целях применения абзаца второго п. 3 ст. 56 ГК РФ (действовавшего на момент

принятия постановления) судам надлежало учитывать, что привлечение к субсидиарной ответственности возможно исключительно в случаях, когда банкротство обусловлено указаниями или действиями «контролирующих лиц». При этом вопросам правовой оценки бездействия таких лиц не уделялось никакого внимания. Важно отметить, что Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) не определяли закрытый перечень «контролирующих лиц».

В наибольшей степени рассматриваемая ответственность развилась в законодательстве о банкротстве, что, по мнению диссертанта, обусловлено упоминанием в ГК РФ и иных федеральных законах возможности ее применения в случае банкротства. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве 1998 года) предусматривал субсидиарную ответственность для руководителя должника в случае неисполнения обязанности по подаче заявления о признании должника банкротом (ст. 9) [8]. Самостоятельным основанием для привлечения «контролирующих лиц» к субсидиарной ответственности также стало преднамеренное банкротство, обусловленное их виновными действиями (ст. 10). Иных случаев законодательство о банкротстве не предусматривало, за исключением субсидиарной ответственности за незаконную деятельность по привлечению денежных средств граждан (ст. 188). Важным достижением Закона о банкротстве 1998 года стало введение механизмов обеспечения надлежащего обращения в арбитражный суд с заявлением о признании юридического лица банкротом. Значимой проблемой являлось абсолютное требование о наличии вины «контролирующих лиц». Отсутствие ныне существующих правовых презумпций в рассматриваемой сфере приводило к обязанности конкурсного управляющего доказать намерение «контролирующих лиц» привести юридическое лицо к банкротству.

Судебная практика, в рамках которой исследовалось вышеуказанное регулирование, показывает непринятие в качестве основания для применения

субсидиарной ответственности решений собрания акционеров, приведших к продаже активов [83]. В большей степени трудность заключалась в требовании к истцу доказать состав правонарушения, необходимый для возложения субсидиарной ответственности (то есть сознательное доведение должника до банкротства), применительно к п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве 1998 года, а также отсутствие представленных сведений о наличии преднамеренного банкротства [84]. Ни в одном из проанализированных судебных актов арбитражные суды не исследовали категории добросовестности или разумности применительно к действиям контролирующих лиц. При этом требование об обязательности данных категорий было известно отечественному законодателю (п. 3 ст. 53 ГК РФ).

Даже в случае установления фактов виновного бездействия контролирующих лиц суд отказывал в удовлетворении требований, обосновывая это решение недоказанностью взаимосвязи таких действий и намеренности к созданию или увеличению неплатежеспособности должника [82]. Достаточно примечательно, что доказательства вины контролирующего лица могли представляться именно в деле о несостоятельности должника. Как указывал Федеральный арбитражный суд Московского округа: «вина учредителя истца в совершении действий, повлекших за собой банкротство последнего, не была установлена ... при рассмотрении дела ... о банкротстве истца, в то время как это обстоятельство подлежит доказыванию и оценке судом именно в деле о несостоятельности должника» [81]. При этом сам Закон о банкротстве 1998 года не предусматривал обязанность для арбитражного суда устанавливать наличие или отсутствие вины контролирующих лиц в ходе рассмотрения дела о банкротстве. В результате отсутствовали достаточные основания для эффективного применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Резюмируя вышеуказанное, отметим, что исследуемый Закон о банкротстве предусмотрел лишь обобщенные правила привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Дальнейшее развитие исследуемого института связано с действующим Законом о банкротстве (Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [10]). Первоначально законодатель не ввел кардинальных изменений. При этом было предусмотрено отдельное упоминание о возможности применения субсидиарной ответственности в отношении собственника имущества должника – унитарного предприятия в случае наличия вины. На наш взгляд, указанное было обусловлено обширной судебной практикой, в рамках которой рассматривались подобные споры. Важным недостатком существовавшей на тот момент системы являлась возможность привлечения к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве фактически только одного лица.

Отсутствие существенной трансформации также сказалось на неизменности судебной практики, крайне небольшом проценте удовлетворенных исковых требований (вывод активов являлся превалирующим фактом, подтверждающим обоснованность заявленных требований [85]). Кроме того, подверглось изменению размещение рассматриваемых положений. Два основания привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности были размещены в одну статью («ответственность гражданина – должника и органов управления должника»). Положительно можно оценить разделение фиктивного, преднамеренного банкротства, а также исследуемой ответственности. Справедливой представляется позиция исследователей, указывающих, что в итоге Закон о банкротстве не связывает наличие вины в действиях контролирующих лиц с уголовно наказуемым деянием [286]. Основанием для отказа в удовлетворении соответствующих заявлений все также являлась недоказанность вины контролирующего лица в финансовой неплатежеспособности должника.

Помимо проблем, связанных с эффективностью рассматриваемых норм, наличествовало несоответствие положений гражданского законодательства и Закона о банкротстве. Так, ст. 399 ГК РФ, посвященная субсидиарной ответственности, не включала возможность какого-либо иного регулирования,

не предусмотренного этой статьей, но при этом содержала требование о возможности предъявления требований к «субсидиарному должнику» только после обращения к основному должнику, что в условиях п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве выглядело парадоксально и бесполезно. Статья 10 Закона о банкротстве практически в неизменном виде просуществовала в 15 редакциях вплоть до 5 июня 2009 года. В научной литературе отмечается, что причинами принятия последующих изменений стал экономический спад [256], значительно повлиявший на хозяйственное положение юридических лиц. Полагаем, что обоснованно также выделить обнаруженную необходимость пресечения противоправного использования конструкции юридического лица.

Изменения, последующие после вступления закона в силу, предполагали следующее. Во-первых, в ст. 2 Закона о банкротстве было закреплено понятие контролирующего должника лица как субъекта, обладающего (обладавшего) правом давать обязательные указания для должника или определять его действия менее чем за два года до принятия судом заявления о признании должника банкротом. Данное понятие раскрывалось в том числе в рамках возможности оказывать влияние на руководителя, который также наделялся таким статусом. Важным звеном являлось закрепление возможности признания в качестве контролирующего лица субъекта, формально не связанного с юридическим лицом. В результате сформировался конкретный срок влияния на должника, а также момент наличия такой возможности [217].

Во-вторых, в ст. 10 Закона о банкротстве был исключен критерий вины, законодатель сконструировал норму исходя из возникновения субсидиарной ответственности ввиду причинения вреда имущественным правам кредиторов в результате исполнения указаний контролирующих должника лиц.

В-третьих, в Законе о банкротстве была закреплена солидарная ответственность контролирующих должника лиц. В-четвертых, законодатель учел проблему доказывания по делам о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Так, возможность исключения возмещения вреда привлекаемого к ответственности лица при

условии, что оно докажет добросовестность и разумность своих действий в интересах должника. Фактически введенное правовое регулирование способствовало переложению бремени доказывания на ответчика. В-пятых, отдельно были прописаны права и обязанности контролирующих лиц, в частности, их правовой статус был приравнен к лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Основанием для привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности также стал факт отсутствия бухгалтерских и иных документов, требование к хранению которых предусмотрено законом. Как указывает И.Ю. Рыков, «эта мера была призвана защитить наиболее слабую сторону - кредиторов и конкурсных управляющих, потому что отсутствие документов... делало невозможными формирование конкурсной массы» [185].

Достаточно сложный юридический состав был присущ механизму уменьшения размера ответственности контролирующего лица. В частности, оно было возможно в ситуации существенно меньшего размера вреда, обусловленного деяниями контролирующего лица, относительно предъявляемых к нему требований. Анализируя последующее развитие и практику применения рассматриваемого положения, можно опровергнуть позицию В.Е. Филиппова, указывающего на наличие в рассматриваемой норме предпосылок к злоупотреблениям ввиду расширения судебного усмотрения [303]. Последнее является характерной чертой субсидиарной ответственности контролирующих лиц, базирующейся в том числе на оценочных категориях добросовестности и разумности.

При этом внесение масштабных изменений в правовую конструкцию субсидиарной ответственности контролирующих лиц не привело к изменению п. 3 ст. 3 Закона об ООО. Следовательно, критерий виновности, исключенный в Законе о банкротстве, применительно к обществам с ограниченной ответственностью в рамках корпоративного законодательства был сохранен. Справедливым является замечание Е.С. Пироговой и Ю.Д. Жуковой: «очевидно, что налицо несогласованность вновь принятых норм

законодательства о банкротстве и действующих норм гражданского (корпоративного) законодательства» [279]. К сожалению, можно констатировать, что данная проблема в полном объеме до сих пор не решена.

Применительно к акционерным обществам Законом об АО устанавливаются еще большие требования для заявителя в целях привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Так, последняя наступает только в том случае, если «контролирующие лица» использовали такое право в целях совершения действий, вследствие которых наступит банкротство, заведомо зная об этом (п. 3 ст. 3). Фактически речь идет о конструкции «виновного поведения».

Обширность изменений Закона о банкротстве не привела к установлению однозначного порядка привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Федеральным законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ ст. 10 Закона о банкротстве подверглась серьезным изменениям [13]. Примечательно, что пояснительная записка к законопроекту даже не раскрывала причины внесения соответствующих поправок, ссылаясь лишь на предотвращение, выявление и пресечение противоправных операций.

Как отмечает И.Ю. Рыков, комментируя причины внесения изменений, «сформированное в тот период положение о презумпции виновности контролирующего лица выглядело скорее как намек, чем как прямое указание» [186]. Полагаем, что значимым являлось закрепление следующих презумпций: виновности; доказанности причинно-следственной связи между поведением контролирующих лиц и банкротством. Последняя применялась при наступлении каких-либо из установленных в п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве обстоятельств (например, совершение сделок, приведших к причинению вреда кредиторам; отсутствие бухгалтерских документов, обусловившее существенное затруднение проведения процедур банкротства). Основанием для освобождения от ответственности стало отсутствие вины (предшествующая редакция Закона о банкротстве основывалась исключительно на критериях добросовестности и разумности), которое могло быть доказано путем

подтверждения добросовестности и разумности действий контролирующего лица. Анализ введенных положений, по мнению диссертанта, позволял однозначно установить обязанность контролирующего лица в ряде случаев доказывать отсутствие своей вины в банкротстве организации, что исключало необоснованное перекладывание бремени доказывания на заявителя.

Важным элементом, обеспечивающим баланс интересов кредиторов и контролирующих лиц, стало закрепление возможности привлечения к субсидиарной ответственности ввиду отсутствия документов бухгалтерского учета (при наличии дополнительного критерия существенности последствий таких событий). В результате законодатель обеспечил учет реальных действий контролирующего лица применительно к правовым последствиям и последующим правам заинтересованных лиц, что можно расценивать в качестве безусловно положительного шага для развития рассматриваемого института. Помимо этого, в ст. 10 Закона о банкротстве внесли изменения, предусматривающие срок давности подачи рассматриваемого заявления (один год со дня, когда подавшее лицо узнало или должно было узнать о таких обстоятельствах), а также право обращения с таким заявлением не только для конкурсных управляющих, но и конкурсных кредиторов или уполномоченных органов. Внесенные изменения позволили увеличить количество решений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц (наметился постепенный переход от формальной позиции к выявлению существа правоотношений [312]).

С 1 сентября 2014 года ГК РФ предусмотрел отдельную норму, посвященную ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (ст. 53.1). Вместе с тем понятие «контролирующего лица» в ст. 53.1 ГК РФ не используется, усложняя системное рассмотрение исследуемого института. Заключительными масштабными нововведениями с точки зрения изменения законодательства, регулирующего данную сферу, стали 2016-2017 годы. В частности, была

облегчена возможность налоговым органам привлечь к субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа, контролирующих лиц за использование различных финансовых схем. Виновность их действий предполагалась в случае, когда задолженность по уплате налогов составляла больше 50% общих требований кредиторов третьей очереди.

Дальнейшим шагом по совершенствованию рассматриваемой ответственности стало изменение понятия контролирующего должника лица (увеличение срока признания таковым до 3 лет; введение критерия родства, свойства, должностного положения как факторов определения действий должника [14]), установление возможности подачи соответствующего заявления после завершения конкурсного производства при определенных условиях или отказе в возбуждении дела о банкротстве, а также увеличение срока исковой давности (до 3 лет).

Закон об ООО был дополнен новым основанием для применения исследуемой ответственности (ст. 3 была дополнена п. 3.1, предусматривающим обращение к ней в случае исключения общества из ЕГРЮЛ [15]).

В результате ст. 10 Закона о банкротстве существенно расширилась, количество абзацев составило 42 против 5 (на момент принятия Закона о банкротстве), что с учетом начала активного применения рассматриваемого института свидетельствовало о необходимости определенным образом систематизировать и структурировать нормы. Как указывают А.В. Алтухов и С.В. Левичев, «предпринятые в 2009, 2013 и 2016 годах попытки законодательного реформирования норм об ответственности КДЛ не отличались глубиной и системностью, а потому не смогли повысить эффективность данного института» [197]. Постоянное совершенствование норм о субсидиарной ответственности контролирующих лиц привело к определению базовых положений применения данного института.

Завершился этап законодательных преобразований закреплением в отечественной правовой системе отдельной главы Закона о банкротстве (III.2),

посвященной ответственности руководителя должника и иных лиц, статья 10 утратила силу [16]. Последующие преобразования направлены лишь на точечное изменение Закона о банкротстве ввиду выявленных проблем (например, Федеральный закон от 21.11.2022 № 452-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [17], принятый во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) от 16.11.2021 № 49-П, установившего не соответствующими Конституции Российской Федерации [1] положения, не позволяющие лицу, привлеченному к субсидиарной ответственности, обжаловать судебный акт, принятый без участия этого лица [25]. При этом существующее регулирование субсидиарной ответственности является постоянным предметом дискуссий.

Отдельные изменения, посвященные особенностям привлечения контролирующих лиц отдельных видов юридических лиц, вносятся регулярно. Например, в 2021 году перечень контролирующих лиц страховой организации был дополнен лицом, осуществляющим или осуществлявшим в отношении страховой организации контроль не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также перечень лиц, которые могут обратиться с заявлением о привлечении контролирующего страховую организацию лица к субсидиарной ответственности, был дополнен контрольным органом (ст. 184.13 Закона о банкротстве).

В несколько похожем ключе изменению подверглись положения ст. 187.12 Закона о банкротстве, регулирующие привлечение к ответственности контролирующих лиц негосударственного пенсионного фонда, в результате чего был также добавлен элемент контроля. Помимо вышеуказанных субъектов изменение также коснулось ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию (ст. 189.23 Закона о банкротстве). По сравнению с вышерассмотренными субъектами для кредитных организаций отсутствует временной промежуток контроля, то есть не предусматривается какое-либо ограничение по сроку признания

контролирующим лицом [292]. Достаточно недальновидным представляется взаимосвязь критерия контроля с Международными стандартами финансовой отчетности, признанными на территории Российской Федерации, что в условиях санкционного давления может значительно отличаться от фактической ситуации.

Анализ подобных изменений показывает, что дополнение соответствующих норм продиктовано спецификой отдельных видов юридических лиц и направлено на учет характерных черт хозяйственной деятельности. Дифференциация субсидиарной ответственности контролирующих лиц позволяет устанавливать дополнительные требования лишь в отношении тех видов юридических лиц, для которых это объективно оправданно. Наглядным примером влияния развития правоприменительной практики является правовая позиция ВС РФ, указывающего в 2019 году на то, что несмотря на последовательное изменение правового регулирования института субсидиарной ответственности, его правовая природа сохранилась, что позволяет применять существенный объем последующих разъяснений к ст. 10 Закона о банкротстве [47; 48] в предыдущих редакциях.

Последний этап – изменение субсидиарной ответственности на основании правоприменительной практики. Достаточно проработанная глава III.2 Закона о банкротстве, повлекшая кардинальные изменения, позволила в значительной мере разрешить проблему недобросовестных или неразумных действий контролирующих лиц, о чем также свидетельствует отсутствие каких-либо законодательных изменений в течение более 5 лет в самой конструкции рассматриваемого института. Несмотря на качественные изменения в Законе о банкротстве, гражданско-правовое регулирование исследуемого института не подверглось преобразованиям. Гражданское законодательство до сих пор не оперирует понятием контролирующего лица. Кроме того, законодателем в ГК РФ не сформулированы положения, посвященные порядку привлечения к субсидиарной ответственности, обусловленной неправомерным поведением контролирующего лица, что в

условиях невозможности применения института банкротства в отношении всех видов юридических лиц, активного распространения процедуры исключения недействующих юридических лиц, свидетельствует о пробелах в регулировании. Преобладающее использование исследуемой ответственности в рамках Закона о банкротстве не может обосновывать отсутствие системного закрепления данного института в ГК РФ.

Существенную роль для практики применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц сыграло постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [32] (далее также постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53) детально разъяснившее порядок применения рассматриваемого института. Более того, в процессе рассмотрения отдельных дел ВС РФ выработаны подходы по привлечению к субсидиарной ответственности наследников контролирующего лица, несовершеннолетних детей контролирующего лица, членов совета директоров, группы компаний с центром прибыли. Соответственно в настоящее время наблюдаются тенденции по совершенствованию механизма применения исследуемой ответственности.

В результате принцип отделения (например, п. 2 ст. 56 ГК РФ) в целом ряде случаев нивелируется специальными положениями, позволяющими привлечь контролирующих лиц по обязательствам юридического лица. Принцип отделения предполагает функционирование конструкции юридического лица как определенного барьера между требованиями кредиторов и личным имуществом участников [189, с. 8].

В результате субсидиарная ответственность контролирующих лиц в результате многолетнего развития из нескольких норм превратилась в самостоятельный институт, охватывающий как гражданские, корпоративные правоотношения, так и банкротство юридических лиц. В качестве основных причин указанного можно выделить: 1) необходимость выработки эффективных механизмов защиты прав кредиторов; 2) отсутствие

последовательного применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц в условиях скудности нормативного правового регулирования; 3) важность создания в рамках гражданского оборота инструмента, минимизирующего возможность использования конструкции юридического лица в целях злоупотребления правом; 4) формирование полноценной доктрины добросовестности и разумности.

В результате, предусмотрев достаточно проработанные нормы (в рамках банкротства), посвященные рассматриваемому институту, законодатель обеспечил необходимость лишь корректировки складывающихся подходов в отношении отдельных практических вопросов [270, с. 287].

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц основывается на общеправовых принципах юридической ответственности, среди которых законность, обоснованность, целесообразность, неотвратимость, а также недопустимость двойной ответственности. Применительно к гражданско-правовой ответственности указываются принципы законности, полного возмещения вреда и принцип ответственности за вину [174, с. 210-221]. Кроме того, исследователи также выделяют принцип полного возмещения вреда, а также принцип вины (с определенными исключениями) [252]. Полагаем, что применительно к субсидиарной ответственности контролирующих лиц обоснованно выделить принцип исключительности.

Важность определения вышеуказанных принципов напрямую связана с их учетом в рамках привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Как указано в п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, «привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов». Следовательно, возможность его применения должна быть объективно оправдана. Диссертантом в результате анализа правоприменительной практики было обнаружено бессистемное использование исключительности и экстраординарности в делах о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц [278,

с. 50]. На наш взгляд, данные понятия не являются равнозначными. Активное применение субсидиарной ответственности контролирующих лиц свидетельствует о несоответствии критерию «необычности», характерной для понятия экстраординарность.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц граничит с целым рядом других видов ответственности. В доктрине встречается позиция о том, что субсидиарная ответственность и требование о взыскании убытков выступают частными случаями взыскания убытков, которые возникли в результате правонарушения [228]. Отстаивая самостоятельность субсидиарной ответственности контролирующих лиц, не согласимся с вышеуказанным подходом, так как для взыскания убытков необязательна ситуация невозможности исполнения обязательств самим должником — юридическим лицом. Субсидиарная и деликтная ответственность контролирующих лиц являются достаточно схожими, проистекающими из недобросовестных или неразумных действий (бездействия).

Исходя из анализа п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 можно отметить, что деликтная ответственность применительно к контролирующим лицам рассматривается через призму общих положений о возмещении убытков, в то время как Закон о банкротстве предусматривает специальные правила о субсидиарной ответственности. К сожалению, иные нормативные правовые акты не предусматривают столь подробного и содержательного правового регулирования.

Единая гражданско-правовая природа субсидиарной ответственности и требования о взыскании убытков подтверждается правоприменительной практикой [112]. Согласно п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, контролирующее лицо обязано действовать добросовестно, разумно и несет ответственность за убытки, которые причинены по его вине юридическому лицу. Соответственно для субсидиарной ответственности при банкротстве предмет доказывания связан с фактом наступления банкротства должника, а для деликтной ответственности — убытков в результате конкретного неправомерного

действия. Каких-либо последовательных критериев разграничения субсидиарной и деликтной ответственности контролирующих лиц Закон о банкротстве и ГК РФ не содержат. ВС РФ указывает на необходимость применения конструкции, предусмотренной Законом о банкротстве в том случае, когда допущенные контролирующим лицом нарушения выступили необходимой причиной банкротства. Исследователи отмечают важность установления того факта, довело ли контролирующее лицо должника до банкротства или нет [321]. Вместе с тем используемые критерии (существенность негативного влияния, тенденции экономических показателей, разумность ожиданий и их соотношение с объективным банкротством) являются оценочными, предполагая самостоятельную их квалификацию как со стороны заявителя, так и непосредственно судом в ходе судебного разбирательства. Подобное регулирование, как справедливо отмечает Е.К. Орлов, позволяет исключить возможность отказа в удовлетворении требований лишь ввиду отсутствия соответствующих документов у заявителя [262].

С одной стороны, подобное правовое регулирование позволяет облегчить выбор способа защиты нарушенного права для кредиторов и иных заинтересованных лиц. С другой стороны, кардинально отличается порядок и процедура доказывания (применительно к правоотношениям в сфере банкротства перечень контролирующих лиц рассматривается намного шире по сравнению с общими положениями гражданского законодательства).

Вместе с тем даже в ситуации отсутствия совершения контролирующим лицом действий, выступивших причиной банкротства, такой субъект привлекается к исследуемой ответственности в случае, если результатом его поведения являлось существенное ухудшение финансового положения должника (пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Рассматриваемый подход объясняется стремлением законодателя обеспечить возможность привлечения к ответственности контролирующих лиц, оказавших существенно негативное влияние на имущественные права кредиторов.

Достаточно примечательно, что каких-либо ограничений по обращению с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности и взыскании убытков не предусматривается [127]. Безусловно в случае удовлетворения какого-либо из заявленных требований повторное привлечение к ответственности недопустимо (исключение составляет лишь взыскание убытков в порядке ст. 61.20 Закона), но при этом остаются вопросы, связанные с размером ответственности, о количестве привлекаемых лиц.

Судебная практика, выработанная высшим судебным органом конституционного контроля, демонстрирует возможность взыскания убытков с контролирующего лица в общем порядке лишь при невозможности привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности [22]. Анализ данных видов ответственности демонстрирует отсутствие последовательных критериев их разграничения, что приводит к их смешению, нередко критикуемому в научной литературе [229]. Признавая обоснованность таких замечаний, выделим основную причину такого регулирования – последовательное регулирование и становление института субсидиарной ответственности контролирующих лиц лишь в течение длительного времени лишь в процедурах банкротства. При этом ее применение в банкротстве в отличие от иных случаев предполагает целый ряд презумпций, облегчающих процесс доказывания.

Рассматривая субсидиарную ответственность контролирующих лиц, нельзя не исследовать общую конструкцию субсидиарной ответственности, закрепленную в ст. 399 ГК РФ. Так, субсидиарная ответственность предполагает возможность обращения к лицу, который несет дополнительную ответственность, после обращения к основному должнику, отказавшемуся удовлетворять требование кредитора. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц представляет собой отдельный правовой институт, не предполагающий применение вышеуказанных положений. В этой связи в 2015 году в ст. 399 ГК РФ был включен п. 4, предусматривающий применение правил ст. 399 ГК РФ только в случае, если ГК РФ или иными законами не

предусмотрен иной порядок привлечения к ответственности. Подобный подход привел к достаточно распространенной практике ее применения к контролирующим лицам [129]. Как справедливо отмечает О.В. Гутников, «субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах по существу кардинально отличается от субсидиарной ответственности, предусмотренной в ст. 399 ГК РФ» [221]. Развивая данную позицию, отметим, что «заложенная модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц никак не связана со статьей 399 ГК РФ, так как следует за собственные виновные действия или бездействия» [271].

Правовая доктрина содержит подходы выделения корпоративной ответственности, одной из видов которой выступает субсидиарная ответственность контролирующих лиц. В качестве аргументов в пользу самостоятельности корпоративной ответственности приводится наличие корпоративного правонарушения, предполагающего нарушение предусмотренных законодательством и иными обязательными документами для юридического лица гражданских и корпоративных обязанностей, которые связаны с управлением таким лицом [160, с. 146].

В схожем ключе рассматривается проникающая ответственность, обладающая, по мнению Д.Д. Быканова, деликтно-корпоративной природой – корпоративный деликт [159, с. 8]. Исследователями отмечается небесспорность подобных подходов [191], обосновывая это тем, что деликтную ответственность традиционно принято относить к разновидности внедоговорной, что позволяет сделать вывод о рассмотрении и выделении данного института в качестве самостоятельного в искаженной системе координат [293]. Более того, снятие корпоративных покровов не предполагает простого возложения ответственности по долгам корпорации, а предусматривает расширение правового механизма защиты интересов кредиторов путем введения института прямых требований кредиторов к контролирующим лицам в строго определенных случаях. Схожий подход встречается и в научной литературе [212]. Фактически исследователи делают

вывод о том, что традиционные виды гражданско-правовой ответственности (договорная и деликтная) выделяются по критерию специфики правонарушения. При этом критикуемый вид ответственности обусловлен функциональными особенностями корпоративных отношений.

Немаловажным также стоит признать, что ее самостоятельное выделение призвано подчеркнуть специфику в рамках гражданско-правовой ответственности, упростив и облегчив принятие правоприменительных решений [224]. В качестве еще одного довода, обосновывающего справедливость подхода о самостоятельном виде гражданско-правовой ответственности в виде корпоративной ответственности, можно привести отсутствие последовательного разграничения субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц представляет собой прямую взаимосвязь основного и субсидиарного должника, так как именно последний определяет действия юридического лица и предопределяет причинение кредиторам убытков или банкротство организации. Кроме того, субсидиарная ответственность предполагает возможность предъявления регрессных требований к основному должнику. Соответственно для механизма субсидиарной ответственности контролирующих лиц законодатель предусматривает возможность регресса к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, удовлетворяемое после других требований (ст. 61.15 Закона о банкротстве). Вместе с тем обоснованной является позиция С.С. Покровского, указывающего на возможность применения понятия «регрессного требования», предусмотренного п. 3 ст. 399 ГК РФ, только к отдельным случаям субсидиарных обязательств [282] (среди которых простое поручительство). Применительно к субсидиарной ответственности контролирующих лиц мы можем отметить, что она в меньшей степени отвечает критерию производности, в большей степени связана с ответственностью за деликт. Указанное, на наш взгляд, также проявляется в достаточно схожей конструкции субсидиарной ответственности

контролирующих лиц и деликтной ответственности при банкротстве. Право регресса к подконтрольному юридическому лицу в таком случае сопровождается привлечением лица к ответственности за неправомерное поведение, что может расцениваться как нарушение принципов гражданско-правовой ответственности. Парадоксальна также ситуация права регресса к исключенному юридическому лицу, контролирующее лицо которого привлечено к субсидиарной ответственности в порядке ст. 3 Закона об ООО, так как правосубъектность данного лица прекращена.

Субсидиарной ответственности контролирующих лиц характерна правовая природа гражданско-правовой ответственности, возникающей в большинстве случаев в рамках предпринимательского риска при наличии вины в объективном смысле (законодатель в целом ряде случаев предусматривает наличие презумпций, но они не отменяют сам факт наличия указанной категории). В качестве еще одной специфической черты, характерной для рассматриваемого института, является объем предъявляемых к контролирующему лицу требований. Так, ответственность контролирующего лица наступает по своим собственным обязательствам, возникшим вследствие причинения имущественного вреда кредиторам, сопровождающееся невозможностью удовлетворения требований путем обращения к юридическому лицу.

Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц в доктрине рассматривается с различных позиций. В частности, судья М.П. Морхат указывает, что рассматриваемая ответственность основана на деликте – правонарушении, следующим из нарушения обязанности контролирующего лица действовать добросовестно и разумно [259]. Схожей позиции придерживается О.В. Гутников, указывая на прямую деликтную ответственность, следующую за собственные неправомерные действия, одновременно выделяя корпоративную ответственность [225, с. 65-66]. По мнению диссертанта, наличие правонарушения контролирующего лица не является безусловным основанием для признания деликтной природы

субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Как следует из ст. 1064 ГК РФ деликтное обязательство возникает в момент причинения соответствующего вреда, что применительно к субсидиарной ответственности контролирующих лиц обнаруживает противоречивость ввиду неясности такого момента [3]. Более того, деликт контролирующего лица может быть значительно меньше предъявляемых к такому лицу требований в порядке субсидиарной ответственности. Наступление рассматриваемой ответственности также возможно даже в случае необоснованности плана по выходу из кризиса (например, в случае субсидиарной ответственности контролирующих лиц за неподачу заявления о признании должника банкротом). Отнесение такого поведения к деликтной ответственности, обусловленной причинением вреда любому лицу, достаточно спорно. Особенностью субсидиарной ответственности контролирующих лиц является неправомерная реализация полномочий в процессе управления юридическим лицом, то есть результат каких-либо принятых решений, частичное или полное лишение самостоятельности юридического лица.

По мнению В.Ф. Попондопуло и Е.В. Силина «суды должны ориентироваться все-таки на договорную, а не деликтную природу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве» [284, с. 11-12]. Основаниями для отнесения ее к таковой исследователи видят в обязанности лица, имеющего соответствующие требования к должнику, обращаться в арбитражный суд с заявлением о возбуждении производства по делу о банкротстве. В результате чего возникает охранительное правоотношение банкротства [305], предполагающее обеспечение соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет конкурсной массы. В случае недостаточности такого имущества кредиторы и иные лица наделяются возможностью на обращение в арбитражный суд с заявлением о привлечении контролирующих лиц к рассматриваемой ответственности. Полагаем, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц не может, по общему правилу, рассматриваться через

призму договорной правовой природы, так как невозможность исполнения обязательств должником хоть и является одним из необходимых обстоятельств для обращения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, но не служит обстоятельством, позволяющим не применять принцип имущественной обособленности юридического лица.

В свою очередь, деликтная правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц (применительно к правоотношениям несостоятельности (банкротства) также подчеркивается судебными инстанциями [63]. Комплексный анализ п. 2 и иных положений постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, предполагающих возможность применения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц общих положений глав 25 и 59 ГК РФ, позволяет рассматривать позицию ВС РФ о деликтной природе такой ответственности. Схожесть субсидиарной ответственности контролирующих лиц с деликтной подчеркивается Д.В. Добрачевым, указывающим, что она выступает дополнительным обременением для контролирующих должника лиц. Указанный автор также отмечает правовую природу рассматриваемого института в виде определенного наказания, которое следует за не соответствующее законодательным требованиям поведение [172]. Справедливость использования критерия «наказания» также может объясняться невозможностью с помощью банкротства самого контролирующего лица снять обязательства, обусловленные привлечением к субсидиарной ответственности. Правовую природу субсидиарной ответственности исследователи связывают с правовой природой прокалывания корпоративной вуали [209], но при этом не раскрывают сущностное содержание последней. Придерживаясь схожей позиции, Е.Д. Суворов отмечает наличие целого ряда отличий субсидиарной ответственности контролирующих лиц и деликтной ответственности (прежде всего, речь идет о моменте возникновения обязательства, а также наличии вреда) [296].

Вместе с тем существует вопрос возникновения приведенного обстоятельства: совершения действия, завершения расчетов с кредиторами или появления кредитора. В рамках субсидиарной ответственности контролирующих лиц фактически не применимы критерии предвидимости вреда и размера, которые присущи деликтной ответственности [244]. Кроме того, для последней обязательно установление причинно-следственной связи между действиями лица и вменяемым вредом. В этой связи именно действия такого лица должны повлечь недостаточность имущества и образованную невозможность удовлетворения требований кредиторов.

На наш взгляд, обоснованно рассматривать самостоятельную природу субсидиарной ответственности контролирующих лиц, предполагающую в исключительных случаях отказывать в возможности применения принципа отделения. В качестве основных доводов в пользу такого подхода приведем следующие аспекты:

1) Наличие вины контролирующего лица по общему правилу доказывается заявителем, что не характерно для деликтной ответственности (п. 2 ст. 1064 ГК РФ) и договорной ответственности (п. 2 ст. 401 ГК РФ). Предусмотренные Законом о банкротстве опровержимые презумпции и сформулированные Конституционным Судом РФ положения о распределении бремени доказывания при применении п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО предполагают исключения из такого правила.

2) Наступление субсидиарной ответственности контролирующих лиц в отсутствии прямой причинно-следственной связи между нарушением имущественных прав кредиторов и поведением субъекта ответственности (например, бездействие органов управления наиболее строго оцениваемое в кредитных организациях).

3) Субсидиарная ответственность контролирующих лиц является исключительным механизмом, применение которого возможно только в установленных законом случаях.

4) Привлечение к субсидиарной ответственности допускается лишь в ситуации исчерпания средств для удовлетворения требований путем обращения взыскания на имущество должника.

Указанные обстоятельства объясняют обоснованность выделения самостоятельного правового регулирования рассматриваемого института в гражданском законодательстве Российской Федерации.

Справедливой, в определенном смысле, является позиция исследователей о различной правовой природе субсидиарной ответственности в гражданском праве и в рамках Закона о банкротстве [301], так как они охватывают достаточно отдаленные друг от друга правоотношения, которые могут обладать едиными признаками (анализ добросовестности и разумности действий контролирующих лиц). Такой подход применительно к нормативному закреплению субсидиарной ответственности контролирующих лиц нельзя признать обоснованным. Отсутствие общих положений в ГК РФ, регулирующих рассматриваемый институт, приводит к возникновению «правотворчества» высших судебных инстанций, направленного на обеспечение равенства прав кредиторов и контролирующих лиц.

Выявляя существо ответственности контролирующих лиц через призму Закона о банкротстве и ГК РФ, можно отметить две разновидности ответственности. В первом случае речь идет об убытках и ответственности за причинение вреда имущественным правам кредиторов. Законом о банкротстве предусматривается отдельная статья, посвященная взысканию убытков при банкротстве. Субсидиарная ответственность, выступая в определенном смысле как фактор восстановления платежеспособности должника, кардинально отличается от возмещения убытков, предполагающего восстановление имущественных интересов пострадавшей стороны. Первое проявляется в случае, когда номинальный директор может указать лицо, которое реально принимало управленческие решения и отрицательно повлияло на финансовую устойчивость организации. В этой связи исследуемая ответственность предполагает выявление субъекта,

необоснованно получающего выгоду от неправомерного использования конструкции юридического лица.

Соответственно предметом доказывания в таком случае выступает причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившими неблагоприятными последствиями, включая вину контролирующего лица. Немаловажным требованием, предъявляемым к возмещению убытков, является потребность установления разумной степени достоверности размера причиненных убытков [226]. Применительно к рассматриваемому требованию подлежат использованию принципы справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению [251]. В свою очередь, субсидиарная ответственность контролирующих лиц не предполагает такого сложного юридического состава (в части процесса доказывания), но сама по себе является объемнее, так как напрямую охватывает правоотношения в сфере банкротства. Так, она предполагает определение причин объективного банкротства (момент их возникновения), характер и содержание управленческих решений, распределение полномочий между органами юридического лица, действительности имущественной обособленности имущества юридического лица и так далее.

Заслуживает интереса возможность выделения первичного и производного состава гражданского правонарушения, характерного для ответственности работодателя за действия работника в рамках исследуемой ответственности. Полагаем спорным их безусловное выделение, так как контролирующее лицо может привлекаться к субсидиарной ответственности даже при отсутствии нарушения закона со стороны самого юридического лица. Так, даже реализация разумного плана по выходу из кризиса, который в определенный момент перестал отвечать критерию разумности, не препятствует применению субсидиарной ответственности за неподачу или несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом. Более того, в приведенной ситуации интересы самого должника не нарушаются, а ответственность фактически наступает за ненадлежащее

информирование кредиторов. Следовательно, имеет место лишь первичный состав гражданского правонарушения. Напротив, в ситуации вывода активов в результате совершения целого ряда сделок можно выделить наличие обоих составов, так как контролирующее лицо в таком случае привлекается к ответственности, прежде всего, ввиду совершения действий не в интересах должника (нарушение фидуциарных обязанностей).

Как подчеркивает Г.В. Цепов, «по сути, Закон о банкротстве под вывеской «субсидиарная ответственность» смешал разные виды ответственности: 1) договорную ответственность менеджеров перед должником; 2) внедоговорную ответственность иных контролирующих лиц перед должником; 3) внедоговорную ответственность контролирующих лиц перед кредиторами должника» [309]. Следовательно, внутреннее их разграничение существенно осложняется. Примечательно, что законодатель применительно к убыткам (ст. 61.20 Закона о банкротстве) не использует конструкцию контролирующего лица, связывая данную ответственность с лицами, фактически определяющими действия юридического лица. Неясным остается причина такой дифференциации и использование только в рамках субсидиарной ответственности конструкции контролирующих лиц. Не объясняется указанное также соотношением с видом ответственности, так как субсидиарная ответственность контролирующих лиц используется и в случае исключения общества из ЕГРЮЛ (п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО).

В судебной практике в рамках применения ст. 61.20 Закона о банкротстве суды напрямую ссылаются на понятие контролирующего должника лица (ст. 61.10 Закона о банкротстве) [123], отмечая, что «ответчики относятся к числу контролирующих должника лиц, с которых в силу Закона о банкротстве и ГК РФ могут быть взысканы убытки» [125]. Более того, несмотря на отсутствие в таком случае предусмотренных законом презумпций, суды указывают на возможность переложить бремя доказывания отсутствия нарушения при отказе директора от дачи пояснений или их неполноты [40]. В этой связи представляется обоснованным использовать в

рамках ст. 61.20 Закона о банкротстве понятие контролирующего лица, не перечисляя перечень субъектов, так как это приводит лишь к созданию неопределенности в вопросе субъектного состава рассматриваемой нормы.

Анализ норм законодательства о банкротстве, посвященных вопросу субсидиарной ответственности контролирующих лиц и взысканию убытков, не позволяет определить условия, при которых необходимо использовать тот или иной способ защиты нарушенного права. Естественным, для взыскания убытков предусматривается повышенный стандарт доказывания [187], так как не устанавливаются специальные положения, предоставляющие различные упрощения для заявителя. Вместе с тем возникает вопрос о целесообразности такого подхода, так как, с одной стороны, законодатель стремится обеспечить восстановление нарушенных прав кредиторов путем применения различных правовых презумпций, с другой стороны, ставит вопрос о возможности их использования исключительно в контексте влияния контролирующего лица на возможность банкротства юридического лица. Более того, указанное следует из разъяснений ВС РФ, а не является прямым указанием закона.

При этом рассматриваемая модель взыскания убытков не характерна для всех случаев банкротства юридических лиц. Так, для кредитных организаций достаточным является сам факт выдачи необеспеченных кредитов для привлечения контролирующих лиц к ответственности в форме убытков [60], а также обязательность оценки приговоров, при принятии которых анализировалась фактическая хозяйственная деятельность кредитных организаций. В результате справедливо полагать обязательность суда учитывать все имеющиеся в деле доказательства, проводя полноценную проверку обоснованности заявляемых требований.

Особенностью субсидиарной ответственности контролирующих лиц также является возможность предъявления убытков в части не покрытой субсидиарной ответственностью по основаниям, установленным в ст. 61.11-61.13 Закона о банкротстве. Следовательно, субсидиарная ответственность и взыскание убытков могут применяться к контролирующим

лицам вне зависимости друг друга, единственным аспектом является ограничение размера ответственности, так как оба требования носят зачетный характер по отношению друг к другу. В этой связи И.С. Шиткина указывает следующее: «окончательный размер ответственности определяется путем «поглощения» большей из взыскиваемых сумм меньшей» [313].

Исходя из представленного высказывается позиция о субсидиарном характере требований о взыскании убытков [216]. Подобное регулирование обусловлено единой в экономическом смысле целью видов ответственности, закрепленных в главе III.2 Закона о банкротстве. В любом случае максимальный размер ответственности ограничивается совокупным размером требований кредиторов [119]. В результате можно утверждать об отсутствии двойной ответственности, но указанное следует исходя из системного толкования положений Закона о банкротстве, так как они обладают схожими чертами, что и было продемонстрировано в рамках настоящего параграфа.

В этой связи даже в случае квалификации судом взысканных сумм в качестве неосновательного обогащения, в случае, когда фактически имеет место взыскание убытков, возложение субсидиарной ответственности без учета вынесенного решения неправомерно [102]. При этом субсидиарная ответственность контролирующих лиц, выступая источником формирования конкурсной массы, обладает самостоятельным характером, следующим за невозможностью удовлетворить требования кредиторов.

Таким образом, исходя из рассмотренного в рамках настоящего параграфа, можно выделить ряд ключевых выводов:

– субсидиарная ответственность контролирующих лиц в результате всех трансформаций сформирована как отдельный институт, в настоящее время недостаточно органично вписанный (но эффективно реализующий поставленные перед ним задачи) в существующую систему гражданско-правовой ответственности;

- субсидиарная ответственность контролирующих лиц является исключительной мерой, направленной на недопущение злоупотребления правом и конструкцией юридического права;
- правовая природа рассматриваемого института схожа с деликтной ответственностью, но имеет ряд принципиальных отличий, что позволяет обосновывать ее самостоятельность в системе гражданско-правовой ответственности;
- правовое регулирование субсидиарной ответственности контролирующих лиц по Закону о банкротстве и Закону об ООО неоднородно, т.к. предполагает использование разных оснований и доказательств для ее применения;
- субсидиарная ответственность контролирующих лиц и иные виды ответственности, применяемые в схожих правоотношениях, в законодательстве фактически не разграничиваются;
- закрепленная в настоящее время модель данного института кардинально отличается от общей нормы ст. 399 ГК РФ, посвященной субсидиарной ответственности;
- в научной литературе не сформировано единое мнение по вопросу правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

1.2 Основания установления статуса контролирующего лица

Исследование института субсидиарной ответственности контролирующих лиц без определения понятия такого рода субъектов представляется неполноценным, так как от этого зависит порядок его применения. Безусловно, основным выступают обстоятельства, которые законодатель и правоприменитель связывает с возможностью применения института субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Контроль, выступающий первоосновой для определения статуса контролирующего лица, не имеет единого закрепления в отечественном законодательстве. Теория корпоративного контроля исходит из наличия у контролирующего лица «фидуциарных обязанностей по отношению к подконтрольной корпорации» [210]. Полагаем, что помимо обязанности контролирующего лица действовать в интересах юридического лица [222], обоснованно рассматривать критерий соблюдения прав кредиторов. Следовательно, предполагаемой выгоды для юридического лица в результате совершения сделки недостаточно для безусловного отказа в привлечении к субсидиарной ответственности.

Легальное понятие контролирующего лица применительно к субсидиарной ответственности отсутствует. Закон о банкротстве использует понятие контролирующее должника лицо, под которым понимается «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий» (п. 1 ст. 61.10). Указанное понятие позволяет выделить два ключевых аспекта: 1) право давать обязательные указания для должника; 2) возможность иным образом определять действия должника.

Начнем с первого. Фактически право давать обязательные указания для должника раскрывается как одна из возможностей определения его действий. В данном случае преимущественно рассматривается контроль в качестве элемента корпоративного управления. Управленческий контроль может быть, в том числе вертикальным в рамках взаимодействия генерального директора и иных органов управления юридического лица. Законодатель не раскрывает, какие обстоятельства обеспечивают такое право непосредственно в ст. 61.10 Закона о банкротстве. При этом оно может быть прямым или

опосредованным [46]. Прямое выражается, прежде всего, в должностном положении. Согласно ст. 53 ГК РФ осуществление прав юридическим лицом реализуется через его органы. Основным органом, в полномочия которого входит право давать обязательные указания, является единоличный исполнительный орган. Анализ положений, регулирующих полномочия данного органа в основных видах коммерческих корпоративных организаций, демонстрирует неоднородность регулирования данного вопроса (для акционерных обществ в отличие от обществ с ограниченной ответственностью законом предусматривается право единоличного исполнительного органа давать обязательные для исполнения всеми работниками указания). Важно подчеркнуть, что практика применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц свидетельствует об использовании единых механизмов в рассматриваемой части как для акционерных обществ, так и для обществ с ограниченной ответственностью. Руководитель, являющийся единоличным исполнительным органом, осуществляет принятие административно-хозяйственных решений, выбор и контроль за действиями (бездействием) контрагентов, работников юридического лица, а также отвечает за организацию системы управления в целом (п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62). Толкуя правовой статус номинальных руководителей, ВС РФ в п. 6 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 также указывает на сохранение у такого лица обязанности по выбору представителя и контролю его действий. Фактически речь идет о любом работнике организации, который наделяется теми или иными полномочиями.

Еще одним из органов, обладающих правом давать обязательные указания для акционерного общества, выступает совет директоров. Исключительная компетенция совета директоров определена в ст. 65 Закона об АО. Прежде всего, контроль связан с принятием важнейших для общества решений (выпуск акций, использование резервного фонда, определение подходов к управлению рисками), выражение согласия или последующее одобрение сделок, в которых имеется заинтересованность. При этом именно

характер и содержание всей системы корпоративного управления является одним из предметов оценки обоснованности заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. В этой связи качественно выстроенная внутренняя корпоративная структура является базовым элементом защиты контролирующих лиц от отступления от принципа ограниченной ответственности. Представленный стандарт осуществления корпоративного управления предполагает обязанность руководителей, членов совета директоров контролировать хозяйственный процесс. При этом даже непривлечение к уголовной ответственности руководителя в рамках уголовного дела, связанного с незаконным осуществлением деятельности юридическим лицом, не свидетельствует об отсутствии состава гражданского правонарушения. Так, постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела не имеет преюдициального значения для арбитражного суда. Как указал ВС РФ в деле ЗАО «Заготовитель», «руководитель, реализовавший право на делегирование, не может устраниваться от контроля за выполнением делегированных функций» [67]. Следовательно, не использование права на дачу обязательных указаний обществу само по себе не имеет правового значения для определения статуса контролирующего лица. Особенно очевидным данный аспект является применительно к основной деятельности общества, осуществление которой при масштабных нарушениях законодательства не может сопровождаться надлежащим исполнением своих обязательств руководителем. Руководитель в любом случае является лицом, ответственным за действия своих работников.

Возможность давать обязательные указания может быть обусловлена имущественным положением юридического лица. Например, учреждения на имущество, закрепленное за ними собственником, наделяются лишь правом оперативного управления (п. 1 ст. 123.21 ГК РФ). Особые требования устанавливаются и в случае совершения определенных сделок.

Наконец, введенный Указом Президента РФ от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» режим

функционирования некоторых организаций, предполагающий передачу полномочий собственника имущества, ценных бумаг, а также долей в уставном капитале Федеральному агентству по управлению государственным имуществом [19], является наделением правом давать обязательные указания.

Вторая категория в меньшей степени понятна и однозначна. В данном случае речь идет не об управленческих полномочиях, а о контроле, обусловленном нахождением в штате организации или в силу признания его должностным лицом. Представляется, что в данном случае правомерно рассматривать случаи специфической экономической структуры нескольких организаций, когда одна компания определяет действия должника путем создания «центра убытков» при их формальном равенстве. Сюда же можно отнести любые иные ситуации, которые фактически приводят к нарушению прав кредиторов вследствие действий (бездействия) лица, иным образом, определяющие действия должника при условии, что именно такой контроль и является следствием банкротства юридического лица или невозможности исполнения обязательств самим должником.

Законодатель в рамках конструкции контролирующего должника лица (ст. 61.10 Закона о банкротстве) отдельно в п. 5 устанавливает невозможность отнесения к таковым лица, прямо владеющего менее 10 процентами уставного капитала и получающего обычный доход от такого владения исключительно в связи с данными обстоятельствами. Рассматриваемое положение видится как попытка ограничить возможность применения субсидиарной ответственности лишь к тем субъектам, вина которых в ненадлежащем корпоративном управлении очевидна.

Вместе с тем возникает вопрос о том, почему именно такой размер выбран законодателем, так как наличие большей доли, вплоть до 50 процентов, не позволяет самостоятельно принимать решения без учета интересов других участников. Неясным остается также момент установления критерия «обычного дохода», так как любой доход в ситуации причинения

вреда кредиторам уже должен рассматриваться как противоправное поведение.

Представленная норма фактически исключает возможность признания лица в качестве контролирующего при соблюдении вышеуказанных условий даже в случае одобрения тех решений, которые привели юридическое лицо к банкротству, так как законодатель не ставит взаимосвязь между такими обстоятельствами и статусом контролирующего лица. Видится концептуально неверным такой подход, так как иные нормы данной статьи, использующие критерии оценки размера доли и получения выгоды, построены на правовой презумпции «пока не доказано иное». Исходя из этого п. 6 ст. 61.10 Закона о банкротстве нуждается в определенных изменениях. Одним из вариантов может стать следующее его содержание: «К контролирующим должника лицам не могут быть отнесены лица, если такое отнесение связано исключительно с прямым владением менее чем десятью процентами уставного капитала юридического лица и получением обычного дохода, связанного с этим владением при условии добросовестности и разумности их действий (бездействия)».

Предложенная формулировка позволит кредиторам и иным уполномоченным лицам признавать контролирующими всех тех субъектов, которые в рамках корпоративного управления нарушили базовые принципы гражданского права, касающиеся управления юридическим лицом.

Возвращаясь к рассмотрению феномена возможности определения действий должника, необходимо подчеркнуть, что законодатель не устанавливает исчерпывающий перечень таких ситуаций. В качестве основных положений, позволяющих достигать такой возможности, устанавливаются следующие:

- 1) Нахождение с должником в родственных отношениях или должностном положении (с позиции должника рассматриваются исключительно руководитель или члены органов управления). В результате налицо взаимосвязь с субъектом, который обладает правом давать

обязательные указания. Основным мотивом наличия представленного положения видится исключение ситуации искусственного перевода деятельности организации на иное лицо, тесно связанное с контролирующим, так как зачастую такая ситуация направлена лишь на минимизацию предпринимательских рисков во вред кредиторам. В этом же ключе рассматривается и ситуация, когда в силу должностного положения руководитель или члены органов управления являются подчиненными контролирующему лицу. Указанное возможно при сложной корпоративной структуре группы компаний, когда помимо основной создаются еще ряд иных организаций, управляющие роли в которых занимают члены органов управлений основной организации. Анализ данного положения показывает, что недостаточно определенным представляется использование конструкции должностного положения. С одной стороны, возможно речь идет о ситуации, когда лицо, занимающее должность в органе управления юридическим лицом (например, руководителя), одновременно является работником другой организации, выполняя поручения ее руководителя при осуществлении своих полномочий в рамках деятельности должника. С другой, возможна другая трактовка, позволяющая устанавливать наличие контроля ввиду занятия должности в юридическом лице – должнике.

Особое значение в данном случае имеет общность интересов, которая, по мнению высшей судебной инстанции, может рассматриваться как с точки зрения юридической аффилированности, так и фактической [43]. Основопологающей является возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности [133]. Участие в управлении в рамках семейных связей рассматривается судебной практикой через единство интересов, что позволяет контролировать поведение хозяйствующих субъектов в гражданском обороте. Судами справедливо отмечается, что самого факта наличия семейных отношений недостаточно для возложения на родственника ответственности за соучастие в доведении до банкротства [134].

2) Наличие полномочий по совершению сделок от имени должника, которые могут быть основаны на доверенности, нормативном правовом акте или специальном полномочии. Данное основание определения действий должника базируется на основном положении, которое касается участия в гражданском обороте, то есть совершение сделок, обеспечивающих достижение цели создания юридического лица. Специфика и характер такой доверенности должны толковаться применительно к той или иной организационно-правовой форме. Например, Банк России указывает на то, что лицо, которому выдана генеральная доверенность финансовой организацией, является контролирующим [158].

Вместе с тем, концепция, предполагающая возможность контроля представляемым представляемого, не вписывается в общую систему гражданско-правового регулирования и обусловлена особенностью правоотношений в сфере банкротства. Указание на возможность рассмотрения подобных субъектов в качестве определяющих действия должника направлено на исключение ситуации, при которой лишь формальное отсутствие статуса в органах управления будет являться препятствием для признания контролирующим лицом. Аналогичный подход применим и в иных правоотношениях, не связанных с проведением процедуры банкротства. Правоприменительная практика также последовательно исходит из невозможности передачи фактически всех полномочий единоличным исполнительным органом, так как такой подход не может быть признан разумным. В этой связи согласимся с позицией М.Н. Илюшиной, которая отмечает следующее: «появление же другой подобной фигуры с равным объемом полномочий явно противоречит сущности института единоличного исполнительного органа...» [239]. По мнению диссертанта, еще одним аргументом является сама модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц, основанная на выявлении лица, обладающего фактическим контролем. Необоснованный отказ от выполнения предусмотренных гражданским законодательством обязанностей влечет

дополнительные сомнения в соблюдении прав кредиторов в процессе принятия управленческих решений.

3) Должностное положение, которое позволяет определять действия должника. Прежде всего, законодатель относит к таким субъектам главного бухгалтера, финансового директора, участника, обладающего более половиной долей / голосов, а также любую иную должность, отвечающую рассматриваемому критерию. Применение этого положения напрямую зависит от специфики корпоративного управления в конкретной организации.

Указанные положения предполагают лишь возможные случаи, которые позволяют определять действия должника. Наличие контроля может быть обусловлено и иными обстоятельствами. Например, в ситуации принуждения руководителя или членов органов управления, либо оказания иным образом определяющего влияния на таких лиц. Ключевым моментом здесь является критерий «определяющее», единообразная оценка которого отсутствует. Положительным видится толкование рассматриваемой нормы в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, в котором указывается на необходимость факта установления возможности определения существенных условий измененной ими сделки.

Для применения названного положения определение действия должника должно быть реальным, а не гипотетическим. Неслучайно ВС РФ исходит из необоснованности установления статуса контролирующего лица лишь по причине родственных отношений с членами органов управления.

В научной литературе можно встретить позицию о том, что «только наличие семейных отношений влечет презумпцию контроля родственника над компанией» [210]. Критически оценивая данное суждение, отметим следующее. Во-первых, используемые в п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве критерии могут анализировать при установлении наличия факта возможности определения действия должника, но они не являются презумпциями, так как ни законодателем, ни правоприменителем не используется модель «пока не доказано иное». Как следует из системного толкования положений,

регулирующих исследуемый институт, именно приведенная «связка» является индикатором презумпции. Во-вторых, подобный подход не соответствует разъяснениям ВС РФ, посвященным рассматриваемому институту. В-третьих, автор приходит к данному выводу оценивая несколько судебных актов. Вместе с тем лишь сам факт их наличия не может рассматриваться как достаточное основание для признания таких обстоятельств как презумпций. Более того, в случае привлечения членов семьи к ответственности суды указывают на правомерность привлечения в ситуации вывода имущества в пользу близких родственников, извлечения иной выгоды [98]. Справедливость такого подхода объясняется наличием в ст. 61.10 Закона о банкротстве самостоятельной презумпции извлечения выгоды для целей признания контролирующим лицом. В-четвертых, применение субсидиарной ответственности контролирующих лиц (в рамках несостоятельности) базируется на установлении причин банкротства должника, что предполагает анализ всех возможных обстоятельств при рассмотрении дела.

Следовательно, родственные связи могут являться дополнительным фактором, который оценивается судами. В результате рассмотренная возможность определять действия должника автоматически не предполагает наличие статуса контролирующего лица. В целях установления такого статуса заявитель должен доказать, что благодаря одному из выше рассмотренных оснований возможность определять действия реально достигается, то есть она существует применительно к данному субъекту, либо использовать закрепленные в п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве презумпции признания контролирующим лицом.

Презумпции предполагают отсутствие необходимости для заявителя доказывать наличие статуса контролирующего лица, что существенно облегчает весь процесс доказывания в рамках применения института субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Кроме того, отдельно оцениваются вышеуказанные обстоятельства возможности определения

действий должника, которые безусловно предполагают определенные преимущества, вытекающие из такого положения.

Законодатель в п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве использует следующие презумпции признания контролирующим лицом:

1) Статус руководителя, управляющей организации, ликвидатора, члена исполнительного органа или ликвидационной комиссии.

2) Право распоряжения (самостоятельно или совместно с заинтересованными лицами) 50 и более процентами голосующих акций или более половины долей уставного капитала общества. Сюда же относится и наличие более половины голосов в общем собрании участников, а также право назначать руководителя. Прямое владение не вызывает каких-либо вопросов. Совершенно иначе обстоит ситуация с используемой конструкцией заинтересованных лиц. Закон о банкротстве в ст. 19 предусматривает перечень таких субъектов. К ним относятся лица, входящие в одну группу с должником в силу положений законодательства о защите конкуренции, аффилированные лица, руководитель должника и лица, входящие в совет директоров, органы управления, главный бухгалтер, а также лица, находящиеся с рассмотренными органами в родственных отношениях по прямой восходящей и нисходящей линиям. В таком случае контролирующим признается также и аффилированное лицо. Вызывает объективные сомнения установление конкретного процента в целях определения статуса контролирующего лица, так как в реальности возможность принимать решения, в том числе избирая коллегиальный орган управления, без учета интересов иных акционеров, может существовать и при наличии меньшего количества акций, долей. Несмотря на это, презумпция применяться к таким ситуациям не будет.

3) Извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, выступающих от имени юридического лица. Примечательно, что в данном основании не используется модель неразумности действий (бездействия) как основания извлечения прибыли. В этой связи справедливо оценивать получение какой-либо выгоды в рамках неправильно выбранной

модели осуществления предпринимательской деятельности как прямо не нарушающее интересы кредиторов. ВС РФ справедливо сужает возможность произвольного применения данного правила, отмечая в п. 7 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 необходимость факта существенной выгоды относительно масштабов деятельности должника, которая находится в прямой причинно-следственной связи с поведением, не соответствующим закону.

Представленное основание применимо и к третьим лицам, а также выгодоприобретателям, которые извлекли выгоду или существенные преимущества из системы организации предпринимательской деятельности, привлекая к созданию на стороне должника основной долговой нагрузки группы лиц. В судебной практике подобное положение применяется в отношении создания модели, которая даже при наличии большого количества неисполненных обязательств позволяет не утрачивать активы [93]. Наличие существенности в данном случае позволяет установить наличие взаимосвязи между банкротством и извлечением выгоды.

Обозначенные основания предполагают наличие статуса контролирующего лица лишь за сам факт занятия такой должности. Рассматриваемая презумпция является опровержимой, то есть перечисленные лица обладают возможностью опровергнуть наличие у них статуса контролирующих лиц. Очевидным примером извлечения рассматриваемой выгоды является совершение существенно убыточной сделки. Исходя из указанного, презумпция, предусмотренная в пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, фактически используется и в отношении установления статуса контролирующего лица [100]. Представленное означает возможность одновременного применения сразу нескольких презумпций, позволяющих определить лицо, подлежащее привлечению к ответственности, а также установить наличие вины такого лица.

Критерий существенности применительно к выявлению контролирующего лица используется и с помощью соотнесения полученной выгоды с поступлениями на счет должника. Для целей привлечения к

субсидиарной ответственности установление статуса контролирующего лица является одним из самых важных аспектов. В этой связи должна учитываться любая возможная структура управления юридическим лицом, что предполагает обязанность судов определять статус контролирующего лица, используя все имеющиеся способы. Заслуживает внимания позиция ВС РФ, указывающего на необоснованность учета лишь должностной инструкции лица как причины отказа в признании такого лица контролирующим [48].

Отсутствие презумпций признания контролирующим лицом в других нормативных актах ставит вопрос о возможности использования аналогичного подхода и в случае привлечения к субсидиарной ответственности в ситуациях, не связанных с процедурами банкротства. Отстаиваемая диссертантом единая модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц позволяет положительно ответить на данный вопрос, так как никаких специальных положений, обусловленных исключительно правоотношениями в сфере банкротства п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве не содержит.

Безусловно, важна степень вовлеченности лица в процесс управления юридическим лицом и роль в принятии существенных деловых решений. В этом и заключается основная ценность исследуемого института, который призван нивелировать возможную завуалированность управления должником.

Фактический контроль также связан с выявлением «теневого» и (или) «скрытого» лица, обладающего возможностью принимать решения должника без наличия юридически обусловленных оснований. Установление статуса контролирующего лица в таком случае проистекает из возможности определения деяний юридического лица с помощью органов управления. Так, в деле о привлечении С.В. Пугачева к субсидиарной ответственности в рамках банкротства банка основанием для установления у него статуса контролирующего лица являлось наличие следующих обстоятельств: собственный кабинет, в котором он проводил встречи с сотрудниками банка; представление в переговорах с Банком России С.В. Пугачева как бенефициара

банка; наличие особого порядка согласования любых решений и сделок в банке, предполагающий его обязательное участие [86].

В зарубежных правовых порядках в качестве признака установления статуса теневого директора используется контроль над юридическим лицом, который характеризуется как «непосредственная направленность на участников органов управления и постоянство» [247]. Вне зависимости от используемого понятия «теневого директора», «фактически контролирующее лицо», «бенефициар», «неформальное контролирующее лицо», «конечный собственник» основу для признания статуса контролирующего лица составляет возможность формирования воли юридического лица [315]. Существенные отличия могут проявляться лишь в возможности применения опровержимых презумпций контролирующего лица. В частности, критерий извлечения выгоды не может быть применим в ситуации отсутствия факта необоснованного увеличения или сбережения активов. Фидуциарной обязанностью таких субъектов, как и формальных членов органов управления является соблюдение интересов должника и кредиторов.

Таким образом, критерии определения статуса контролирующего лица строятся преимущественно на двух аспектах. Первый имеет имущественную природу и предполагает наличие определенного количества долей или акций, статус выгодоприобретателя от недобросовестных действий должника. Второй характеризуется управленческой природой и предполагает анализ возможности формирования органов юридического лица, а также определения значимых решений в рамках хозяйственной деятельности юридического лица.

Рассмотренная модель контролирующего лица является общей, подлежащей применению в отношении большинства юридических лиц. Учитывая специфику организационной деятельности отдельных участников гражданского оборота, законодатель предусматривает особый порядок определения контролирующих страховую, кредитную организацию лиц, а также контролирующего лица негосударственного пенсионного фонда, который осуществляет деятельность по обязательному пенсионному

страхованию. Сущность подхода к указанным финансовым организациям едина и предполагает использование следующих критериев: 1) контролирующим признается лицо, которое осуществляло контроль в предусмотренный законом период, который определяется в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности, признанными на территории Российской Федерации; 2) пока не доказано иное, контролирующим является лицо, включенное Банком России в перечень контролирующих финансовую организацию лиц в установленном порядке. Основанием для включения являются поданные финансовой организацией сведения, но контрольный орган обладает правом дополнить перечень таких лиц. Согласимся с профессором Г.Ф. Ручкиной, указывающей на обоснованность внедрения отечественной системы рейтингов финансовыми организациями [289]. На наш взгляд, вышеприведенная позиция в совокупности с последовательной политикой государства по обеспечению прозрачности банковской сферы снижает вероятность недобросовестного или неразумного поведения органов управления финансовыми организациями.

Закрепленный в Законе о банкротстве механизм предполагает установление статуса контролирующего лица даже при отсутствии банкротства, предпосылок к нему. Используемая презумпция фактически предполагает ее использование на протяжении всего периода существования финансовой организации. С одной стороны, это безусловно повышает прозрачность деятельности таких субъектов, предъявляя достаточно жесткие требования к определению органов управления. С другой стороны, финансовая организация во многом сама и формирует перечень контролирующих лиц, что предопределяет важность обеспечения добросовестной реализации представленного положения. Кроме того, если по общему правилу презумпция контролирующего лица применяется судом, то вызывает вопросы возможность разрешения указанного вопроса иным субъектом – Банком России.

Модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц во многом строится на общей норме п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Несмотря на то, что формально норма не содержит термина контролирующее лицо, комплексный анализ отечественного законодательства и п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 позволяет ее рассматривать в качестве основы для определения понятия контролирующего лица. В научной литературе справедливо отмечается спорность неиспользования в ГК РФ понятия контролирующее лицо, так как это не способствует систематизированности правовых норм, устанавливающих ответственность рассматриваемых лиц [232]. По мнению диссертанта, с учетом активного распространения института субсидиарной ответственности контролирующих лиц обеспечение нормативного закрепления такого понятия в ГК РФ особенно актуально. Примечательно, что на этапе рассмотрения законопроекта № 47538–6, принятого в I чтении в апреле 2012 года, предусматривались отдельные статьи, посвященные лицам, контролирующим юридическое лицо (ст. 53.3 ГК РФ) и ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо (ст. 53.4 ГК РФ). Так, предусматривалась солидарная ответственность с подконтрольным юридическим лицом, что достаточно спорно. В последующем на основании поступивших поправок ко II чтению указанные статьи были исключены из законопроекта. Анализируя представленные положения, Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства была отмечена актуальность данной проблемы, возможность выработки путей ее решения автономно от проекта в целом, а также противоположности позиций российского бизнеса по вопросу их внедрения.

Учитывая, что с момента рассмотрения данного вопроса прошло более 10 лет, необходимым представляется выработка универсального понятия контролирующего лица для целей применения субсидиарной ответственности, под которым предлагается понимать лицо, «обладающее фактической возможностью определять деяния участника гражданского оборота

физическое или юридическое лицо (член органа управления, участник, учредитель, бенефициар, выгодоприобретатель, представитель по доверенности, публично-правовое образование и так далее), в результате недобросовестных и (или) неразумных деяний которого кредитор лишается возможности удовлетворить свои требования в полном объеме». Отнесение перечисленных субъектов к контролирующим лицам объясняется рассмотренными в настоящем параграфе признаками, а также предусмотренными в законодательстве презумпциями установления такого статуса. Содержащиеся в правовой доктрине и нормативных актах подходы к пониманию субъекта, подлежащего привлечению к исследуемой ответственности, не позволяют выявить универсальные критерии установления статуса контролирующего лица, что препятствует обеспечению правовой определенности. Целесообразность использования вышеуказанного понятия также объясняется потребностью (с точки зрения развития гражданского оборота, предпринимательской деятельности) выработки условий, при которых возможно «нивелировать принцип обособленности юридического лица» [277].

В пользу данного подхода свидетельствует следующее. Во-первых, сфера применения субсидиарной ответственности была расширена на случаи исключения из ЕГРЮЛ общества (п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО) и нуждается в дальнейшем распространении. Во-вторых, практика применения субсидиарной ответственности многократно возросла в результате последовательных изменений в Законе о банкротстве, а также совершенствовании правоприменительной практики судов всех инстанций. ВС РФ сформулированы критерии, используемые для целей выявления контролирующих лиц, подлежащих привлечению к субсидиарной ответственности, а именно: «существенности влияния на деятельность должника», масштаба негативных последствий для юридического лица с точки зрения реализации полномочий контролирующим лицом, роли в принятии управленческих решений или имущественных преференций в результате их

реализации. В-третьих, законодателем в ст. 61.10 Закона о банкротстве закреплена самостоятельная статья, регулирующая установление статуса контролирующего должника лица. В-четвертых, в результате установления системной связи рассматриваемых положений Закона о банкротстве, Закона об ООО, а также ГК РФ Конституционным Судом РФ в Постановлении от 07.02.2023 № 6-П (абз. второй п. 6) указано, что определение контролирующего лица в целях применения субсидиарной ответственности должно быть унифицировано. В-пятых, ВС РФ при трактовке ст. 53.1 ГК РФ напрямую рассматривает возможность привлечения к ответственности участника корпорации и иного контролирующего лица [71], то есть в судебной практике уже сейчас используется универсальное понятие. Аналогичным образом ВС РФ, применяя п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, предполагает использование исследуемой ответственности [74].

В пользу предложенного подхода также свидетельствуют положения Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53. Так, п. 20 предусматривает следующую формулировку «в том случае, когда причиненный контролирующими лицами, указанными в статье 53.1 ГК РФ, ... такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки ...». Следовательно, высшая судебная инстанция трактует представленные нормы как закрепляющие конструкцию контролирующего лица. В таком случае справедливо признавать несоответствие поведения контролирующего лица требованиям критериям «обычных условий гражданского оборота» и «обычного предпринимательского риска», но которое не является основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. Такой же подход обоснованно применять и в случае применения субсидиарной ответственности во всех других случаях. Следовательно, можно вывести следующее правило: каждое правонарушение контролирующего лица является основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности, но не каждое правонарушение влечет наступление субсидиарной ответственности. Полагаем, что такой вывод полностью соответствует исключительности

рассматриваемого института. В научной литературе схожим образом рассматривается конструкция ст. 53.1 ГК РФ. Так, Н.А. Потапов отмечает расширение в п. 3 круга контролирующих лиц, которые ответственны за деятельность юридического лица [285]. Е.М. Тужилова-Орданская также исследует ст. 53.1 ГК РФ на предмет отношений, возникающих между контролирующим лицом и подконтрольным [299]. В целом можно встретить достаточно большое количество исследований, в рамках которых используется рассматриваемый подход [245]. В то же время встречается и иное использование терминологии. Так, О.В. Гутников, отстаивающий идею выделения в качестве самостоятельной корпоративной ответственности, отмечает наличие в ст. 53.1 ГК РФ конструкции фактически контролирующих корпорацию лиц [224]. Указанное, на наш взгляд, не препятствует выстраиванию единого подхода к пониманию модели контролирующего лица. Кроме того, в доктрине понятие контролирующего лица для целей применения субсидиарной ответственности не выделяется.

Представленный в авторском определении перечень лиц, которые могут призваться контролирующими для целей применения субсидиарной ответственности, не является исчерпывающим, но отражает сформулированные в законодательстве и правоприменительной практике подходы. Самостоятельное выделение бенефициара и выгодоприобретателя обусловлено следующими обстоятельствами: 1) в практике ВС РФ используется конструкция «конечного бенефициара», который не имеет формальных полномочий, но обладает возможностью оказывать влияние на должника [48], а также «выгодоприобретателя» применительно к пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Выгодоприобретатель при этом может выступать членом органов управления должника и выстраивать модель убыточности деятельности должника; 2) не каждый выгодоприобретатель непосредственным образом связан с управлением юридическим лицом. Например, допускаемая в судебной практике применимость презумпции «контролирующего выгодоприобретателя» к несовершеннолетним детям

контролирующих лиц, что свидетельствует о вариативности основания для признания контролирующим лицом.

Классифицировать контролирующих лиц, подлежащих привлечению к субсидиарной ответственности, полагаем возможным в следующем виде:

1) контролирующие ввиду непосредственного осуществления управления юридическим лицом; 2) контролирующие на основании получения необоснованной выгоды от должника; 3) контролирующие в силу наличия возможности принимать решения, связанные с управлением юридическим лицом и влияющие на размер обязательств последнего.

Несмотря на отсутствие нормативного закрепления понятия контролирующего лица в гражданском законодательстве, попытки устранить данный пробел предпринимаются федеральными органами исполнительной власти. Согласно разработанному Минэкономразвития России в 2018 году законопроекту, ГК РФ предлагалось дополнить ст. 53.3 «лица, контролирующие юридическое лицо», а также ст. 53.4 «ответственность лиц, контролирующих юридическое лицо» и признать утратившей силу ст. 67.3 ГК РФ. Так, было предложено закрепить достаточно объемное понятие контролирующего лица, сконструированное схожим образом с регулированием сделок, в которых имеется заинтересованность обществом. В качестве специфического элемента авторы выделили признание контролирующими даже тех лиц, которые владеют менее 50% голосов, но не менее 30% при условии наличия возможности назначать определенные органы управления [155]. Предлагаемая формулировка относительного большинства заслуживает поддержки, так как предусматривает необходимый уровень гибкости при определении контролирующего лица.

В качестве безусловных минусов предлагаемых изменений можно отметить отсутствие однозначного регулирования в вопросе аффилированности, так как она может не формировать отношения подконтрольности, но является важным звеном всех правоотношений в процессе корпоративного управления. При этом даже при отсутствии

фактического контроля, но наличии действий, повлекших банкротство, аффилированных лиц ВС РФ также признает контролируемыми лицами, о чем косвенно свидетельствует п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53. В этой связи практиками отмечается необходимость для целей регулирования аффилированности закрепления ее признаков, которые позволяют «учитывать весь спектр значимого для права влияния на юридическое лицо» [325].

В научной литературе можно увидеть поддержку вышерассмотренного законопроекта. Действительно, его принятие позволило бы исключить ряд неясностей норм при определении лица, обладающего контролем над корпорацией [260]. Вместе с тем законопроект не охватывает понятие контролирующего лица для целей применения субсидиарной ответственности, так как распространяется механизм ответственности лишь на уровне контролирующая организация – подконтрольная организация. Представляется, что в большей степени нуждаются в устранении противоречия в рамках участия юридического лица в гражданском обороте, когда затрагиваются права и законные интересы субъектов, не аффилированных с должником и не обладающих над ним контролем.

Кроме того, выгодоприобретатель не упоминается в проекте, разработанном Минэкономразвития России, что также не соответствует складывающимся тенденциям по необходимости выявления всей сущности отношений в процессе управления юридическим лицом, предшествующих предъявлению соответствующих требований. Актуальность выработки решения данной проблемы обусловлена возможностью признания в качестве контролирующего лица юридического лица, входящего в одну группу компаний, которое лишь аффилированно с контролирующим лицом, но само не обладает контролем над должником. Например, в известном деле о банкротстве ООО «Дальняя степь» ВС РФ привлек к субсидиарной ответственности компанию HSBC Management и кредитную организацию ввиду вхождения их в одну группу и наличия у иностранной организации

контроля над ООО «Дальняя степь» через дочерние структуры. Примечательно, что банк лишь осуществлял действия в отношении денежных средств ООО «Дальняя степь», размещенных на счете банка. Как отметила высшая судебная инстанция, «банк фактически являлся лицом, который реализовывал (исполнял) волю компании HSBC Management как инициатора спорных операций» [46]. При этом было установлено отсутствие распоряжения по списанию денежных средств со стороны должника. Фактически суд признал, что согласованные действия аффилированных лиц наличествуют в случае вывода активов должника. М.Т. Белова справедливо отмечает, что приведенная позиция ВС РФ не в полной мере обоснована в силу того, что при наличии безусловного контроля группой HSBC Mngt деятельности должника в чем заключалась проблема надлежащего оформления платежных документов, которые явились одной из основных причин установления статуса контролирующего лица у банка [207]. В этой связи сам факт фактической возможности распорядиться денежными средствами в нарушении требований законодательства позволяет отнести любой банк к контролирующим лицам в отношении его клиентов. Подобная конструкция небесспорна, так как дает возможность признавать контролирующими лицами даже тех, кто не обладает возможностью определения действий юридического лица и непосредственно не является бенефициаром поведения должника.

В предложенном автором определении контролирующего лица для целей применения субсидиарной ответственности основополагающим является фактическая возможность определять деяния юридического лица. Полагаем, что фактическая возможность определения деяний участника гражданского оборота, заложенная в основу установления статуса контролирующего лица, «предполагает выявление всех лиц, способных и (или) обязанных принимать (обеспечивать принятие) решения юридическим лицом, а также оказывающих влияние на принятие существенных решений должником, при широкой дискреции судов в оценке роли контролирующего

лица в управлении юридическим лицом». В этой связи к субсидиарной ответственности подлежит привлечению не только лицо, обладающее действительным влиянием на должника, но и формально занимающее должность, предполагающую возможность участия в принятии управленческих решений. Отказ от реализации обязанностей, их делегирование без надлежащей системы последующего контроля не могут нивелировать предусмотренные гражданским законодательством требования соблюдения принципов добросовестности и разумности. Существенность решений, соотносимая с масштабами деятельности юридического лица, направлена на исключение возможности признания в качестве контролирующих лиц, не обладающих действительным влиянием на должника субъектов.

В результате критерием относимости субъекта к контролирующим лицам является фактическая возможность определения деяний участника гражданского оборота, которая может быть обусловлена как реализацией корпоративных прав, так и являться результатом искусственного характера имущественной обособленности юридического лица.

Возможность создания ситуации, при которой происходит изменение структуры активов должника, в том числе ввиду смешения их с другим лицом, позволяет в совокупности с другими обстоятельствами устанавливать статус контролирующего у такого лица, так и привлекать его к ответственности.

Предлагаемый критерий обязанности присущ участникам юридического лица либо членам органов управления (ст. 53 ГК РФ), которые также могут признаваться контролирующими лицами. Согласно сложившемуся в судебной практике подходу, указанная обязанность сохраняется даже в случае делегирования своих полномочий другим лицам [67]. Равным образом представленное положение распространяется и на случаи, когда юридическое лицо является лишь инструментом для извлечения необоснованной выгоды, то есть его самостоятельность в экономической плоскости лишь условна [29].

Фактическое отсутствие имущественной обособленности может являться результатом не только реализации корпоративных прав, но быть обусловлено организационно-правовой формой юридического лица. Предусматриваемые в отношении унитарного предприятия, учреждения ограниченные вещные права позволяют обоснованно предполагать наличие контроля за такими организациями у публично-правовых образований. По мнению диссертанта, несмотря на иную природу такого контроля, конечный результат в виде возможности определения имущественного положения должника свидетельствует о правомерности признания таких субъектов в качестве контролирующих лиц.

Целесообразность предложенного подхода по установлению статуса контролирующего лица объясняется необходимостью выявления возможности отступления от принципа имущественной обособленности юридического лица и его учредителей, а также между отдельными субъектами гражданского оборота. Фактическая возможность связана не с непосредственным участием в деятельности юридического лица, а с ролью в управлении последним, которое включает в себя как фактический, так и формальный контроль, оцениваемые через призму юридических взаимосвязей [195]. Специфика исследуемого института заключается в том, что даже при отсутствии правовых оснований для осуществления контроля лицо может быть признано контролирующим.

При этом такая возможность не может рассматриваться как презумпция, а носит «сугубо информационный характер» [169]. В этой связи не является обоснованным подход использования такой конструкции как инструмента перекладывания бремени доказывания на ответчика. Безусловно, в случае наличия должностного положения, возможности совершения сделок, суд может комплексно оценить степень вовлеченности таких лиц в управление юридическим лицом и обязать их представить пояснения.

В научной литературе можно встретить противоположные позиции по вопросу стандарта доказывания фактического контроля. По мнению

И.С. Шиткиной, в банкротном процессе следует использовать низкий стандарт доказывания для признания лиц фактически контролирующим в целях облегчения доказывания виновности [314, с. 118]. Не соглашаясь с таким подходом, О.В. Гутников отмечает недопустимость смешения вопросов фактического контроля с аспектами виновности и противоправности, а также указывает на отсутствие оснований для такого подхода к доказыванию [169]. Нам импонирует точка зрения последнего исследователя, так как она предполагает обязанность истца доказать возможность определять действия должника. Представляется, что именно в вопросе наличия фактического контроля законодатель и суды должны подходить избирательно, исключая даже гипотетическую вероятность привлечения к ответственности лица, которое не связано с неисполнением обязательств должника.

Указанное реализуется в том числе через призму непосредственного влияния на имущественную сферу должника, выступающего сущностной характеристикой контролирующих лиц. ВС РФ также рассматривает ситуацию смешения собственных активов с имуществом корпорации как основание для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности [39]. В пользу использования единого механизма к пониманию фактического контроля как в рамках правоотношений в сфере банкротства, так и в случае субсидиарной ответственности контролирующих лиц в иных правоотношениях во многом обусловлено теми же доводами, которые приведены в настоящем параграфе при определении понятия контролирующего лица. Указанное также подтверждается установлением Банком России перечня контролирующих лиц финансовых организаций, а также концептуально единой модели выстраивания фактического контроля, которая не зависит от факта возбуждения дела о банкротстве. Более того, иной подход повлек за собой механизм установления контролирующих лиц в зависимости от использования кредиторами процедуры банкротства, а не существа отношений, приведших к неисполнению обязательств, что противоречит всей системе регулирования гражданских правоотношений.

Иного подхода придерживается Р.Т. Мифтахутдинов, который отмечает более широкое распространение ответственности контролирующих должника лица в рамках института банкротства по сравнению с ответственности «лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица» [255]. Приведенное замечание обоснованно только при условии нивелирования исследуемой ответственности, предусмотренной п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Следовательно, концепция разграничения представленных понятий в зависимости от субъекта, чьи интересы затрагиваются, не соответствует тенденциям развития данного института.

Исследование аспекта возможности определения действия юридического лица также связано с наличием у лица возможности осуществлять гражданско-правовой контроль над деятельностью подконтрольного субъекта. По своему содержанию аспект формирования воли является ключевым для определения контролирующего лица. О.В. Грабко рассматривает функции гражданско-правового контроля, который направлен на «выявление несоответствия фактического поведения подконтрольного лица как идеальному поведению, требуемому законом или договором, так и (или) интересам контролирующего лица....» [218]. Контроль тесно связан с влиянием с точки зрения предопределения принимаемых юридическим лицом решений. Корпоративный контроль в научной доктрине исследуется и поминается по-разному. По мнению С.В. Сарбаша, корпоративный контроль представляет собой «определенные права по принятию управленческих решений, корпоративных актов по управлению юридическим лицом» [291].

Под действиями лица, которое не имеет формализованной возможности корпоративного и управленческого контроля, свидетельствующими о наличии признаков контролирующих должника лиц, понимаются не обычное хозяйственное взаимодействие контрагентов, а именно действия, находящиеся в причинной связи с доведением должника до банкротства [131]. Схожее понимание исследуемой возможности отмечал ВАС РФ еще в 2013 году. Так, в деле «УралСнабКомплект» суд указал на возможность привлечения к

ответственности лица, выражающего свою волю черед подконтрольных субъектов, не являющихся самостоятельными в таких отношениях [41].

ВС РФ и арбитражные суды также при оценке обоснованности заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц особое внимание уделяют вопросам наличия фактической возможности определения поведения должника [35; 123]. Рассмотренное понятие контролирующего должника лица является единственным для института субсидиарной ответственности таких субъектов.

Анализируя норму п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, исследователи полагают возможным признание в качестве субъекта, обладающего возможностью определять действия юридического лица в том числе лиц, оказывающих косвенное влияние на принятие решений органами юридического лица [167]. По мнению И.С. Шиткиной, практика применения представленного положения идет по пути понимания субъектов ответственности как лиц, обладающих фактическим контролем, так и участников, реально влияющих на принятие юридическим лицом решения [192]. В этой связи можно отметить, что практика идет по аналогичному пути, как и в случае субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Резюмируя рассмотренное необходимо подчеркнуть, что отсутствие единого подхода к дефиниции контролирующего лица в рамках исследуемого института приводит к использованию в судебной практике схожих подходов без должного обоснования, что влечет выборочность толкования, препятствуя формированию единообразия судебной практики. Предложенное понятие контролирующего лица, а также содержание фактической возможности определения деяний юридического лица, направлены на решение проблемы системного совершенствования данного института. Нормативное определение понятия контролирующего лица, закрепленного в Законе о банкротстве, а также лица, определяющего действия должника в соответствии с положениями ГК РФ для целей применения субсидиарной ответственности,

является единым, что позволяет утверждать о необходимости унификации их правового регулирования.

1.3 Применение добросовестности и разумности в рамках субсидиарной ответственности контролирующих лиц

Конструкция юридического лица является значимой для всего экономического оборота, прежде всего, речь идет о корпоративных организациях. Неслучайно именно категория юридического лица является одной из самых проработанных в научной литературе [182]. Несмотря на наличие различных классификаций юридических лиц, законодателю необходимо создать условия правомерного использования всех предусмотренных форм. Данный процесс осложняется активным развитием цифровых технологий, позволяющих скрыть настоящего бенефициара юридического лица. Возможность принятия управленческих решений полностью удаленно, обеспечение различных систем защиты идентификации пользователей с одновременным использованием номинальных директоров может стать следующей проблемой для отечественного законодателя. Рассматриваемый процесс носит двойственный характер, так как позволяет установить в ряде случаев номинальность единоличного исполнительного органа (например, все значимые документы подписываются электронной подписью другого лица, действующего на основании доверенности), но также открывает простор для использования новых способов фактического управления юридическим лицом. Судебная практика также содержит случаи определения статуса контролирующего лица исходя из информационного взаимодействия (дача интервью о деятельности организации на ближайшую перспективу) [87]. На наш взгляд, одним из ключевых вопросов является определение соблюдения принципов добросовестности и разумности в случае принятия решений с использованием цифровых технологий [269, с. 123-124]. Отметим, что достаточно эффективно концепция бенефициарного

собственника (способов его выявления и привлечения к ответственности) разработана в налоговом праве [306]. Основой последующих изменений должно являться реальное достижение добросовестности и разумности вне зависимости от управленческих особенностей отдельного юридического лица.

Несмотря на то, что цифровое пространство не характеризуется в настоящее время как самостоятельное бытие, определение базовых положений, исключающих последующее распространение недобросовестного его использования, является задачей для дальнейшего развития гражданско-правовой ответственности. В научной литературе обоснованно отмечается возможное наделение искусственного интеллекта возможностью самостоятельно принимать какие-либо решения (например, выдача небольших кредитов [264]). Постепенное увеличение его роли неизбежно влечет возникновение вопросов об изменении механизма привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Полагаем, что указанное будет проявляться в изменении оценки управленческих решений, анализа полноты информации, используемой в хозяйственной деятельности. В этой связи принципиальное значение может быть отдано выявлению обоснованности использования искусственного интеллекта, надлежащей системе контроля за решениями, принятыми последним.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в данном случае органично вписывается в модель, сформулированную А.В. Золотухиным, отмечающим, что «право не может устранить либо снизить возможный отрицательный результат рисковой деятельности..., но оно способно обеспечить участников хозяйственного оборота правовыми средствами, позволяющими рационально распределить возникшие при риске неблагоприятные последствия» [237]. В этой связи кредиторы должны обладать адекватным средством противодействия очевидно противоправным действиям должника и контролирующих лиц. Исследуемый институт справедливо рассматривается как способ противодействия злоупотреблениям конструкцией юридического лица [266]. По мнению диссертанта,

эффективность такого механизма в настоящее время искусственно ограничивается путем распространения ее лишь на часть правоотношений.

Как отмечает В.Ф. Яковлев, раскрывая принцип добросовестности субъектов гражданского права, он призван «предотвратить злоупотребление участниками гражданского оборота своими гражданскими правами и свободами в ущерб публичному интересу, в ущерб интересам общества» [193, с. 858]. Кроме того, принцип добросовестности позволяет обеспечить правильное применение нормы права [261]. Применительно к субсидиарной ответственности контролирующих лиц в большей степени соотносится с обязанностью действовать в интересах самого юридического лица [161]. В результате происходит сужение содержательного наполнения данного принципа. Соответственно гражданско-правовая ответственность должна способствовать достижению правомерного поведения субъектов хозяйственной деятельности, указывая на правовые последствия злоупотребления конструкцией юридического лица.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в рассматриваемом ключе предполагает максимальное уменьшение тех сделок, которые являются экономически невыгодными, направлены на искусственное создание задолженности, вывод денежных средств юридического лица без соответствующих правовых оснований.

В таком случае несоблюдение добросовестности должно являться основанием для обращения к единым механизмам защиты прав кредиторов вне зависимости от организационно-правовой формы юридического лица. Предложенный подход соответствует доктринальным позициям. Как утверждает Д.В. Дождев, добросовестность, «будучи продуктом правового принципа формального равенства и соразмерности в отношениях обмена, отражает необходимое соучастие субъекта правового общения в формировании и поддержании правовых установок и принципов» [183].

Помимо злоупотреблений конструкцией юридического лица, безусловно важным является ограничение возможности манипулирования ею

[165]. Субсидиарную ответственность контролирующих лиц в определенном смысле можно рассматриваться через призму публично-правовых отношений [257], так как, во-первых, в рамках ее применения возможно участие уполномоченных органов с соответствующим интересом (например, право на подачу соответствующего заявления в случае наличия задолженности по налогам), во-вторых, в определенных случаях контролирующие лица привлекаются к специфической ответственности в форме убытков (п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве, посвященной вопросам ответственности кредитной организации (противоречивость и неоднозначность данной нормы раскрывается А.В. Егоровым [227])). Публично-правовая цель в целом присуща всему институту банкротства, что предполагает создание гарантий для баланса прав и законных интересов всех субъектов. В определенной мере социальная справедливость реализуется посредством субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, начало банкротства «связано именно с нехваткой ресурсов для расчетов с кредиторами, и на понимании ограниченности этих ресурсов основан весь механизм несостоятельности» [27]. В этом и заключается основное отличие банкротства от простого искового производства. С процедурной точки зрения Закон о банкротстве предусматривает комплекс правовых презумпций, направленных как на признание статуса контролирующего лица, так и оснований для привлечения его к субсидиарной ответственности.

Нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица является основанием гражданско-правовой ответственности. Использование данных категорий имеет общеправовое значение, так как связывает субъекта с возможностью использовать те или иные права (в научной литературе вопрос отказа в защите права исследуется через призму разумности и добросовестности [213]). Нередко рассматривается именно добросовестность управленческой деятельности. Указанное обусловлено, прежде всего, важностью исключить нарушения прав и

законных интересов третьих лиц со стороны недобросовестного или неразумного субъекта.

В этой связи стандарт доказывания для таких субъектов существенно снижен в делах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Как подчеркивает А.Я. Курбатов, «принцип добросовестности как общеправовой принцип должен предопределять результаты толкования и применения норм права» [177]. Данный подход объясняется наличием в рамках применения исследуемого института большого количества оценочных положений, предполагающих в каждом случае выявить характер и существо поведения контролирующих лиц.

Рассматривая принцип добросовестности, применительно к сфере корпоративных правоотношений, К.В. Нам указывает на несколько его функций: во-первых, что и как должен делать участник общества или орган управления; во-вторых, что делать не следует [180]. По мнению приведенного исследователя, принцип добросовестности является, в том числе, нормой-правилом, содержащим общеобязательные правила, которые по целому ряду причин не имеют определенного содержания, а требуют обязательной конкретизации. На наш взгляд, проецируя представленный подход на субсидиарную ответственность контролирующих лиц, обоснованно выделение интересов кредитора в ситуации, когда имеет место быть неправомерное использование конструкции юридического лица. В свою очередь, примером необходимости конкретизации является п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, предполагающий установление взаимосвязи между отступлением от принципов добросовестности и разумности контролирующим лицом и неисполнением обязательства должником.

Одним из принципов, которые проистекают из добросовестности как общеправовой категории можно рассматривать принцип содействия сторон [265], предполагающий в банкротстве как обязанность контролирующего лица взаимодействовать с арбитражным управляющим, так как иное вполне обоснованно может быть расценено как не передача соответствующих

документов. Соответственно данный принцип возникает не из договора, а ввиду банкротства юридического лица или исключения общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ. Содействие со стороны контролирующего лица является критерием оценки соблюдения принципа добросовестности. В банкротстве содействие сторон достигается установлением опровержимых презумпций. Вместе с тем отсутствие в иных случаях подобных положений, по мнению диссертанта, является упущением законодателя и влечет предъявление трудно исполнимых требований к заявителю. Анализ ст. 61.11 Закона о банкротстве показывает, что законодатель ставит принципы добросовестности и разумности в один ряд с осуществлением действий согласно обычным условиям гражданского оборота. Следовательно, рассматриваемые принципы, прежде всего, подлежат оценке на предмет хозяйственной деятельности юридического лица, принимаемых решений органами управления. Здесь важно подчеркнуть, что используемая в п. 2 ст. 15 ГК РФ формулировка «обычных условиях гражданского оборота» существенно отличается ввиду применения при взыскании неполученных доходов. В отличие от положений ГК РФ в целях применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц законодатель не раскрывает содержание рассматриваемой категории. Для целей исследуемого института обычные условия гражданского оборота применяются с учетом масштабов деятельности юридического лица. Неясным является отсутствие каких-либо разъяснений, касающихся обычных условий гражданского оборота, в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, в нем упоминается лишь о соответствии действий (бездействия) обычному деловому риску (п. 18). Судебная практика также практически не раскрывает данный принцип, ссылаясь только на вышеуказанное положение. В единичных случаях можно встретить упоминание обычных условий гражданского оборота при оценке целесообразности заключения договора [99], соответствии деятельности общества целям его создания. На наш взгляд, отсутствие сформированной позиции по данному вопросу не может

признаваться удовлетворяющим закреплённой в Законе о банкротстве конструкции. В этой связи справедливой является позиция ВС РФ, указывающего на обязанность судов выяснить выстраивание контролирующим лицом надлежащей системы контроля [67], а также оценить добросовестность контролирующих лиц.

Несмотря на несколько иной аспект приведенной позиции, вопрос которой касался делегирования полномочий контролирующим лицом, представленная модель вполне применима и к норме о соответствии действий обычным условиям гражданского оборота, так как перекладывание всех полномочий на других субъектов не является свойственной реализацией своих полномочий единоличным исполнительным органом. Соответственно добросовестность и разумность действий подлежат оценке не в отрыве от всей системы хозяйственной деятельности должника, а в прямой взаимосвязи с принимаемыми действиями и правовыми последствиями для должника.

В свою очередь, добросовестность контролирующего лица может подтверждаться осуществлением каких-либо мер, в том числе по восстановлению утраченной документации. Заслуживает внимания позиция М.Н. Зарубиной, отмечающей непосредственное воплощение категорий добросовестности и разумности под влиянием принципа справедливости [236]. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должна отвечать данному принципу. Особенно актуальным также является его применение в правоотношениях с номинальным руководителем, не обогатившимся за счет должника [317]. Справедливость возложения субсидиарной ответственности на него не вызывает вопросы, но механизмы уменьшения или полного освобождения от ответственности призваны обеспечить соблюдение баланса интересов всех сторон.

Отсутствие проработанных критериев добросовестности и разумности в гражданском законодательстве применительно к ответственности членов органов управления может объясняться спецификой использования данных категорий даже в случае различных видов субсидиарной ответственности

контролирующих лиц. Так, субсидиарная ответственность, предусмотренная п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, характеризуется несколько иным составом по сравнению с основаниями, предусмотренными Законом о банкротстве. Нормативной основой добросовестности и разумности как составного элемента системы гражданско-правовой ответственности выступает ст. 10 ГК РФ (закрепляет общие ограничения при реализации соответствующих прав). В судебной практике добросовестность раскрывается путем соответствующего поведения, ожидаемого от всех субъектов гражданского оборота, которое позволяет обеспечивать права и законные интересы всех лиц [33]. При этом критерию разумности действий практически не уделяется внимания. Правовое регулирование исследуемого института не раскрывает содержательные аспекты добросовестности и разумности, что предполагает необходимость руководствоваться общими основаниями ответственности, установленными гражданским законодательством.

Существующие разъяснения вопросов добросовестности и разумности на уровне высших судов посвящены преимущественно вопросам взыскания убытков с лиц, которые входят в состав органов юридического лица. В качестве недобросовестности действий (бездействия) директора в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 указываются действия при конфликте интересов, осуществление сделки без соответствующего одобрения [31]. Применительно к данным разъяснениям возникает два вопроса: во-первых, могут ли они быть применимы к субсидиарной ответственности контролирующих лиц; во-вторых, каким образом оценивать поведение других контролирующих лиц (помимо директора). Изучение судебных актов позволяет ответить положительно на первый вопрос. Так, суды кассационных инстанций указывали на то, что вышеуказанные положения следует применять по аналогии к поведению участников общества в рамках привлечения к субсидиарной ответственности [121]. В свою очередь, поведение иных контролирующих лиц может оцениваться с точки зрения влияния на принятие рассмотренных недобросовестных действий

(бездействие), так как применимость их, например, к выгодоприобретателю прослеживается лишь условно.

Существенным образом такое понимание осложняется отсутствием единства между Законом о банкротстве и ГК РФ (относительно действия в интересах определенных субъектов). С одной стороны, ГК РФ предполагает наступление гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц в случае отступления от принципов добросовестности и разумности в интересах юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). С другой стороны, Закон о банкротстве предполагает соблюдение интересов не только самого должника, но и учредителей (участников), а также кредиторов (п. 1 ст. 30). Представляется, что подобные различия должны предусматривать соответствующие положения, раскрывающие специфику их применения.

Исходя из этого исследователи указывают на то, что разумность не выступает составной частью основных начал гражданского законодательства [168, с. 217]. В этой связи актуален вопрос о целесообразности конструкции разумности в механизме гражданско-правовой ответственности.

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является рассмотрение принципа разумности через критерий правомерности, с одновременным использованием конструкции целесообразности. Предложенная модель означает признание тех действий разумными, которые направлены на достижение допустимых правом целей. Удачной также представляется позиция С.А. Ивановой, рассматривающей разумность в качестве чувства меры, рационального понимания объективной реальности [162]. Последнее, например, особенно актуально для оценки действий руководителя организации. Подобный подход воспринят судебной практикой в качестве инструмента исследования экономически обоснованного плана выхода из кризиса [62]. В случае его наличия и исполнимости суды отказывают в привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

В похожем ключе высказывается В.С. Ем, указывая также на осмысленность и логичность поведения субъекта [168]. По мнению

В.И. Емельянова, «разумность характеризует интеллектуальные и нравственные качества лица опосредованно, через сравнение его поведения с возможным поведением среднего человека» [173]. Соответственно принцип разумности позволяет соотнести поведение, действия (бездействие) нескольких субъектов, выявив отличие предпринимаемых конкретным лицом решений по сравнению с обычно распространенной практикой. Безусловно, возникает вопрос о возможности оценить план с учетом специфики предпринимательской деятельности, носящей характер риска. На наш взгляд, наличие лишь общих положений позволяет суду оценить в каждом случае совокупность существовавших условий, при которых было принято то или иное управленческое решение. В этой связи субсидиарная ответственность контролирующих лиц должна наступать лишь в случае очевидно отклоняющегося от общей модели поведения в интересах юридического лица, что привело к нарушению прав и законных интересов кредиторов.

Ценность для настоящего диссертационного исследования представляет следующая позиция С.А. Ивановой, по мнению которой, «требование разумности обязывает субъекта выбирать действие и осуществлять его так, чтобы оно при нормальном развитии причинно-следственных связей имело хотя бы минимальную полезность для кредитора ...» [238]. В результате речь идет о рассмотрении принципа разумности как прагматичной составляющей гражданского права [243, с. 18]. Представляется, что использование критерия разумности в рамках института субсидиарной ответственности контролирующих лиц напрямую отражает вышеуказанное мнение, так как предполагает обязанность лица, определяющего действия юридического лица, всегда учитывать не только собственные интересы, но также экономические последствия для его кредиторов. Равно как в случае раскрытия недобросовестности, оценка и примеры неразумности приводятся в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62. В частности, неразумность считается доказанной в случае принятия решения директором без известной ему информации, которая имеет значение, совершение сделки

без сложившихся внутренних процедур согласования. Полагаем, что приведенные положения могут быть применимы и к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, но с определенными объективными ограничениями, указанными при рассмотрении добросовестности.

Специфика рассматриваемого института заключается в том, что законодатель в целом ряде случаев отходит от презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности (указанный императив является выведенным из Конституции РФ и сформулированным Конституционным Судом РФ [166]), характерной для правовой системы в целом. Обоснованность такого подхода заключается в возможности применения рассматриваемых случаев лишь точно в случае банкротства юридического лица или его ликвидации.

Добросовестность как правовая категория также не лишена дискуссии. В отличие от вышерассмотренного принципа законодатель в ст. 10 ГК РФ подробнее раскрывает требования к добросовестному поведению. Фактически трактуя недобросовестные действия, законодатель устанавливает запрет на злоупотребление правом, при оценке которого правомерно использование общих принципов гражданского права. Отечественные исследователи рассматривают доктрину снятия корпоративной вуали в качестве реакции на злоупотребления правом контролирующими лицами [202]. По мнению диссертанта, целесообразно выделять также необходимость создания эффективных механизмов обеспечения выполнения обязанностей по управлению юридическим лицом. Принятие решений, определяющих финансовое состояние юридического лица, не может нивелировать возможные риски за нарушение установленных законодательством требований.

Факт злоупотребления правом может являться основанием для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности. В большей степени корректным представляется подход об оценке действий контролирующего лица через критерий злоупотребления правом, так как оно само по себе не является основанием для неприменения принципа

имущественной обособленности, в данном случае необходим сложный юридический состав. Запрет злоупотребления правом как одно из проявлений принципа добросовестности является гарантией предсказуемости для всех участников оборота. Именно поэтому использование оценочных категорий является жизненно важным для гражданского оборота, так как, во-первых, предусматривая свободу экономической деятельности законодатель закрепляет понятные ограничения, напрямую связанные с конституционными целями, во-вторых, они позволяют контролирующему лицу раскрыть и обосновать свои действия (бездействие), включая цель, мотив, предполагаемые результаты, в-третьих, они являются универсальным защитным механизмом, не требующим подробного законодательного регулирования при условии создания работающих механизмов привлечения лица к ответственности. Соответственно добросовестность контролирующих лиц возможно также рассмотреть с точки зрения пределов осуществления гражданских прав. Критерии заботливости и осмотрительности встречаются в судебной практике по спорам о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности [90]. При этом наличие подобного барьера позволяет хозяйствующим субъектам вступать в предпринимательские отношения с другими лицами, учитывая различные правовые последствия.

Указанное особенно актуально в условиях распространения требования о должной осмотрительности, активно продвигаемого налоговыми органами и используемого для оценки действий контролирующего лица. Подобный подход позволяет разрешать проблему недобросовестных или неразумных действий сразу с двух сторон, так как предполагает обязанность тщательно подходить к выбору контрагента, условиям договоров и одновременно закрепляет возможность привлечения к ответственности контролирующих должника лиц в случае отступления от соблюдения таких критериев в ходе принятия управленческих решений. Неслучайно исследователи отмечают наличие целой совокупности категорий, предоставляющих суду возможность

проанализировать действия контролирующего лица в рамках представленной ему дискреции [194].

Полагаем, что требование добросовестности, раскрываемое через ожидания от любого участника гражданского оборота, распространяется и на требования в процессе управления юридическим лицом.

Вместе с тем неоднозначным представляет соотношение добросовестности и разумности. С точки зрения корпоративного права, в научной литературе высказывается позиция о том, что добросовестность отражает этический аспект (запрет действовать во зло) и определяет границы допустимого поведения, а разумность – рациональный элемент (анализ последствий поведения, прогноз и оценка рисков) [203, с. 9]. Полагаем, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц предполагает особое внимание к добросовестности, так как ее несоблюдение свидетельствует о намеренном искажении механизма управления юридическим лицом.

Проведенный анализ правовой доктрины позволяет сделать вывод об использовании категорий добросовестности и разумности в механизме гражданско-правовой ответственности в качестве определенных критериев, позволяющих применить к лицу соответствующие меры ответственности. Разумность позволяет оценить действия контролирующего лица опосредованно, путем комплексного анализа его действий (бездействия) в рамках сложившейся экономической ситуации юридического лица, в то время как добросовестность характеризует контролирующее лицо с точки зрения учета прав и интересов самого должника, кредиторов и иных лиц при принятии управленческих решений. Выступая определенными рамками для контролирующих лиц, они позволяют ему в полной мере осуществлять предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Соответственно в рамках субсидиарной ответственности контролирующих лиц не предполагается оценка неправильности действий таких субъектов, а лишь избранного подхода к принятию решения, что подтверждается активным использованием конструкции экономически обоснованного плана.

В доктрине присутствует дискуссия и в отношении использования недобросовестности и неразумности в качестве замены вины [181]. С одной стороны, в пользу такого подхода свидетельствует использование фактически единых критериев. С другой, в отличие от вины, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается (ст. 10 ГК РФ). Исходя из указанного, законодатель закрепляет обязанность контролирующего лица лишь опровергать отсутствие вины в невозможности погашения требований кредиторов (п. 2 ст. 401 ГК РФ, п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Доказывание же добросовестности и разумности своего поведения контролирующим лицом может следовать из использования предусмотренных законодательством презумпций, а также вытекать в рамках применения процессуальных норм при рассмотрении конкретного дела.

Как уже было отмечено, правовой нормой ГК РФ, на которой базируется институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц, выступает ст. 53.1 ГК РФ, предусматривающая обязанность лица, обладающего возможностью определять действия юридического лица, действовать добросовестно и разумно. Анализ данной статьи позволяет сделать вывод о наступлении ответственности в случае отступления лишь от одного из вышеперечисленных требований. Схожим образом сконструирован п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, отсылая на возможность возложения на лиц, предусмотренных в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ, субсидиарной ответственности в случае недобросовестных или неразумных действий при условии исключения общества из ЕГРЮЛ. При этом ст. 53.1 ГК РФ также предусматривает наступление ответственности, когда не только действие, но и бездействие не соответствует обычным условиям гражданского оборота, а также обычному предпринимательскому риску. Несмотря на отсутствие указания на оценку бездействия рамках Закона об ООО, Конституционным Судом РФ выработан подход, предполагающий возможность привлечения к субсидиарной ответственности даже в случае, если бездействие привело к невозможности исполнения обязательства перед кредитором [24].

Предусмотренная модель означает достаточность для заявителя доказать факт лишь недобросовестных или неразумных действий с возможностью продемонстрировать суду характер и содержание бездействия юридического лица. Обоснованность такого подхода объясняется тем, что в большинстве случаев заявитель не обладает всей широтой и полнотой доказательств неправомерности действий (бездействия) контролирующего лица. Вместе с тем заявитель должен доказать весь состав имущественных потерь. В отличие от правового регулирования добросовестности и разумности в ГК РФ и Законе об ООО в Законе о банкротстве указывается, что именно контролирующее лицо обязано доказать свою добросовестность и разумность. Следовательно, предполагается обязанность такого субъекта раскрыть содержание всей экономической деятельности должника, обосновав принимаемые решения в процессе управления юридическим лицом. Фактически предусматривается различная нормативная конструкция рассматриваемого института так как, с одной стороны, заявители обязаны доказать недобросовестность или неразумность (нормативным основанием выступает ст. 53.1 ГК РФ), одновременно доказав весь состав гражданского правонарушения, а с другой стороны, предполагается возможность предоставления только косвенных доказательств, наличие которых обязывает контролирующее лицо доказать свою добросовестность и разумность (нормативным основанием выступает ст. 61.11 Закона о банкротстве). В результате единая природа добросовестности и разумности существенно отличается, так как законодатель устанавливает обязательность оценки одного из них обязательно только в случае применения ст. 53.1 ГК РФ, в банкротных отношениях указанное следует в случае наличия заинтересованности контролирующего лица, обязанного раскрыть соблюдение обоих принципов.

Существенные отличия представленных подходов напрямую отражаются на правоприменительной практике. ВАС РФ указывал, что сами по себе негативные последствия для юридического лица не могут свидетельствовать о недобросовестности и (или) неразумности [31].

Наличие подобных разъяснений не приводит к единообразной судебной практики, что подтверждается следующими позициями:

1) самоустранение контролирующего лица от контроля за деятельностью общества, сопровождаемое техническим бездействием, приведшим к исключению лица из ЕГРЮЛ, является недобросовестным, так как в ходе проведения процедур ликвидации в отношении хозяйствующего субъекта установлена достаточность имущества для удовлетворения требований кредиторов;

2) контролирующее лицо не может не знать о том, что исключение из ЕГРЮЛ приведет к неисполнению обязательств перед кредиторами. Неразумность и недобросовестность действия предполагается, когда руководитель должника не обращается с заявлением о банкротстве, являясь осведомленным о невозможности исполнить требования кредиторов [95];

3) факт исключения общества из реестра юридических лиц не является достаточным основанием для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности на основании п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО [51]. Соответственно обязательно требуется наличие причинно-следственной связи между неисполнением обязательств хозяйственного общества и недобросовестными или неразумными действиями контролирующих лиц.

Представленное сопровождается наличием следующей позиции ВС РФ: «предъявление к истцу-кредитору требований, связанных с доказыванием обусловленности причиненного вреда поведением контролировавших должника лиц, заведомо влечет неравенство процессуальных возможностей истца и ответчика...» [68]. На наш взгляд, представленная позиция должна сочетаться с отсутствием обязанности для кредитора представлять исчерпывающие доказательства недобросовестности или неразумности. Например, в деле № А41-2077/2019 судами было удовлетворено требование о привлечении лица к субсидиарной ответственности на основании факта неисполнения обязанности по сдаче отчетности, отсутствии хозяйственной

деятельности, уклонении от инициирования банкротства, сочетающегося с систематическим недобросовестным поведением [94].

В результате необходимо наличие обязанности у суда установить всю цепочку обстоятельств с определением лица, которое может максимально раскрыть содержание принимаемых управленческих решений. В большинстве случаев в таком процессе участвуют несколько субъектов, что свидетельствует о возможности установления такого механизма.

Представленные сложности также сопровождаются различными ситуациями применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках Закона о банкротстве и иных нормативных правовых актов. С одной стороны, если применение такого института происходит после процедур банкротства, то у суда есть определенное понимание причин банкротства, экономического состояния должника, характера действий органов управления, контролирующих лиц. С другой стороны, субсидиарная ответственность контролирующих лиц может наступать даже в случае отказа в возбуждении дела о банкротстве вследствие недостаточности имущества должника для проведения процедур и в иных случаях, что естественно снижает уровень осведомленности суда о фактических обстоятельствах дела. Вместе с тем какой-либо дифференциации при оценке добросовестности и разумности для таких ситуаций также не предусматривается. Кроме того, в случае привлечения наследников контролирующего лица в порядке Закона об ООО в случае исключения общества из ЕГРЮЛ возникает вопрос о способе трактовки так называемого «информационного вакуума» [214], напрямую связанного с применением такой административной процедуры.

Выявленные особенности позволяют рассматривать добросовестность и разумность в рамках субсидиарной ответственности контролирующих лиц и в качестве принципов (например, в процессе выравнивания неравенства в возможности доказывания), так и требований, обращенных к контролирующим лицам (например, соблюдение стандартов принятия управленческих решений).

Примечательна в этой связи практика ВС РФ, который в проанализированной диссертантом периоде 2022-2024 годов (выборка составляла 30 судебных актов) лишь в двух судебных актах последовательно раскрывал содержание недобросовестности и неразумности применительно к субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Критерии недобросовестности (преимущественно с точки зрения причин банкротства) и (или) неразумности использовались в 21 из 30 проанализированных судебных актов.

Таким образом, рассмотренные категории являются универсальными, позволяющими проанализировать действия (бездействие) контролирующих лиц, сравнив их с обычно принимаемыми в схожих ситуациях управленческими решениями. Что касается их непосредственной цели, они позволяют предусмотреть обязанность привлекаемого к ответственности лица раскрыть содержание всей хозяйственной деятельности. В этой связи роль требований добросовестности и разумности при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц проявляется в сочетании материального (учет интересов юридического лица, кредиторов) и процессуального аспектов (обязанность доказать добросовестность и разумность своего поведения в случае представления кредиторами косвенных доказательств вины контролирующего лица в неисполнении обязательств перед кредиторами). При этом порядок применения добросовестности и разумности должен быть предельно понятным, соответствующим общей концепции субсидиарной ответственности контролирующих лиц как исключительной меры, следующей за противоправные действия, предполагающие злоупотребление правом при использовании конструкции юридического лица (за исключением обеспечительной модели). В свою очередь, только установления факта нарушения добросовестности или разумности не должно быть достаточно для наступления гражданско-правовой ответственности контролирующего лица в виде субсидиарной ответственности.

Глава 2

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при использовании процедур несостоятельности (банкротства) юридического лица

2.1 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона о банкротстве) возникает вследствие действий и (или) бездействия контролирующего лица. Законодатель не раскрывает содержание указанных фактов. В свою очередь, в п. 16 Постановления Пленума от 21.12.2017 ВС РФ № 53 разъясняется, что к ним относится лишь то, что «явилось необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы». ВС РФ раскрывает объективное банкротство в качестве момента, в который должник стал не способен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов ввиду превышения размера обязательств над реальной стоимостью активов.

Возникновение рассматриваемого термина берет свое начало с Определения ВС РФ по делу о привлечении бывшего руководителя ООО «Каркас» к субсидиарной ответственности [45]. В результате рассмотрения спора судом было указано, что объективное банкротство рассматривается в качестве критического момента, в рамках которого должник стал неспособен удовлетворить требования кредиторов. Ключевой выступает именно связь с бухгалтерской стоимостью активов. Примечательно, что еще в 2016 году ВС РФ использовал термин «фактическое банкротство», отмечая тот факт, что появление признаков неплатежеспособности может не совпадать с моментом его фактической несостоятельности [42].

Изменение подхода к оценке именно реальной стоимости активов является свидетельством признания важности фактического положения должника, поскольку оно дает возможность оценить хозяйственное положение юридического лица. Вместе с тем представленный подход не позволяет выявить соотношение с ранее действовавшим правовым регулированием. В таком случае возникает вопрос о соотношении доведения до банкротства и доведения до объективного банкротства [249].

В законодательстве термин объективное банкротство не раскрывается, что приводит к наличию в правовой доктрине множества подходов. Встречаемая в научной литературе позиция о тождественности объективного банкротства и недостаточности имущества не является обоснованной [201]. Согласно ст. 2 Закона о банкротстве недостаточность имущества рассматривается как «превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника». Объективное банкротство характеризуется как минимум двумя существенными отличиями. Во-первых, для расчета используются все обязательства, а не только денежные. Во-вторых, оценивается реальная стоимость активов, а не балансовая стоимость. В результате М.В. Чуприковым аргументированно отмечается следующее: «состояние объективного банкротства - это заведомая невозможность должника расплатиться по своим долгам, без шансов эффективно провести реабилитационную процедуру» [310]. Полагаем, что недостаточность имущества не может однозначно свидетельствовать о возникновении критического момента неизбежности банкротства.

Безусловно справедливо, что объективное банкротство выступает новым элементом несостоятельности [248]. С одной стороны, отмечается, что вхождение организации в кризисное состояние является моментом наступления состояния объективного банкротства [219]. С другой стороны, указывается, что объективное банкротство с точки зрения Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 позволяет разграничить ситуации, при

которых существует временный кассовый разрыв, не приводящий к банкротству [220]. По мнению диссертанта, конструкция объективного банкротства является инструментом в руках руководителей или иных лиц, позволяющим доказывать добросовестность и разумность своих действий.

Зарубежная практика привлечения контролирующих лиц к ответственности исходит из следующих механизмов оценки состоятельности: тест на платежеспособность; тест достаточности капитала; балансовый тест [323]. Отечественными исследователями также разработана методология определения даты объективного банкротства, включающая в себя целый комплекс показателей [308]. Критерии оценки действий контролирующих лиц по доведению юридического лица до объективного банкротства рассматриваются лишь в отдельных актах ВС РФ. Так, в деле о привлечении контролирующих лиц ООО «Теплоучет» были выработаны следующие обстоятельства, которые суд обязан принимать во внимание.

Во-первых, наличие у лица возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника. В данном случае речь идет о неправомерности привлечения к субсидиарной ответственности работников, не обладающих возможностью принимать управленческие решения, оказываемые влияние на всю хозяйственную деятельность юридического лица (менеджмент среднего звена, рядовые сотрудники и так далее).

Во-вторых, реализация управленческих полномочий связана с негативными последствиями для должника и кредиторов. Первостепенным в данном случае является установление масштаба негативных последствий для деятельности юридического лица в целом.

В-третьих, причины банкротства. Негативные последствия произошли по причине инициирования их контролирующим лицом или он является потенциальным их выгодоприобретателем. Фактически данный критерий означает необходимость оценки степени вовлеченности контролирующего лица в процесс доведения юридического лица до банкротства [240].

В качестве обстоятельств, которые законодателем рассматриваются в виде причины невозможности полного погашения требований кредиторов, можно выделить следующие:

1) Причинение существенного вреда имущественным правам кредиторов, что обусловлено совершением контролирующим лицом или с его одобрения сделки или нескольких сделок. При этом критерий существенности не раскрывается. Как указывает ФНС России, рекомендуемым размером выступают сделки, сумма которых составляет 20-25% балансовой стоимости имущества должника [157]. Выведенное соотношение основано на положениях п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, ст. 78 Закона об АО и ст. 46 Закона об ООО, рассматривающих сделки на предмет выхода из обычной хозяйственной деятельности, а также критерии причинения вреда имущественным правам кредиторов. Представленное толкование не исключает возможности суда самостоятельно установить наличие или отсутствие оснований для анализа сделки с точки зрения существенного вреда имущественным правам кредиторов. В судебной практике указывается на необходимость использования подобных рекомендаций. Как минимум им должна быть дана оценка судом в случае ссылки на них со стороны заявителя [126]. Суды также используют вышеуказанное письмо в качестве основания для отказа в привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по причине несоизмеримости сделок с 20-25% балансовой стоимости имущества должника [105]. Видится, что наличие подобных критериев является лишь ориентиром, который с очевидной степенью ясности свидетельствует о необходимости проверки содержания условий сделки на предмет соотношения последствий для должника и интересов кредиторов.

Как отмечает ВС РФ в п. 23 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53, в результате сформулирована презумпция доведения до банкротства. В ее основу положены два критерия: 1) сделка значима для юридического лица (применительно к «масштабам» деятельности); 2) сделка является существенно убыточной. Показателем может являться существенное отличие

от рыночных условий в худшую сторону или сделка, соответствующая рыночным условиям, но приведшая к невозможности осуществлять хозяйственную деятельность в тех сферах, которые до этого приносили весомый доход. Юристами отмечается, что оценке подлежит анализ обстоятельств приобретения/выбытия актива, а также соответствие всех операций законодательству [206].

Одновременно с указанным судебной практикой выработана позиция о том, что сама по себе убыточность сделки не может являться безусловным обстоятельством для применения исследуемого института. По мнению диссертанта, такой подход соответствует правовой природе исследуемой ответственности, возможность применения которой предполагается лишь в исключительных случаях. Существенная убыточность подлежит установлению в контексте отношений «должник (его конкурсная масса) – кредиторы». Следовательно, для применения рассматриваемого критерия также важно установить противоправную направленность сделки. Воплощение подобного положения возможно различными механизмами, включая искусственное занижение стоимости имущества, мнимое отчуждение активов, перевод имущества на другой субъект без встречного равноценного представления. Перечень таких обстоятельств не является исчерпывающим.

Невозможность установления единых критериев также обусловлена тем, что при рассмотрении спора о возложении на контролирующее лицо субсидиарной ответственности суд должен анализировать не только обычно сложившиеся условия подобных правоотношений, но и внутреннюю деятельность должника. В частности, к таковым относятся механизм согласования сделок, наличие корпоративных правил и норм, действующих в юридическом лице, а также требований нормативных правовых актов, регулирующих специальные сферы.

Исходя из анализа применения рассматриваемой презумпции отметим, что ее использование должно основываться на установлении причинно-следственной связи между такими элементами как: значимость

сделки для должника; существенность ее влияния на банкротство, а также существенности причиненного вреда. Данные элементы выступают в качестве «барьера», исключая произвольное применение исследуемой презумпции.

Достижение правовой определенности в вопросе применения презумпции существенности вреда имущественным правам кредиторов, обусловленного совершением сделок, возможно путем изложения пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве в следующей редакции: «причинен существенный вред имущественным правам кредиторов, рассчитываемый относительно требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок (совершения таких сделок по указанию этого лица), имеющих существенное значение для должника (существенные сделки), включая сделки, указанные в статьях 61.2 и 61.3 настоящего Федерального закона».

Отметим, что в данном случае обоснованным является использование схожих институтов с оспариванием сделок, когда анализируются невыгодные для должника сделки с точки зрения причинения существенного вреда кредиторам. Полагаем, что использование конструкции оспаривания сделки «позволяет еще до момента подачи заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности оценить характер и содержание его отдельных управленческих решений» [198, с. 80], что позволяет в последующем анализировать достаточность допущенных нарушений для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

2) Нарушение требований, связанных с соблюдением обязанностей законодательства в части хранения документов, внесения соответствующих изменений. В рамках данной группы выделяется несоблюдение требований в части хранения документов бухгалтерского учета, отчетности к моменту вынесения определения о введении наблюдения, принятия решения о признании банкротом. Ответственность наступает в случае их отсутствия или передачи не в полном объеме в рамках тех частей, формирование которых

обязательно. Для привлечения к ответственности важно не только доказать факт их отсутствия, но и причинно-следственную связь с существенным затруднением проведения процедур банкротства. В случае привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица по данному основанию суды отмечают затруднительность формирования конкурсной массы, оспаривания сделок [136], невозможность принять арбитражным управляющим имущество должника в его ведение и так далее.

В результате непередача документов должна свидетельствовать о противоправности действий контролирующего лица. ВС РФ также выработана позиция о невозможности реализации презумпции вины в тех ситуациях, когда документы не переданы по объективным причинам [47]. Например, подобная ситуация может возникнуть в случае изъятия документации правоохрнительными органами. При этом у суда всегда существует возможность проверить подобные обстоятельства, в том числе путем использования института судебного запроса. Важность анализа и соблюдения подобного критерия обусловлена нередкими случаями ненадлежащего исполнения обязанностей правоохрнительными органами по оформлению протоколов изъятий и иных предусмотренных требований.

Необходимо отметить, что вне зависимости от наличия или отсутствия подобных обстоятельств у суда существует обязанность проанализировать как связана непередача документов с неблагоприятными последствиями для кредиторов. В отличие от документов бухгалтерского учета, для документов, хранение которых обязательно в силу корпоративного законодательства, а также для государственных и муниципальных унитарных предприятий, законодатель не предусматривает необходимость существенного затруднения проведения процедур. Более того, в рамках рассматриваемого основания необходим факт искажения такой документации, а не искажения информации, как в случае вышерассмотренного основания. Например, для акционерных обществ обязательным является хранение также протоколов общих собраний,

заседаний совета директоров, бюллетеней для голосования, списков аффилированных лиц, отчетов эмитента и так далее.

Помимо специальных нормативных правовых актов, сам Закон о банкротстве для ряда субъектов устанавливает особенности применения пп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве. Так, для кредитных организаций предусматривается обязанность сохранности документов, которые отражают экономическую деятельность кредитной организации, баз данных на электронных носителях. Повышенные требования к кредитным организациям обусловлены их значением для финансовой системы, что влечет необходимость создания дополнительных инструментов по выявлению причин кризисного состояния. Схожей позиции придерживаются Г.Ф. Ручкина и А.В. Сарнакова, указывая на необходимость повышенных требований к управлению кредитными организациями [288].

Применяя исследуемое положение, Арбитражный суд Московского округа обращает внимание на необходимость установления лиц, обязанных утверждать бухгалтерскую отчетность банка [137]. При этом особое внимание уделяется вопросам функционирования системы внутреннего контроля, призванной обеспечить эффективность финансово-хозяйственной деятельности [130]. В результате устанавливается различный правовой режим и роль документации для целей проведения процедур банкротства. При формулировании рассматриваемых норм в таком ключе, используемый ВС РФ подход о необходимости заявителя объяснить связь между отсутствием документации и проведением процедур банкротства, не имеет под собой оснований (п. 24 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53).

Принципиальным отличием между сокрытием документов по рассмотренным выше основаниям является тот факт, что, с одной стороны, сокрытие документов бухгалтерского учета связано, прежде всего, с формированием конкурсной массы, в то время как, с другой стороны, отсутствие документов не позволяет установить статус контролирующего лица. Обоснованность представленного подхода также объясняется

закреплением указанных положений в рамках самостоятельных подпунктов п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве. Отсутствие документов в рамках нормативных правовых актов, регулирующих деятельность отдельных субъектов, может рассматриваться в качестве более существенного нарушения законодательства. Учитывая разнообразность таких документов, изначально представить заявителю доказательства существенной трудности проведения процедуры банкротства достаточно проблематично. Более того, сам факт их наличия или отсутствия зачастую не может влиять на степень и механизм проведения банкротства. В этой связи отсутствие подобного указания законодателя на «существенность затруднений» является оправданным.

Анализ судебной практики ВС РФ и арбитражных судов округов демонстрирует использование в большинстве случаев пп. 2, 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротства в рамках единой правовой конструкции, связанной с нарушением законодательных требований о ведении соответствующих документов. Отсутствие последовательного их разделения не обеспечивает ясности и определенности правового регулирования, устанавливая необходимость судов самостоятельно определять подлежащие выявлению обстоятельства. Представляется, что отсутствие документов, касающихся реализации внутренней деятельности юридического лица, должно влечь обязанность контролирующего лица раскрыть суду их значимость для оценки правомерности привлечения к субсидиарной ответственности такого лица.

Заключительным обстоятельством, связанным с исполнением рассматриваемых обязанностей, является невнесение или внесение недостоверных сведений в ЕГРЮЛ или Федресурс при условии, что это является обязательным для юридического лица. Например, к такой информации может относиться отсутствие публикации о невозможности выплаты действительной стоимости доли [304]. В силу положений законодательства о государственной регистрации в Федресурс подлежат включению все сведения о фактах деятельности юридических лиц. Законодательством предусматривается, что ведение бухгалтерского учета и

финансовой отчетности саморегулируемых организаций является предметом обязательного аудита. В свою очередь, до конца 2021 года Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» предусматривал публикацию его результатов в Федресурсе [12]. Соответственно, неисполнение рассматриваемой обязанности приводило к наступлению субсидиарной ответственности [106].

3) Размер требований кредиторов третьей очереди, возникших ввиду правонарушения, за совершение которого вступило в силу решение о привлечении должника, должностных лиц к публично-правовой ответственности (административной, уголовной, налоговой), превышает пятьдесят процентов. В рамках налоговой ответственности анализируется следующая совокупность обстоятельств: должник привлечен за неуплату или несвоевременную уплату налога ввиду неправомерных действий; доначисленные суммы превышают установленный порог. Примечательно, что в пп. 3 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве законодатель рассматривает исключительно привлечение к ответственности единоличного исполнительного органа. При этом в п. 5 рассматриваемой статьи отдельно упоминается о возможности привлечения к субсидиарной ответственности по данному основанию и иных контролирующих лиц. Данное положение позволяет утверждать о наличии особой значимости налоговых правоотношений с точки зрения возможности наступления гражданско-правовой ответственности.

Правоприменительная практика демонстрирует значимость оценки судами проявления должной осмотрительности контролирующим лицом [66]. Несоблюдение данного требования при наличии выявленного факта получения налоговой выгоды, заключающегося в незаконном включении затрат и НДС в состав расходов, является основанием для применения института субсидиарной ответственности. Фактически в рамках подобных споров критерий добросовестности и разумности расширяется использованием категории осмотрительности. При этом единые стандарты ее

реализации отсутствуют, что предполагает в каждом конкретном случае учитывать масштаб деятельности налогоплательщика [204].

Не вдаваясь в подробности рассмотрения осмотристельности с точки зрения соблюдения требований законодательства в сфере налогообложения, необходимо отметить, что ВС РФ фактически позволяет привлекать к ответственности даже за сам факт неправильности исчисления налога при отсутствии каких-либо иных дефектов. Подобное необоснованно широкое толкование позволяет привлекать контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, то есть в значительной степени искажается сам принцип ее «исключительности». Недостаточная правовая определенность проявляется в вопросе соотношения положений ст. 15, 1064 ГК РФ, применение которых возможно для целей взыскания недоимки на основании вступившего в силу приговора суда по уголовному делу [22], а также субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Заслуживает внимания позиция ВС РФ в рамках дела о банкротстве ООО «ДИС» [52]. В результате рассмотрения спора судом было указано на необоснованность привлечения дважды к имущественной ответственности за одно противоправное деяние. Первоначально с руководителя общества взыскали сумму ущерба ввиду совершения преступления (уклонение от уплаты налогов). Впоследствии арбитражными судами руководителя привлекли к субсидиарной ответственности. Основанием для удовлетворения заявленных требований являлся вывод об отсутствии тождественности подобных требований.

Отменяя судебные акты нижестоящих судов, ВС РФ указал следующее:

- 1) требование о привлечении к субсидиарной ответственности представляет собой групповой косвенный иск, направленный на возмещение вреда кредитору, который по своей сути аналогичен положениям ст. 1064 ГК РФ;
- 2) генеральная идея рассматриваемых требований – необходимость возместить вред, что предполагает взаимосвязь и взаимодополняемость требований. Отличие заключается в последствиях для должника в виде наступления банкротства или без такового;
- 3) судом последовательно был

осуществлен анализ их тождественности (предмет, основание, стороны). В результате было указано на совпадение предмета и основания в таком споре.

Несмотря на то, что ВС РФ правильно и обоснованно рассмотрел дело, вопрос о соотношении вышеуказанных инструментов остается открытым, так как последовательное регулирование данного вопроса в действующем законодательстве не содержится. Представляется справедливой позиция Е.А. Заинчуковской, указывающей, что «если физическое лицо, привлеченное к уголовной ответственности за совершение налогового преступления, одновременно является КДЛ, его привлечение к исполнению чужой налоговой обязанности должно происходить в рамках Закона о банкротстве» [234]. Специфику подобной ситуации автор объясняет тем, что конструкция ст. 15, 1064 ГК РФ, используемая для целей взыскания недоимки организации, доступна исключительно налоговым органам. В свою очередь, иные кредиторы обладают возможностью использовать исключительно положения Закона о банкротстве. По мнению диссертанта, представленный подход не соответствует принципам справедливости.

Анализ представленного основания для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности ввиду наступления невозможности полного погашения требований кредиторов в тех ситуациях, когда на единоличный исполнительный орган были возложены все полномочия по исполнению налоговой обязанности, а контролирующим лицом (например, бенефициаром) определялись исключительно основные направления деятельности должника, бизнес-модель, вызывает вопросы. В результате его вина в налоговом или ином правонарушении отсутствует, что порождает сомнения в справедливости подобного регулирования. Кроме того, возможна ситуация, когда совершаемые правонарушения тщательно скрывались от контролирующего лица, особенно актуальна подобная ситуация в случае большого масштаба деятельности должника. Значимым также указанный вопрос является в случае применения государством оборотных штрафов (например, в 2022 году Meta и Google были привлечены к оборотному штрафу

в размере 5% от их годовой выручки за 2020 год), размер которых может значительно превышать всю задолженность юридического лица. При этом вина контролирующих лиц в такой ситуации может полностью отсутствовать.

Еще одним неоднозначным аспектом представляется предусмотренный порог в 50%, отсчитываемый от суммы требований кредиторов третьей очереди. Хотя и маловероятна, но возможна ситуация, когда в рамках банкротства большинство требований будут составлять кредиторы иных очередей, в таком случае, даже несмотря на незначительность размера ответственности за публичное правонарушение, законодатель открывает возможность упрощенного доказывания наличия оснований для применения исследуемого института. Рассматриваемую презумпцию исследователи небезосновательно рассматривают конъюнктурной, направленной лишь на обеспечение взыскания для государства [295]. При этом критерий защиты интересов государства в случае существенности размера (более 50%) не является показательным, так как в одном случае речь может идти о сотнях тысячах рублей, составляющих большинство в третьей очереди кредиторов, а в другом случае несколько миллионов рублей не будут иметь превалирующего значения.

Фактически единственное, что необходимо установить судам в таком случае – это то, какой общий размер требований кредиторов третьей очереди существует на момент рассмотрения заявления [88]. Тесно связанным с данным вопросом является определение даты возникновения возможности по обращению с заявлением о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Согласно ст. 61.14 Закона о банкротстве, указанное право существует в ходе любой процедуры, что означает наличие возможности установления 50% порога в ситуации, когда реестр полностью еще не сформирован.

В результате размер субсидиарной ответственности контролирующих лиц по исследуемому основанию определяется объемом непогашенных требований. Отметим, что законодатель в ст. 61.11 Закона о банкротстве

предусматривает возможность уменьшения размера субсидиарной ответственности в случае, когда размер вреда, который причинен контролирующим лицом имущественным правам кредиторов по его вине существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за его счет (при этом проблема заключается с оценкой самой существенности, используемой также при установлении возможности привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности).

Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 распространяет возможность уменьшения размера субсидиарной ответственности контролирующих лиц также на те ситуации, когда уменьшение долговых обязательств было обусловлено не только действиями (бездействием) привлекаемого субъекта, но и вызвано какими-либо внешними факторами (п. 19). В судебной практике применение данного положения ставится в зависимость от предоставления доказательств контролирующим лицом, достоверно свидетельствующих о наличии таких внешних факторов [103].

Еще одним примером рассматриваемого положения является уменьшение размера ответственности «до размера суммы, которая была получена ответчиком после пожара и уничтожения имущества должника» [109]. В научной литературе справедливо отмечается, что анализ внешних факторов характеризуется объективной сложностью [200]. При оценке состояния организации возможно использование таких блоков как: макроэкономические факторы, отраслевые и продуктовые факторы, особые условия деятельности и взаимодействие с государством.

В пользу отсутствия исчерпывающего перечня оснований, которые могут использоваться при определении размера такого снижения, можно привести следующее разбирательство. Так, в деле № А63-577/2015 ВС РФ отметил, что обстоятельствами для уменьшения ответственности могут являться: иные обстоятельства, повлекшие неплатежеспособность должника; деятельное раскаяние контролирующего лица; явная несоразмерность вреда и объема требований [69]. Для применения данных положений контролирующее

лицо должно доказать, например, что размер вреда имущественным правам кредиторов по вине такого субъекта существенно меньше размера требований кредиторов, которые подлежат удовлетворению за счет этого контролирующего лица. Несмотря на понятные мотивы установления оснований для уменьшения размера субсидиарной ответственности практическая их применимость достаточно спорна в случае нескольких ответчиков, привлекаемых солидарно. Учитывая правовую природу солидарной ответственности очевидно, что определить размер требований кредиторов, которые подлежат удовлетворению с одного из контролирующих лиц, невозможно. Заслуживает одобрения подход Арбитражного суда Уральского округа, который в деле № А50-19893/2016 указал следующее: «судом установлено, что требования уполномоченного органа основаны на неумышленном правонарушении, допущенном ... по причине непроявления должной степени осмотрительности, которая в свою очередь повлекла за собой заключение сделок с контрагентами, в последующем не исполнившими своих обязанностей...» [91]. Исходя из этого для целей уменьшения размера субсидиарной ответственности может анализироваться форма вины: умысел или неосторожность.

Вместе с тем судами не учитывается способность контролирующего лица в последующем исполнить обязательство, следующее за привлечением контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Учитывая, что Закон о банкротстве не предусматривает возможности освобождения гражданина от обязательств, возникших вследствие привлечения его к субсидиарной ответственности (п. 6 ст. 213.28), неприменение такого подхода вызывает вопросы. В октябре 2023 года предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ стала норма п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве, определяющая размер субсидиарной ответственности контролирующего лица.

В результате суд распространил подход о невозможности взыскания суммы штрафов за налоговые правонарушения, наложенных на организацию-налогоплательщика в рамках субсидиарной ответственности

контролирующих лиц, сформулированный в Постановлении от 08.12.2017 № 39-П [22]. Согласно принятому Постановлению от 30.10.2023 № 50-П различия в порядках взыскания налоговой задолженности с физических лиц не является «столь существенным, чтобы оно обуславливало разницу в подходе к определению размера взыскиваемых денежных средств» [28]. Кроме того, орган конституционного контроля отметил, что субъективное усмотрение государственных органов при выборе порядка защиты интересов государства не может являться приемлемым аргументом при включении суммы налогового штрафа в размер ответственности. Отметим, что сформулированные выводы исключают возможность применения к контролирующим лицам двойной ответственности в виде штрафа, предусмотренного налоговым законодательством (в части непредставления налоговой декларации и неуплаты сумм налога [307]).

Среди представителей научного сообщества и практикующих специалистов позиция Конституционного Суда РФ оценивается противоречиво [324]. С одной стороны, исключение налогового штрафа из размера субсидиарной ответственности рассматривается как лишение штрафа его двух основных функций: превентивной и карательной. С другой, неуплата штрафа не свидетельствует о причинении ущерба бюджету, так как он покрывается размером налога и пеней. Полагаем, что позиция Конституционного Суда РФ в большинстве случаев обоснована, так как допущенное контролирующим лицом правонарушение само по себе не уменьшает размер налогового обязательства. Невозможность с помощью личного банкротства контролирующего лица избавиться от субсидиарной ответственности в полной мере выполняет превентивную и карательную функцию. Считаем, что неприемлем подход к исключению из размера субсидиарной ответственности налоговых штрафов только в том случае, когда устанавливается злонамеренность поведения контролирующего лица. В противном случае (например, привлечение к ответственности номинального

директора) включение в размер субсидиарной ответственности налоговых штрафов очевидно излишне.

Вместе с тем критически можно оценить отказ Конституционного Суда РФ рассматривать взаимосвязь размера субсидиарной ответственности и имущественного, семейного положения контролирующего лица. Основными доводами суда в этой части стали: создание контролирующим лицом схемы фиктивного документооборота; отражение в отчетности мнимых операций; отсутствие доказательств о наличии внешних факторов, которые привели к увеличению обязательства должника; сформированный Конституционным Судом РФ подход о недопустимости защиты недобросовестно использованных возможностей.

В рассмотренном деле действительно вопрос об учете степени вины в причинении вреда мог быть нерелевантен, что не отменяет возможность Конституционного Суда РФ распространить все выводы, сформулированные в Постановлении от 08.12.2017 № 39-П [22], на привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по любому из оснований и нормативных правовых актов. Выявленная в настоящей диссертационной работе и публикациях диссертанта специфика рассмотрения подобных дел – формальное использование презумпций без установления реальной степени участия каждого контролирующего лица в банкротстве должника или невозможности исполнения обязательств перед кредиторами (в иных случаях) позволяет утверждать о необходимости принятия еще одного постановления Конституционного Суда РФ или внесения изменений в Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53.

Обоснованность предложенных изменений подчеркивается и складывающейся практикой ВС РФ. Например, в деле № А40-133029/2020 основанием для привлечения к субсидиарной ответственности трех контролирующих лиц являлось в том числе совершение налогового правонарушения, размер включенной в реестр требований кредиторов налоговой задолженности составлял 97,01% [79]. В результате одним из

оснований для направления дела на новое рассмотрение являлось недоказанность соучастия контролирующих лиц в реализации единого намерения по получению должником налоговой выгоды, что препятствует в отсутствии выяснения роли каждого из ответчиков привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в солидарном порядке. На наш взгляд, указанный пример отражает важность закрепления правовых позиций, обязывающих суд установить все обстоятельства дела не только с точки зрения нарушения имущественных прав кредиторов, но и с позиции наличия необоснованного обогащения ответчиков, характера и роли их действий в принятии управленческих решений. Неразумность не может приводить к аналогичным правовым последствиям по сравнению со злонамеренностью действий (бездействия) других контролирующих лиц. В противном случае нарушается базовый принцип справедливости и соразмерности юридической ответственности.

Кроме того, одной из значимых проблем, присущих субсидиарной ответственности контролирующих лиц (определению ее размера), является ее применение по отношению к номинальному осуществлению функций органа управления. Использование номинальных контролирующих лиц направлено на обеспечение безопасности решений, принимаемых бенефициарами.

Привлечение лишь номинальных руководителей без фактических выгодоприобретателей не является допустимым, так как такая ситуация приводит лишь к перекладыванию ответственности с реально виновных лиц на номинальных, что прямым образом нарушает имущественные права кредиторов, лишенных возможности получить удовлетворение за счет необоснованно извлеченной выгоды бенефициаров [71]. Кроме того, привлечение к субсидиарной ответственности только номинального контролирующего лица является фикцией судебной защиты. В этой связи у суда есть обязанность проявить активную роль при наличии доводов ответчика о его номинальном статусе. Указанное предполагает необходимость

вынести на обсуждение вопрос о привлечении фактических контролирующих лиц в рамках судебного разбирательства.

В научной литературе проблема ответственности номинальных руководителей изучена не в полном объеме. Так, В.Б. Ермилов обращает внимание на случаи, при которых возможно определение статуса номинального руководителя [231]. Е.В. Шишкина отмечает объективные сложности такого лица доказать отсутствие контроля над юридическим лицом, так как ему необходимо раскрыть весь порядок взаимодействия с фактически контролирующим лицом, продемонстрировать синхронность действий [316]. Представляется, что указанные исследования охватывают только небольшую часть проблем, связанных с поставленным вопросом.

Законодатель прямо не устанавливает каких-либо особенностей установления статуса контролирующего лица в отношении таких лиц. Безусловно, он обладает лишь формальным правом давать обязательные указания, но на практике практически всегда лишен возможности определять действия должника. В этой связи для определения специфики его правового статуса нужно комплексное рассмотрение правовых норм. Прежде всего, речь идет о п. 3 ст. 53 ГК РФ, предусматривающим обязанность органов управления юридического лица и контролирующих лиц действовать добросовестно и разумно. Следовательно, подобное требование предъявляется ко всем лицам, вне зависимости от их фактического участия в управлении юридическим лицом.

Признание статуса контролирующего лица в отношении номинального руководителя в целом понятно, так как иной порядок повлек бы за собой массовую практику использования подобной структуры корпоративного управления, в рамках которой номинальный руководитель лишен стимула раскрывать истинных бенефициаров, а его «отстраненность» от управления служит необоснованной преградой для «прокалывания корпоративной вуали», вместе с тем вопрос с размером его ответственности является менее однозначным.

Согласно п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве арбитражный суд наделен правом уменьшить или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, осуществляющее функции органа управления номинально, при условии предоставления таким лицом сведений о фактически контролирующем лице, в том числе отвечающее условиям пп. 2 и 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Вероятно, использование оборота «в том числе» является технической недоработкой, так как статус контролирующего лица может устанавливаться и по иным основаниям.

В качестве самостоятельного основания для уменьшения или освобождения от субсидиарной ответственности указанная норма также предусматривает предоставление сведений, которые позволили обнаружить скрываемое контролирующим лицом имущество должника или контролирующего лица. Действовать и применяться из буквального толкования они могут как совместно, так и по отдельности. Судебной практикой осуществление вышеперечисленных действия номинальным контролирующим лицом рассматривается как: заключение «сделки с судом»; институт схожий с механизмом деятельного раскаяния, предусмотренный в уголовном законодательстве [144]. Примечательно, что Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 раскрывает лишь возможность уменьшения размера субсидиарной ответственности номинального руководителя. Причиной обоснованности применения рассматриваемой нормы указывается раскрытие номинальным руководителем информации, которая недоступна независимым кредиторам. Обязательным критерием выступает роль раскрытой информации в компенсации имущественных потерь кредиторов. Подобное положение искусственно сужает возможность использования данного механизма номинальными руководителями в силу того, что обнаружение имущества фактически является обязательным, так как только путем обращения на него взыскания возможно погашение требований кредиторов. Несмотря на объяснимость такого подхода его соответствие Закону о банкротстве неоднозначно.

Соответственно полное освобождение номинального руководителя от ответственности ВС РФ в соответствующем пленуме не раскрывает, несмотря на наличие такого права у судов в силу п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве. В результате такая несогласованность приводит к противоречивой судебной практике. С одной стороны, суды указывают на допустимость полного освобождения рассматриваемого субъекта от субсидиарной ответственности (в силу норм Закона о банкротстве [101]). С другой, ссылаясь на положения ГК РФ (ст. 15, 393) и разъяснения ВС РФ (п. 6 вышеупомянутого Пленума), указывают на невозможность полного освобождения номинального контролирующего лица от субсидиарной ответственности, так как представленные положения не предусматривают такую возможность [92]. Приемлемым вариантом решения обозначенной проблемы видится предложение ВС РФ дополнить п. 6 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 абзацем, предусматривающим возможность освобождения номинального руководителя от рассматриваемой ответственности в ситуации, когда благодаря представленной им информации стало возможным установление фактически контролирующего лица, обеспечившее возможность существенного удовлетворения требований кредиторов, или обнаружение соответствующего имущества должника, позволившее удовлетворить требования кредиторов в существенном объеме.

Несогласованность нормативного регулирования в механизме привлечения к ответственности номинального контролирующего лица также проявляется в том, что в одних ситуациях, суды практически полностью снимают с таких субъектов ответственность, обосновывая это тем, что последним раскрыта информация о фактических бенефициарах [147], в других прямо ссылаются на применимость данного положения исключительно в тех ситуациях, когда предоставленная информация способствовала восстановлению нарушенных прав кредиторов [96]. Признавая справедливым второй подход лишь отметим, что применение субсидиарной ответственности контролирующих лиц должно всегда рассматриваться через призму цели его

существования в российском правопорядке. В частности, речь идет о повышении добросовестности всех участников гражданского оборота.

Таким образом, заложенные в п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве обстоятельства, при которых возможно уменьшение или освобождение номинального руководителя от субсидиарной ответственности, должны реализовываться исключительно при оценке фактических обстоятельств дела, связанных с защитой имущественных прав кредиторов. Критически можно оценить и привлечение номинального руководителя к ответственности в полном объеме в тех случаях, когда предоставленная им информация не была использована кредиторами (например, они отказались привлекать фактических бенефициаров к ответственности).

Важность установления фигуры фактического контролирующего лица обусловлена не только вероятным наличием у него имущественных активов, но и тем, что именно его действия (бездействие) оказали непосредственное влияние на банкротство должника, то есть предопределили его наступление, в то время как деликт номинального руководителя заключается в бездействии – уклонении от обязанности надлежащего управления юридическим лицом.

Кроме того, «шаблонность» привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности приводит к отсутствию надлежащих механизмов учета конкретно сложившейся ситуации. Одним из наиболее резонансных дел в рассматриваемой сфере стало дело о банкротстве «Амурского продукта», в рамках которого суд указал на возможность передачи субсидиарной ответственности по наследству [49].

Обоснованность распространения ответственности на наследственную массу не вызывает вопросов, так как иной порядок регулирования, обеспечивающий иммунитет от притязаний кредиторов лишь по причине изменения собственника имущества, привел бы к искажению самой сущности субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Вместе с тем, ключевой вопрос, связанный с применением Закона о банкротстве, в случае рассмотрения спора, ответчиками по которому являются

наследники, не решен даже по прошествии 3 лет. Во-первых, вызывает сомнение обоснованность применения всех предусмотренных в законодательстве о банкротстве презумпций, включая наличие причинной связи между невозможностью удовлетворения требований кредиторов и нарушением обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением о банкротстве, передачей документации должника. При возникновении такой ситуации очевидно, что наследникам достаточно проблематично будет опровергнуть подобные презумпции в силу того, что они не являлись участниками бизнес-модели, не принимали корпоративных и иных решений. Во-вторых, контролирующее лицо в ходе рассмотрения спора о привлечении его к субсидиарной ответственности может использовать правило о защите делового решения. Подобный подход позволяет освободить контролирующее лицо от ответственности в том случае, когда управление юридическим лицом осуществлялось добросовестно с должной осмотрительностью с учетом необходимой информации [203]. Указанное является следствием наличия у органов управления юридическим лицом самостоятельности и широкой дискреции при принятии решений в рамках ведения бизнеса. В-третьих, неясным является применение субсидиарной ответственности контролирующих лиц в тех случаях, когда умершее контролирующее лицо являлось номинальным. Следовательно, размер его ответственности напрямую зависит от выявления фактических бенефициаров. В результате возникает вопрос о возможности предоставления необходимой информации наследниками. В-четвертых, зачастую к субсидиарной ответственности привлекается несколько контролирующих лиц солидарно. Указанное приводит к риску стремления недобросовестных членов органов управления возложить всю ответственность на наследников, представив доказательства принятия ключевых решений умершим контролирующим лицом. В этой связи должны предусматриваться правовые средства, препятствующие реализации такого сценария. В-пятых, спор о привлечении контролирующих лиц к ответственности может возникнуть спустя достаточно большое количество

времени после принятия наследства, что порождает объективные вопросы о возможности установления доподлинных причин банкротства.

Безусловно, ВС РФ частично отметил наличие данной проблемы, указав, что «судам необходимо учесть, что после смерти наследодателя наследники не всегда имеют возможность объяснить причины управленческих решений наследодателя... судам необходимо оказывать содействие в получении доказательств...» [49]. Представляется, что подобный аргумент недостаточно оправдан ввиду возможного отсутствия у наследников понимания какие документы могут иметь значение для рассмотрения спора [298]. Более того, судебная практика по рассмотрению подобной категории споров нередко демонстрирует отказ в удовлетворении требований об истребовании документов даже в тех ситуациях, когда подобная необходимость всесторонне доказывается ответчиком. Критически приведенное положение оценивается и в научной литературе [254]. А.П. Гвоздев, рассматривая данную проблему, предлагает нивелирование доказательственных презумпций к таким случаям, за исключением ситуации осведомленности наследника о деятельности организации-банкрота [215]. Представляется, что данное решение не является приемлемым, так как возложение обязанности на заявителя доказать весь состав гражданского правонарушения не соотносится с причиной введения опровержимых презумпций в Закон о банкротстве. Кредиторы, равно как и наследники, зачастую лишены необходимой информации. Неэффективность такого подхода обнаруживается и при анализе практики применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО (в течение длительного времени суды возлагали на заявителя обязанность доказать наличие причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и неисполнением обязательств).

А.Д. Пархоменко в целом скептически относится к возможности привлечения к субсидиарной ответственности наследников контролирующих лиц [267]. Не вызывает сомнений, что «подобный подход в правоотношениях, участниками которых являются наследники, не обеспечивает необходимый баланс интересов между кредиторами и наследниками... Соответственно,

безусловное функционирование презумпций в таких ситуациях в большинстве случаев является чрезмерным бременем для наследников» [275, с. 225].

В таком случае целесообразным является дифференциация регулирования в целях соблюдения принципа равенства. Прежде всего, речь идет о возможности применения лишь тех презумпций, которые объективно доказывают причинение вреда имущественным правам кредиторов (например, пп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве). В то время как сам факт невнесения тех или иных сведений в ЕГРЮЛ (пп. 5 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) не должен являться основанием для возложения на наследников обязанности опровергать отсутствие вины наследодателя в полном погашении требований кредиторов. Возможность наследника получить и представить сведения и документы о хозяйственной деятельности должника необходимо учитывать и в иных случаях привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, в том числе при применении выявленного Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

При этом привлечение наследников контролирующих лиц к исследуемой ответственности за неподачу заявления о банкротстве при условии отсутствия факта вывода активов явно не соответствует самой природе гражданско-правовой ответственности. Также положительно можно оценить предложение О.В. Пермякова, предлагающего закрепить установление дополнительных сроков привлечения к субсидиарной ответственности, отсчитываемых от момента смерти лица, в целях снижения рисков наследников [268]. Справедливость данного подхода обусловлена обязанностью кредитора оценивать свои риски и своевременно предпринимать действия, направленные на восстановление своего имущественного положения. По мнению диссертанта, переход бремени доказывания на наследников должен применяться только в случае их участия в управлении юридическим лицом или установленной противоправности поведения контролирующих лиц, в результате которого кредиторы лишились

возможности погасить свои требования (например, вывод имущества контролирующим лицом, создание центра убытков, необоснованное использование налоговых льгот и другие). Соответствующие разъяснения могут быть закреплены в актах толкования ВС РФ.

Обобщая рассмотренную в настоящем параграфе субсидиарную ответственность контролирующих лиц отметим следующее: 1) в научной литературе не уделяется должного внимания определению факта объективного банкротства с точки зрения обязанности сторон подобных споров, роли экспертизы в установлении причин банкротства должника; 2) правоприменительная практика значительно расширяет закрепленные в Законе о банкротстве конструкции, предполагая определение факта «объективного банкротства»; 3) предусмотренные Законом о банкротстве опровержимые презумпции являются ключевым инструментом, позволяющим не применять принцип имущественной обособленности юридического лица и контролирующих его лиц; 4) совершенствование применения презумпций необходимо для обеспечения справедливости судебного разбирательства; 5) неоднозначность размера субсидиарной ответственности номинальных руководителей может быть решена путем дополнения Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 предложенными разъяснениями.

2.2 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника банкротом

Переходя к рассмотрению субсидиарной ответственности за неподачу или несвоевременную подачу заявления должника о признании его банкротом, необходимо отметить, что она направлена на обеспечение контролирующими лицами соблюдения Закона о банкротстве. Согласно п. 1 ст. 61.12 Закона о банкротстве основанием для наступления ответственности является несоблюдение требований ст. 9 этого же нормативного правового акта.

Указанная норма предусматривает перечень случаев, при наступлении которых у уполномоченного лица возникает обязанность по обращению с заявлением в арбитражный суд (основными критериями выступают возникновение признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника [34]).

Аналогичным образом, как и в случае привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности ввиду невозможности полного погашения требований кредиторов, законодатель возлагает бремя доказывания отсутствия причинно-следственной связи на контролирующее лицо. Обоснованным является подход О.В. Гутникова, указывающего, что «так как предпринимательская деятельность носит рисковый характер, было бы совершенно неоправданно заставлять должника обращаться в суд с заявлением о банкротстве при каждом временном кризисе ликвидности...» [169, с. 331]. Полагаем, что основным для оценки является характер и содержание кризисных явлений, их внутренняя системность.

Согласно подходу ВС РФ, изложенному в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, предусматривается сразу целый ряд критериев, являющихся базовыми для применения рассматриваемого основания. Так, обращение в суд с заявлением о банкротстве возникает тогда, когда добросовестный и разумный руководитель, который находился в сходных обстоятельствах, должен определить наступление обязательств, предусмотренных п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Должны учитываться такие критерии как: 1) анализ стандартной управленческой практики; 2) масштаб деятельности должника. Исходя из этого, наличие долга по конкретному кредиту не может рассматриваться в качестве безусловного доказательства, предполагающего обязанность по обращению в суд с соответствующим заявлением [34]. Такие критерии обязывают заявителя представить доказательства, подтверждающие наступление рассматриваемой обязанности. В свою очередь, отсутствуют единые стандарты управленческой практики, что

предполагает необходимость выявления специфики деятельности должника, наличия специальных требований (например, со стороны Банка России).

ВС РФ также выделяет необходимость выявления момента осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, которая свидетельствует о возникновении ситуации, при которой очевидно отсутствует возможность продолжения нормальной хозяйственной деятельности без соответствующих негативных последствий для кредиторов и должника [34]. Наличие лишь кратковременных и устранимых обстоятельств не является безусловным доказательством рассматриваемой обязанности.

Анализ большинства положений, предусматривающих наступление субсидиарной ответственности контролирующих лиц, позволяет сделать вывод об использовании критерия существенности. Стоит отметить, что правоприменительной практикой выработано множество оценочных критериев, в том числе «существенная выгода», «существенные деловые решения», «существенный актив», «существенные преимущества».

Возможность принятия ошибочных решений не может ограничиваться исключением из принципа имущественной обособленности хозяйствующего субъекта. Механизм применения различных оснований для наступления субсидиарной ответственности един, так как предполагает обязанность заявителя лишь доказать установленные в Законе о банкротстве факты, одновременно возлагая на контролирующее лицо обязанность опровергнуть не только заявленные доводы, но и правовые презумпции. Анализ актов толкования ВС РФ позволяет выделить следующие важные аспекты, имеющие значение для рассмотрения соответствующих споров.

Во-первых, имеет значение организационно-правовая форма должника и сфера его деятельности. Так, руководитель унитарного предприятия ЖКХ не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда он правомерно ожидал санации собственником [38]. По мнению С.А. Карелиной, подобное толкование направлено на «точечную настройку» института субсидиарной ответственности [241]. Безусловно, подобный подход является

справедливым и обоснованным, но он должен быть присущ не решению проблем в рамках анализа отдельных организаций, а выступать базовым требованием, обязывающим суды всегда исследовать причины неисполнения обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве, а также осведомленность кредиторов о возможности исполнения обязательств должником. Не согласимся с позицией П.С. Кондрашовой, которая указывает на то, что только в случае стабильно осуществляемой претензионно-исковой работы по взысканию задолженности руководитель может быть освобожден от ответственности за неподачу заявления о банкротстве организации в сфере ЖКХ [242]. Учитывая объективные проблемы, связанные с работой судов общей юрисдикции, рассматривать лишь такие обстоятельства недостаточно обоснованно.

Во-вторых, освобождается от субсидиарной ответственности руководитель, который выполнял экономически обоснованный план. Одновременно такое поведение должно являться добросовестным, при котором руководитель рассчитывал преодолеть временные финансовые затруднения на тот период, пока выполнение плана являлось разумным по сравнению с деятельностью обычного руководителя, который находится в сходных обстоятельствах. Указанное позволяет анализировать действия не только руководителя, но и иных контролирующих лиц, включая выгодоприобретателей. Кроме того, наличие кризисной ситуации предполагает либо использование процедуры банкротства, либо разрешение финансовых проблем с помощью рассматриваемого плана.

В результате суды в каждом случае должны оценивать эффективность бизнеса и план его спасения. На проблему реальности осуществления данной деятельности в обозначенном объеме указывает М.В. Чуприков [310]. В таком случае возникает вопрос о целесообразности проведения финансово-экономической экспертизы, которая не является обязательной при рассмотрении подобных споров. Безусловно, ее применение ограничивается лишь вопросом факта, в связи с чем установление признаков

неплатежеспособности лишь путем констатации экспертного заключения признается неправомерным при оценке действий нижестоящих судов со стороны ВС РФ [53]. Вместе с тем не вызывает сомнений возможность его использования в процессе доказывания объективности причин банкротства [233], включая анализ экономической обоснованности плана.

В качестве объективных причин банкротства судами рассматриваются:

- 1) климатические аномалии [89]; 2) кардинальное увеличение курса валют;
- 3) многократное и резкое снижение объемов продаж, вызванное отказом основного покупателя в приобретении изготавливаемого товара [128];
- 4) кассовые разрывы ввиду длительности процедур оплаты по государственным контрактам [122].

Использование рассматриваемой конструкции сопряжено с определением таких обстоятельств как: разумность плана в момент его принятия; временной период, после истечения которого план себя исчерпал. Представленное порождает вопросы о критериях «разумности плана». Важность их установления обусловлена тем, что в течение периода разумности контролирующее лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности по соответствующим обязательствам. С одной стороны, она отличается от общей модели разумности поведения контролирующего лица в интересах общества. С другой, для ее применения не выработаны собственные подходы. Анализ судебной практики демонстрирует, что суды зачастую даже не используют термин «разумность» применительно к исследованию такого плана [140]. Представляется, что во многом это обусловлено толкованием рассматриваемых норм в Пленуме ВС РФ от 21.12.2017 № 53. Более того, изначально не соответствующий критерию разумности план может стать таковым уже в процессе реализации, что приводит к неоднозначности в вопросе привлечения контролирующего лица к ответственности. Учитывая целевую направленность исследуемого основания возникновения ответственности, на этот вопрос следует ответить отрицательно, так как права кредиторов в таком случае не нарушаются, факт их не информирования на

коротком промежутке времени о состоянии «кризисности» не позволяет с уверенностью применять институт субсидиарной ответственности.

Одновременно с этим контролирующие лица, добросовестно осуществляя управление юридическим лицом, зачастую переоценивают финансовые перспективы организации, что вполне соответствует основным началам предпринимательства в целом. Позитивно оценим отсутствие каких-либо «рамок» по фактическому оформлению плана выхода из кризиса. Допускается использование как поименованных документов, так и совокупности иных обстоятельств (например, переписка). Извещение собственника имущества фактически также приравнивает к антикризисному плану, исключающему субсидиарную ответственность. Помимо прочего, при рассмотрении подобных споров суды оценивают не только финансовые показатели должника, но и характер, содержание осуществляемой юридическим лицом хозяйственной деятельности в спорный период, а также условия, при которых руководителем принимались те или иные решения. Вызывает вопросы также порядок определения момента объективного банкротства, так как зачастую суды уклоняются от активного участия в данном вопросе. Противоречивым также является аспект соотношения обязанности обратиться с заявлением о банкротстве и предпринять все необходимые меры для предупреждения банкротства [280].

Полагаем, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц в рамках банкротства должна применяться лишь при очевидности существенного дефекта при организации управления юридическим лицом или непосредственно в процессе хозяйственной деятельности. В этой связи выявление «явно вредных и злонамеренных» действий должно быть предметом оценки в рамках рассмотрения подобного спора [233].

В свою очередь, размер субсидиарной ответственности контролирующего лица, привлекаемого за неподачу или несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом (ст. 61.12 Закона о банкротстве), равен размеру обязательств, которые возникли после истечения

срока, установленного в ст. 9 Закона о банкротстве, и до возбуждения дела о банкротстве. Исходя из представленного можно отметить, что сам размер активов должника не имеет прямого значения для определения размера субсидиарной ответственности, так как решающее значение придается вопросу надлежащего информирования о финансовом состоянии должника. Добровольное вступление в правоотношения с лицом, которым или в отношении которого подано заявление о признании банкротом, не предполагает возможность последующего использования конструкции субсидиарной ответственности по ст. 61.12 Закона о банкротстве.

По общему правилу, в размер ответственности контролирующего лица не включаются: 1) обязательства, до возникновения которых конкурсный кредитор знал или должен был знать о возникновении обязанности по обращению с заявлением о признании должника банкротом; 2) расходы, которые необходимы для проведения процедур банкротства.

В этой связи имеет значение осведомленность кредитора, оцениваемая судом в каждом конкретном случае [146]. Аффилированность лица рассматривается как наличие заинтересованности по отношению к должнику и исключает возможность включения в размер ответственности по рассматриваемому основанию.

В результате защищаются как контролирующие лица путем определенных ограничений при установлении размера субсидиарной ответственности, так и кредиторы, не лишенные возможности взыскать размер соответствующих обязательств, которые объективно не направлены на искусственное повышение задолженности юридического лица. Установление такого подхода к определению размера ответственности обусловлено нормативной защитой кредиторов, введенных в заблуждение о финансовой состоятельности должника из-за ненадлежащего исполнения им обязанности по обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Изучение практики в рассматриваемой сфере показывает, что в размер исследуемой ответственности включаются обязательства, подлежащие

удовлетворению за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований, включенных в реестр требований кредиторов [113], а также проценты по обязательствам, возникшим после даты, в которую руководитель должен был обратиться с заявлением о банкротстве [145].

Представляется, что столь активное расширение применения рассматриваемого института обусловлено недостатками иных механизмов восстановления нарушенных прав кредиторов. Справедливым является замечание Д.Д. Быканова, указывающего, что «превентивная защита кредиторов будет эффективной только в сочетании с *ex post* контролем, частью которого и является «проникающая ответственность» [159, с. 222]. Исключение из принципа имущественной обособленности является крайней мерой, применяемой ввиду объективной невозможности иным способом защитить имущественные права кредиторов.

Отсутствие разграничения порядка применения исследуемой ответственности приводит к использованию единых механизмов оценки добросовестности и разумности действий в рамках управления юридическим лицом. Так, нередко попытки привлечь к субсидиарной ответственности руководителей предприятий в жилищно-коммунальной сфере, а также учредителей таких организаций. В качестве оснований вменяется неподача заявления о банкротстве. Недопущение подобного использования рассматриваемого института зачастую обеспечивается лишь актами ВС РФ. Так, в деле о банкротстве общества с ограниченной ответственностью специализированного предприятия «Лифтек», суд указал на заведомо убыточность в большинстве случаев деятельности предприятий, учрежденных в сфере жилищно-коммунального хозяйства [58]. Указанное свидетельствует о необходимости использования иных критериев оценки их деятельности, не характерных для обычных участников гражданского оборота.

Учитывая социальную значимость, предполагающую невозможность обращения руководителя с заявлением о банкротстве предприятия, рассмотрение заявления о привлечении к субсидиарной ответственности

руководителя допустимо лишь в случаях недобросовестного или неразумного поведения, приведшего к банкротству именно в результате поведения такого лица. Принятие мер по взысканию дебиторской задолженности, применению установленных тарифов при оказании услуг, а также информирование учредителя о недостаточности денежных средств для погашения обязательств в полном объеме свидетельствуют о необоснованности притязаний кредиторов к таким лицам. В этой связи судебной практикой отмечено, что обращение с заявлением о банкротстве руководителем муниципального унитарного предприятия может повлечь за собой непрогнозируемые социальные последствия [55].

В отношении публично-правового образования – учредителя такого предприятия судами используются иные критерии оценки поведения. Например, передача объектов водоотведения и водоснабжения, продиктованная лишь интересами администрации, которая привела к окончательной утрате возможности восстановления платежеспособности, должна учитываться при рассмотрении вопроса об обоснованности возложения субсидиарной ответственности на такое лицо [138]. Вместе с тем исходя из характера и назначения подобного имущества рассматривать прямую причинно-следственную связь между банкротством предприятия и передачей тех или иных объектов коммунальной инфраструктуры не представляется возможным. При этом не исключается взыскание имущественных потерь при условии доказанности противоправного поведения контролирующего лица.

Безусловно, возникает вопрос о соблюдении конституционного принципа равенства (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации [1]). По мнению диссертанта, такой подход является допустимым, если кредиторы обладают возможностью предъявить требования к контролирующему лицу, поведение которого противоречит предусмотренным законодательством требованиям к управлению юридическим лицом. В свою очередь, конституционный принцип равенства предполагает не формальное

установление и применение единых норм для всех участников оборота, а учет фактических различий в их положении. Как отмечал Конституционный Суд РФ, такие различия допустимы в том случае, когда они «оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства отвечают требованию соразмерности» [23]. Наличие злонамеренности в действиях учредителя должно устанавливаться путем анализа принятых решений.

Представляется, что текущее правовое регулирование и складывающаяся практика, не обеспечивают баланс интересов сторон.

Во-первых, непомерная обременительность обязательства контролирующего лица не способствует восстановлению нарушенных прав кредиторов, так как задолженность, многократно превышающая размеры активов привлекаемого к ответственности лица, фактически является «безнадежной» и не отвечает цели гражданско-правовой ответственности в виде восстановления имущественного положения кредиторов.

Во-вторых, в тех ситуациях, когда контролирующее лицо не получило какой-либо выгоды из деяний с формой вины в виде неосторожности, субсидиарная ответственность может являться очевидно несоразмерным бременем для контролирующего лица.

В-третьих, возложение непомерных и неисполнимых обязательств не позволяет обеспечить достижение превентивных и стимулирующих функций ответственности органов управления юридическим лицом, так как даже аспект извлечения выгоды в механизме нарушения имущественных прав кредиторов учитывается далеко не всегда.

В-четвертых, практика постоянного расширения применения института субсидиарной ответственности контролирующих лиц неизбежно приводит к наличию судебных актов, в рамках которых не в полной мере устанавливается весь состав гражданского правонарушения.

В-пятых, ответственность должна быть соразмерна совершенному деянию, так как иной подход нарушает принципы равенства и справедливости.

В-шестых, не установление возможности оценки непомерности и неисполнимости обязательств ставит в неравное положение контролирующих лиц в зависимости от субъектного состава кредиторов. В ситуации, когда кредитором является налоговый орган, использующий институт деликтной ответственности, суд правомочен учитывать имущественное положение ответчика. В иных случаях, когда кредитор может предъявлять требования к контролирующим лицам лишь по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, Законом об ООО, у суда отсутствует такое правомочие.

В результате обстоятельствами, подлежащими оценке в процессе установления размера ответственности контролирующего лица при банкротстве, могут являться: совокупный размер имущественных потерь должника, обусловленных действиями (бездействием) контролирующего лица; стоимость активов, в отношении которых управляющему не передана документация; реальный размер имущественного вреда и (или) необоснованной имущественной выгоды, полученной от должника.

Представленные подходы зависят от установленной в ходе рассмотрения дела специфики хозяйственной деятельности должника. В этой связи их нормативное закрепление достаточно затруднительно. Вместе с тем ВС РФ при разрешении конкретных дел ориентирует суды на необходимость учета всех обстоятельств (например, реально причиненного вреда бюджету) [80]. В комментариях отдельных судов также встречается позиция о необходимости учета принципов справедливости и соразмерности при определении размера ответственности [156].

Самостоятельное выделение необоснованной имущественной выгоды обусловлено как наличием презумпции признания контролирующим лицом ввиду извлечения выгоды (пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве), так и предполагает сопоставление результатов деятельности должника, имущественного положения должника, а также потерь кредиторов. В любом случае учет предложенного обстоятельства не может противоречить принципу

полного возмещения вреда и не предполагает закрепление возможности взыскания больше причиненного вреда кредиторам.

Размер исследуемой ответственности в рамках Закона о банкротстве предполагает установление целого ряда обстоятельств, в то время как иные случаи применения данного института предполагают меньшее количество противоречий. Отметим, что Закон о банкротстве в большинстве случаев не содержит специальных норм, направленных на учет специфики вида юридического лица. В этом проявляется значительная разница между подходом ГК РФ, закрепляющим специфику субсидиарной ответственности в отношении отдельных коммерческих и некоммерческих организаций, и Законом о банкротстве. Подобная ситуация приводит к необходимости адаптации регулирования на уровне правоприменительной практики, учитывая характер и порядок осуществления хозяйственной деятельности. Так, очевидна разница между унитарными предприятиями и хозяйственными обществами несмотря на то, что оба вида юридических лиц являются коммерческими организациями и могут быть признаны банкротами (за исключением, казенного предприятия). Полагаем, что возможность злонамеренности в действиях контролирующих лиц унитарных предприятий в разы ниже, чем в хозяйственных обществах.

Отметим, что реализация предложенного подхода может являться одним из элементов достижения принципа социальной справедливости в законодательстве о банкротстве юридических лиц, который, по мнению исследователей, в полной мере соотносим с целями института банкротства [319].

Резюмируя рассмотренную в настоящем параграфе субсидиарную ответственность контролирующих лиц, сформулируем следующие выводы: 1) доктриной не выработаны подходы к установлению критериев по оценке разумности плана по выходу из кризиса; 2) заявители и суды в большинстве случаев последовательно не разграничивают основания привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренные Законом о банкротстве,

ограничиваясь перечислением соответствующих норм; 3) определение размера субсидиарной ответственности контролирующих лиц должно быть дифференцировано, отвечать общеправовым принципам юридической ответственности.

2.3 Особенности реализации норм о применении субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках Закона о банкротстве

Для полноты исследования и в целях обеспечения сбалансированного применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках Закона о банкротстве необходимо исследовать рассматриваемый институт в иных правоотношениях, так называемую «внебанкротную» [302] субсидиарную ответственность контролирующих лиц. При прекращении процедуры банкротства контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности за невозможность погашения требований кредиторов.

Следовательно, она призвана обеспечить возможность защиты прав кредиторов даже в том случае, когда проведение банкротства невозможно, что обусловлено, в том числе поведением лица, определяющего действия должника. Каких-либо особенностей в порядке рассмотрения требований в рамках Закона о банкротстве не предусматривается. Согласно ст. 61.11 Закона о банкротстве (п. 12) привлечение к ответственности осуществляется по правилам Закона о банкротстве. Примечательно, что только в ст. 61.19 Закона о банкротстве, посвященной рассматриваемому вопросу, законодатель прямо указывает об ином механизме субсидиарной ответственности, отличным от ст. 399 ГК РФ. Вместе с тем указывается лишь на отсутствие необходимости соблюдать правило о привлечении основного должника в рамках данного спора при условии, что должник исключен из ЕГРЮЛ. Рассматриваемое положение в большей степени связано с фактической невозможностью такого лица быть стороной судебного разбирательства, так оно с момента исключения из ЕГРЮЛ не обладает правосубъектностью (п. 3 ст. 49 ГК РФ).

Согласно п. 51 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, заявление о привлечении контролирующего лица вне рамок дела о банкротстве, поданное на основании положений, предусмотренных Законом о банкротстве, рассматривается судом в соответствии с положениями главы 28.2 АПК РФ (защита прав и законных интересов группы лиц) [5]. Исходя из комплексного толкования данной главы, а также норм Закона о банкротстве, у заявителя существует обязанность опубликовать в ЕФРСБ предложение о присоединении к таким требованиям другим кредиторам.

В правоприменительной практике в большинстве случаев суды отказывают кредиторам в удовлетворении рассматриваемых требований [115]. При этом в ряде случаев суды удовлетворяют требования и указывают на обоснованность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве [61]. Основными причинами отсутствия единообразного подхода судебных инстанций можно выделить:

- 1) неоднородность применения института сроков исковой давности;
- 2) использование различных редакций Закона о банкротстве;
- 3) отсутствие единого подхода в вопросе механизма доказывания причинно-следственной связи между неисполненными обязательствами и действиями контролирующих лиц.

В рамках указанного аспекта важно выделить объективные трудности в самом процессе доказывания. Классическая модель субсидиарной ответственности контролирующего лица, применяемая в рамках рассмотрения дела о банкротстве, предполагает наличие у суда представления о характере и содержании деятельности юридического лица, находящегося в процедуре банкротства. Кроме того, арбитражный управляющий также располагает подобной информацией, может пояснить специфику отдельных сделок, их взаимосвязь, обоснованность и разумность действий руководителей должника, иных органов управления.

Указанный субъект в ходе рассмотрения подобных заявлений привлекается в качестве третьего лица. Следовательно, уже к рассмотрению заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной

ответственности существует совокупность косвенных доказательств, которые могут являться основанием для удовлетворения подобного заявления. В отдельных случаях привлечение арбитражного управляющего возможно даже в случае обращения с заявлением вне рамок дела о банкротстве.

Отсутствие реализации каких-либо процедур, предусмотренных Законом о банкротстве, существенно затрудняет возможность применения рассматриваемого института. В этой связи судами указывается на обязанность заявителя доказать факт противоправности действий контролирующего лица и причинно-следственную связь между убытками и такими действиями [116].

Примечательно, что в ряде случаев суды отказывали в применении ст. 61.19 Закона о банкротстве, когда заявитель ссылаясь на факты, которые были установлены в рамках дела о банкротстве, которое велось до момента его прекращения [151]. В частности, в одном из дел истцом предъявлялось совершение юридическим лицом подозрительных сделок, отсутствие бухгалтерской отчетности. Отказ в удовлетворении заявленных требований был основан на толковании позиции ВС РФ, в рамках которой суд указывал на применение ст. 61.19 Закона о банкротстве с точки зрения обстоятельств, ставших известными после прекращения дела о несостоятельности.

Подобное толкование приводит к необоснованному разделению оценки хозяйственной деятельности должника лишь по причине недостаточности имущества должника. Следовательно, создание условий, которые могли бы исключить возможность осуществления всех процедур в рамках дела о банкротстве, влекло за собой возможность избежать субсидиарную ответственность для контролирующих лиц. Подобное положение не являлось допустимым механизмом борьбы с недобросовестностью или неразумностью рассматриваемых субъектов.

В результате подобный подход был признан ВС РФ противоречащим действующему законодательству [57]. Так, суд установил, что закон не предусматривает прекращение права кредитора на возмещение вреда в тех случаях, когда даже зная о наличии оснований для привлечения

контролирующего лица к исследуемой ответственности до момента прекращения производства по делу о банкротстве не предъявил такой иск.

Следовательно, ст. 61.19 Закона о банкротстве не исключает возможность предъявления требований даже в случае, когда у заявителя имелась информация о наличии оснований для возложения на контролирующее лицо субсидиарной ответственности. Как отмечает советник Orchards Азат Ахметов, «для недобросовестных кредиторов позиция ВС создает соблазн вовсе не заниматься банкротными процедурами..., а способствует быстрому прекращению производства по делу о банкротстве и подаче самостоятельного иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности» [287]. Безусловно, содержание позиции ВС РФ не способствует достижению правовой определенности в рассматриваемом вопросе с точки зрения последовательного определения порядка привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Вместе с тем ВС РФ исключил очевидно противоречащий законодательству механизм, сложившийся на уровне правоприменительной практики. Указываемая возможность действий со стороны недобросовестных кредиторов в любом случае нивелируется необходимостью установить причинно-следственную связь. В результате исключается ситуация, когда прекращение процедуры банкротства приводит к невозможности привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Положительно также можно оценить отсутствие необходимости для кредиторов оплачивать бесперспективные процедуры банкротства, используемые исключительно для того, чтобы обеспечить возможность использования рассматриваемого института. Подобный подход является взвешенным шагом в продолжении развития механизма субсидиарной ответственности контролирующих лиц как инструмента по борьбе со злоупотреблениями конструкцией юридического лица.

Представляется, что одной из основных сложностей, связанных с применением исследуемого института вне рамок дела о банкротстве, является

сбор доказательственной базы. В данном случае существует возможность привлечения налоговых органов в целях установления анализа деятельности должника. Вместе с тем действующее регулирование не устанавливает обязанности судов удовлетворять такое ходатайство. Исключение неоднозначности в данном вопросе возможно путем установления обязанности судов привлекать налоговые органы в случае рассмотрения подобного заявления. С одной стороны, данный механизм обеспечит повышение уровня анализа содержания хозяйственной деятельности должника. С другой стороны, уменьшит возможность злоупотребления конструкцией банкротства в случае выведения всего имущества должника, а также снизит расходы кредиторов по привлечению экспертов, иных лиц в целях определения экономического положения должника.

Примечательно, что запрет использования конструкции юридического лица в целях причинения вреда независимым участникам гражданского оборота фактически включает в себя, в целях возложения субсидиарной ответственности на контролирующих лиц, исключительно неразумность или недобросовестность поведения. Вместе с тем такие обстоятельства должны соотноситься с нарушением имущественных прав кредиторов, так как иной подход не обеспечивает соблюдение критерия причинно-следственной связи, которая в большинстве случаев автоматически презюмируется.

Тенденцией применения основополагающих принципов гражданского права о юридических лицах является их нивелирование в тех случаях, когда контролирующее лицо самостоятельно отходит от их соблюдения путем смешения активов нескольких хозяйствующих субъектов, создавшее условие невозможности осуществления расчетов с кредиторами [39]. В этой связи перевод бизнеса на вновь созданное юридическое лицо, обусловленное стремлением исключить ответственность перед контрагентами, является основанием для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Аналогичным образом оценивается и ситуация, в рамках которой свободно перемещаются активы между аффилированными членами

группы компаний, что влечет невозможность рассмотрения их участников в качестве обособленных субъектов гражданского оборота. В таком случае прибыль, полученная с помощью построения такой модели, должна включаться в конкурсную массу. Представляется, что вопрос о возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должен зависеть от того, привела ли подобная модель в результате к существенному нарушению имущественных прав кредиторов.

Немаловажным с точки зрения обеспечения сбалансированного применения исследуемой ответственности является не только определение полноценного механизма защиты прав кредиторов, но и прав контролирующих лиц. Длительное время суды неоднозначно относились к праву контролирующих лиц оспаривать судебные акты, которыми было удовлетворено включение в реестр требований кредиторов. В частности, отмечалось отсутствие упоминания контролирующих лиц в ст. 34 Закона о банкротстве, что означает отсутствие у них права на проверку обоснованности включения соответствующих требований в реестр [50]. Двоякость была исключена после принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П [25]. Так, судом помимо прочего, было указано, что невозможность обжаловать судебный акт приводит к снижению процессуальных возможностей защиты прав, а также влечет повышение вероятности произвольного определения размера требований кредиторов.

Несмотря на попытки законодателя с подачи Конституционного Суда РФ расширить перечень прав контролирующего лица в целях обеспечения его права на судебную защиту, а также достижению справедливости в процессе рассмотрения подобных споров, нерешенной является проблема о правах контролирующего лица в целом. Так, п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве предполагает лишь право обжаловать судебные акты (ст. 61.14 Закона о банкротстве). Кроме того, представленная норма закрепляет право контролирующих лиц участвовать в деле о банкротстве в рамках рассмотрения вопросов, решение которых может

повлиять на привлечение его к ответственности. Попытки использовать подобный инструмент путем привлечения иных контролирующих лиц в настоящее время критически оцениваются судами, отмечающими, что заявитель не входит в круг лиц, наделенных подобным правом [154].

В деле о банкротстве ООО «ГК «Главстройинвест», рассмотренном Арбитражным судом Московского округа, было установлено, что контролирующим лицом подавалось ходатайство о привлечении соответчика (Иванова А.Н.), оставленное без удовлетворения. При этом суд первой инстанции по собственной инициативе привлек контролирующее лицо к субсидиарной ответственности, которое было заявлено в вышеуказанном ходатайстве. Отменяя указанный судебный акт в части привлечения Иванова А.Н. к субсидиарной ответственности, Девятый арбитражный апелляционный суд исходил из отсутствия у Арбитражного суда города Москвы правовых оснований для привлечения соответчика. Нормативным основанием для принятия такого решения явилась ч. 5 ст. 46 АПК РФ, предусматривающая обязательность получения согласия истца для привлечения соответчика или наличия ходатайства сторон. В рассмотренном деле такого согласия конкурсный управляющий должника не давал.

В результате кассационный суд оставил в силе постановление суда апелляционной инстанции [111]. Аналогичным образом ст. 47 АПК РФ предполагает возможность привлечь второго ответчика по собственной инициативе суда лишь с согласия истца. Применительно к данной ситуации ключевым является характер складывающихся правоотношений, так как по делам, вытекающим из публичных правоотношений, у суда есть право привлечения соответчика без согласия заявителя (ч. 6 ст. 46 АПК РФ).

Еще в 2002 г., 2005 г. Конституционный Суд РФ исходил из публично-правового характера банкротства [21]. Более того, при рассмотрении вопроса о соответствии ст. 34 Закона о банкротстве реализации конституционных прав отметил актуальность ранее выработанных подходов (Постановление от 16.11.2021 № 49-П [25]). В продолжении данной позиции

уже в 2022 году отмечал, что полномочия арбитражного управляющего носят публично-правовой характер [30]. Как указывает ВС РФ, «публично-правовой целью института банкротства является обеспечение баланса прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, имеющих различные, зачастую диаметрально противоположные интересы» [64]. Представляется достаточно дискуссионным такой подход, так как лишь сами противоречия в правах кредиторов не могут рассматриваться как основание для признания публичности института. В этой связи как среди судей (особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова [21]), так и исследователей отмечается, что банкротство выступает институтом частного права [176]. В пользу такого подхода свидетельствует и отнесение баланса интересов сторон к одному из элементов частноправового принципа равенства.

В большей степени обоснованно, по мнению диссертанта, отмечать смешанную природу рассматриваемого института. Как указывает И.И. Шувалов, «частные интересы конкретных субъектов в отношениях банкротства могут трансформироваться в публичный интерес» [318]. Высказываются также позиции об определенном смешении, взаимодействии публичных и частных интересов [287]. Двойственность института банкротства вытекает также из трудов В.Ф. Попандопуло, относящего конкурсное право к институту частного права, а банкротство к институту публичного права [184]. Схожей позиции о комплексности несостоятельности придерживались и другие авторы [208].

Отсутствие однозначности в рассматриваемом вопросе не позволяет решить проблему механизма привлечения к рассмотрению дела контролирующих лиц дополнительно к тем, которые были указаны в заявлении. Более того, существующее регулирование не способствует достижению самой цели привлечения к ответственности лица, недобросовестно или неразумно осуществляющего управление юридическим лицом. В данном случае примечательно наличие обязанности у суда привлекать как номинального, так и теневого руководителя [71].

В случае, когда суд устраняется от анализа представленных номинальным контролирующим лицом документов, у такого лица фактически отсутствует возможность надлежащего применения рассматриваемого института.

Кроме того, ВС РФ указывает на обязанность оценивать косвенные доказательства, свидетельствующие о наличии конечного бенефициара [77]. Несоблюдение такого требования влечет отмену судебных актов. В таком случае возникает двоякая ситуация, когда суд самостоятельно лишен возможности привлечь к субсидиарной ответственности иных контролирующих лиц, не заявленных конкурсным управляющим или иным заинтересованным лицом. Вместе с тем не учет представленных доказательств о фактическом бенефициаре является основанием для отмены судебных актов. Безусловно, в большинстве случаев конкурсный управляющий будет поддерживать доводы о расширении количества привлекаемых контролирующих лиц, но в такой ситуации надлежащая судебная защита прав кредиторов зависит от действий заявителя. Практикующими специалистами обоснованно предлагается ограничительное толкование ст. 61.14 Закона о банкротстве исключительно в части инициации такого процесса. Указанное предлагает возможность в случае предъявления требований к субсидиарному должнику использовать ст. 4 АПК РФ, закрепляющую общие положения права на обращение в арбитражный суд. В данном случае целесообразно обеспечить аналогичный подход правоприменителя как в деле о банкротстве ООО «Финансовая компания «Присцельс», в рамках которого ВС РФ указал на право контролирующих лиц обжаловать действия конкурсного управляющего, так как в таком случае наличие такого инструмента является проявлением активной защиты своих прав [59]. Более того, обжалование действий конкурсного управляющего может включать в себя не только несогласие с надлежащим формированием конкурсной массы должника, но и быть обусловлено привлечением лишь части контролирующих лиц к ответственности. Неоднозначным представляется возможность оценки действий по определению перечня контролирующих лиц конкурсным

управляющим, так как зачастую это происходит в отсутствии необходимых документов (например, документы не переданы руководителем должника).

В целях исключения неоднозначности в судебной практике представляется приемлемым внесение изменений в Закон о банкротстве путем дополнения предложения первого абзаца второго п. 1 ст. 61.15 словами следующего содержания: «, а также привлекать иных контролирующих лиц к рассмотрению заявления о привлечении их к субсидиарной ответственности».

Представленное дополнение позволит в большей степени обеспечить соблюдение баланса интересов всех лиц, связанных с управлением должником, а также исключит неоднозначность в вопросе их правового статуса. Возможные негативные последствия заключаются в потенциальном затягивании спора, но учитывая право обжалования контролирующим лицом действий конкурсного управляющего, судебных актов о включении в реестр требований кредиторов, механизм рассмотрения споров о возложении субсидиарной ответственности принципиально не изменится [199].

В качестве механизма защиты от злоупотреблений при предоставлении исследуемого права контролирующим лицам могут предусматриваться следующие меры: возможность использования предлагаемого права до окончания предварительного судебного заседания; обязанность контролирующего лица представить доказательства наличия такого статуса у другого лица и обоснование привлечения его к субсидиарной ответственности.

При этом существующая возможность представить сведения о других контролирующих должника лицах заявителю и (или) арбитражному управляющему в ситуации заинтересованности последних в отказе привлечения других контролирующих лиц свидетельствует об отсутствии необходимых и полноценных инструментов защиты прав всех участников рассматриваемого спора. Учитывая основание для наступления субсидиарной ответственности — доведение юридического лица до объективного банкротства, справедливое судебное разбирательство возможно лишь в случае установления всех лиц, виновных в банкротстве должника.

В пользу предложенных изменений свидетельствует возможная обусловленность банкротства, недостаточность имущества должника лишь поведением одного контролирующего лица, не привлеченного к такому делу.

Как следует из п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 солидарно несут субсидиарную ответственность контролирующие лица в том случае, когда их действия были независимы друг от друга и действия каждого из них являлись достаточными для объективного банкротства. Исследователями указывается, что «вовлеченные лица ... становятся соучастниками, если результат их поведения тождественен основаниям привлечения к субсидиарной ответственности» [263].

Солидарная ответственность контролирующих лиц также возникает в отношении лиц, которые довели должника до объективного банкротства, а также лиц, поведение которых существенно ухудшило финансовое положение должника (после возникновения признаков неплатежеспособности). Критерий существенности в таком случае используется с позиции окончательной утраты юридическим лицом возможности погасить требования кредиторов. Полагаем, что к солидарно-субсидиарной ответственности могут привлекаться любые контролирующие лица, в том числе бенефициары, номинальные руководители и так далее.

Основной проблемой применения солидаритета в случае невозможности полного погашения требований кредиторов (вне зависимости от механизма ее установления – в банкротстве или в иных правоотношениях) является определение критериев, позволяющих установить перечень случаев, в которых такой подход обоснован. ВС РФ помимо вышеописанных ситуаций предлагает использовать ст. 1080 ГК РФ, предполагающую солидарную ответственность совместно причинивших вред лиц. Совместность раскрывается через учет согласованности, скоординированности (то есть соучастие в любой форме). Традиционное для уголовного права соучастие в рамках гражданского права возможно не только при проявленном умысле [171]. Общее намерение, по мнению диссертанта, является основным

критерием для применения механизма солидарности. Ненадлежащее использование конструкции юридического лица каждым из контролирующих лиц должно приводить к общим для них последствиям. В этой связи активно используемый для привлечения к субсидиарной ответственности критерий существенности негативного влияния является приемлемым и для рассматриваемых положений.

Исследователями обоснованно предлагается возможность использования конструкции «вмененного соучастия», при котором может отсутствовать единое намерение, но наличествовать единый результат [263]. Такой итог в виде банкротства юридического лица или неисполнения обязательств перед кредиторами является достаточным основанием для солидарной субсидиарной ответственности контролирующих лиц. В судебной практике признается наличие таких обстоятельств даже в случае отсутствия фактического контроля, но формирования на стороне такого лица необоснованной прибыли (центр прибыли) в ущерб интересам кредиторов должника (центра убытков) [34]. Приведенный подход может быть признан обоснованным при отказе контролирующих лиц раскрыть содержание управленческих решений, роли каждого органа управления или иных субъектов. В противном случае в существенном объеме лишается смысла конструкция уменьшения размера субсидиарной ответственности. При этом в случае, когда самостоятельных действий каждого из контролирующих лиц было недостаточно для банкротства, но в совокупности их действия повлекли такой результат, такие лица подлежат привлечению в долях. Размер доли определяется пропорционально причиненного им вреда. Применение данного положения возможно лишь в случае, когда контролирующие лица доказывают независимость своих действий. Так, одобрение лишь одной сделки членом совета директоров предполагает пропорциональный размер ответственности, который зависит от величины причиненного ущерба [104].

В ситуации невозможности определения такой доли она рассчитывается пропорционально периоду осуществления фактического контроля над

должником (п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53). В результате создается опасная ситуация, когда действий (бездействия) контролирующего лица недостаточно для банкротства должника, но в совокупности с поведением других контролирующих лиц они привели к банкротству, итогом которого является наступление субсидиарной ответственности. Примечательно, что суды отходят от буквального применения рассмотренных разъяснений. Так, Арбитражный суд Волго-Вятского округа признал обоснованным невозможность определения размера ответственности контролирующего лица (временно исполняющего обязанности директора) «линейным методом по количеству дней, отработанных ответчиками в качестве руководителей», а также учел объем хозяйственной деятельности должника в такой период [139]. Соглашаясь с таким подходом, отметим, что фактически судом использовалась конструкция степени вины, активно поддерживаемая некоторыми исследователями (например, Ю.Э. Монастырским [258]). Отступление от принципа соразмерности, допускаемое ВС РФ, хоть и понятно, но вряд ли может рассматриваться как генеральная идея развития исследуемого института.

Критически можно оценить практику привлечения контролирующего лица одновременно и к субсидиарной, и к деликтной ответственности в виде взыскания ущерба вследствие совершения преступления в налоговой сфере. Представляется, что «нерешенность данной проблемы подчеркивается противоречивой судебной практикой по оценке применения различных способов защиты к контролируемому лицу» [276]. К сожалению, субсидиарная ответственность контролирующих лиц в настоящее время зачастую фактически используется как один из основных институтов восстановления нарушенных прав кредиторов. Автором видится, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц используется государством как наиболее простой выход из ситуации недобросовестного управления хозяйствующим субъектом. Первостепенное решение таких системообразующих проблем не затрагивает глубинные взаимосвязи между

экономикой и правом. В условиях социальной экономики [205] целесообразным представляется развитие систем превентивного определения возможных негативных воздействий контролирующего лица на экономику (частично указанное реализуется в банковской сфере).

Таким образом, выявленная непоследовательность регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц не позволяет утверждать о сбалансированности применения исследуемого института в отношении несостоятельности (банкротства). Нуждаются в пересмотре подходы к объему прав контролирующих лиц, одновременному применению субсидиарной и деликтной ответственности, перечню субъектов, привлекаемых в рамках рассмотрения отдельных споров по привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Глава 3

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц вне банкротства

3.1 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в случае исключения юридического лица из ЕГРЮЛ в административном порядке

Совершенно иным, не связанным с положениями законодательства о банкротстве, является институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц по Закону об ООО. Согласно п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, в случае если исключение из ЕГРЮЛ и соответственно неисполнение обязательств общества обусловлено действиями лиц, которые указаны в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ, действовавшими недобросовестно или неразумно, такие субъекты могут быть привлечены к субсидиарной ответственности.

Представленная норма является инструментом противодействия злоупотреблениям конструкцией юридического лица, намеренного уклонения от процедур банкротства в целях минимизации предпринимательских рисков в ущерб интересам кредиторов. Одним из основных вопросов в данном случае является анализ добросовестности и разумности, их содержательное наполнение. Статья 53.1 ГК РФ указывает на добросовестность и разумность применительно к интересам общества, что позволяет утверждать о необходимости выделения особых критериев, не аналогичных общегражданской добросовестности и разумности.

По мнению диссертанта, лишь сам факт нарушения принципов добросовестности и разумности (например, уклонение от получения корреспонденции, включение в договор обременительных условий) не может иметь квалифицирующего значения для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Особое значение в таком случае справедливо должно быть отдано обязанности контролирующего лица создать

необходимые условия участия юридического лица в гражданском обороте (например, недостаточная капитализация является очевидным злоупотреблением корпоративной формой [253]).

Примечательно, что в Законе об ООО (ст. 3) в рамках конструирования нормы законодатель при указании на недобросовестное или неразумное поведение не упоминает об «интересах общества», что вероятно является техническим недостатком, а не концептуально иным подходом. Данный вывод следует из наличия отсылки на положения ст. 53.1 ГК РФ. Кроме того, достаточно сложно определить объем толкования, заложенный в рассматриваемые нормы. Анализируя Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П, можно отметить, что ответственность следует за факт злоупотребления конструкцией юридического лица, то есть речь идет преимущественно о недобросовестном осуществлении корпоративных прав по отношению к другим участникам гражданского оборота. Так, он отметил, что «неосуществление контролирующими лицами ликвидации общества... может свидетельствовать о намеренном ... пренебрежении контролирующими общество лицами своими обязанностями, попытке избежать рисков привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве общества...» [185].

«Приземляя» указанные рассуждения к конкретным обстоятельствам дела, ВС РФ отмечает обоснованность неприменения принципа имущественной обособленности в тех случаях, когда контролирующее лицо само нарушает такой принцип, допуская смешение имущества участника и общества [70]. Конечно, данный факт сам по себе не является основанием для привлечения контролирующего лица к ответственности, но подлежит анализу применительно к созданию ситуации невозможности расчетов перед кредиторами самим должником. Несколько иной подход предполагает наступление ответственности за доведение до объективного банкротства. Так, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 07.02.2023 № 6-П указывает на то, что «стандарт разумного и добросовестного поведения ...

предполагает, что обязанность действовать в интересах контролируемого юридического лица включает ... аккумуляцию и сохранение информации о хозяйственной деятельности должника, ее раскрытие при предъявлении в суд требований о возмещении вреда, причиненного доведением должника до объективного банкротства» [26]. В свою очередь, ВС РФ, отменяя акты нижестоящих инстанций, прямо указывает на обязательность установления в случае привлечения к ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО проверки действий контролирующего лица «в смысле доведения хозяйствующего субъекта до состояния объективного банкротства».

Представляется, что первый подход является некой «идеальной» моделью субсидиарной ответственности контролирующих лиц, единообразно воплотить который практически невозможно. Исходя из этого заслуживает поддержки попытка сближения правового регулирования по отношению к правоотношениям в сфере банкротства в целях использования наработанных инструментов. Примечательно, что в отличие от законодательства о банкротстве, Закон об ООО не устанавливает механизма применения исследуемого института. Более того, возникает вопрос о последовательности законодательного регулирования в части института субсидиарной ответственности в целом. Так, в силу ст. 399 ГК РФ правила, предусмотренные ее положениями, применяются в случае, когда иными законами не установлен иной порядок привлечения к субсидиарной ответственности. В этой связи возникает вопрос, а может ли п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО рассматриваться в качестве подобного порядка, так как она указывает лишь на возможность наступления субсидиарной ответственности определенного круга лиц, не устанавливая содержание и механизм его применения. Представляется, что положения ст. 399 ГК РФ в данном случае не подлежат применению в силу расширительного толкования всех нормативных положений, устанавливающих ответственность контролирующих лиц. В рамках Закона об ООО, по мнению органа конституционного контроля, субсидиарная ответственность контролирующих лиц всегда выступает деликтной по своей

природе (абз. 2 п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П [26]).

Анализ правоприменительной практики показывает, что применение ст. 53.1 ГК РФ предполагает необходимость установления совокупности следующих условий: 1) наличие вреда на стороне заявителя; 2) противоправность действий контролирующих лиц и их вина; 3) причинно-следственная связь между убытками и противоправными действиями [97]. Недобросовестность или неразумность контролирующего лица не подменяет одного из вышеуказанных условий, а используется в целях распределения бремени доказывания. Фактически речь идет о классической конструкции убытков, предусмотренной ст. 15 ГК РФ. Как подчеркивают исследователи, в данном случае очевидно, что субсидиарная ответственность выступает как разновидность убытков [164, с. 259].

Кратко остановимся на каждом из аспектов состава гражданского правонарушения. Как следует из системного толкования п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, вред взаимосвязан с размером неисполненных обязательств. Вместе с тем возникают вопросы о необходимости подтверждения его в судебном порядке. Согласимся с Н.В. Филипенко, которая отвечает на данный вопрос отрицательно. Ввиду того, что мы придерживаемся подхода к определенной унификации исследуемого института обратимся к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, согласно которому требования к должнику могут подтверждаться как вступившими в законную силу судебными актами, так и иными документами. Обоснованность данного подхода подтверждается судебной практикой судов кассационной инстанции [120]. К таким выводам подводит и сам Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.05.2021 № 20-П, указывая на невозможность использования исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ в качестве исполнения организации обязанности по ликвидации «тем более в тех случаях, когда исковые требования удовлетворены судом». В данном случае речь идет о требованиях кредиторов. Представляется, что связка «тем более» призвана

подчеркнуть высокую вероятность недобросовестного поведения в такой ситуации, а не свидетельствует об обязательности вступившего в силу судебного акта.

Аналогичного подхода придерживается С.И. Соболев, отрицательно оценивающий возможность использования исключительно вступивших в силу судебных актов [294]. Наличие судебного акта, вступившего в силу, может использоваться с точки зрения выявления взаимосвязи «объективного банкротства» должника и поведения контролирующих лиц, но не более того.

Второй аспект, связанный с противоправностью действий, напрямую обусловлен определением добросовестности и разумности контролирующего лица в процессе корпоративного управления. Не повторяя ранее указанное отметим, что ВС РФ для подобных споров в 2022 году использовал такие случаи недобросовестного поведения: совершение действий без соответствующего одобрения; действия при наличии конфликта интересов; сокрытие информации о сделке от его участников; уклонение от передачи юридическому лицу документов, которые связаны с наступлением неблагоприятных обстоятельств [54]. В настоящее время практика шире подходит к возможным случаям недобросовестности, относя к таковым перевод бизнеса на другое юридическое лицо в целях исключения ответственности [39]. До этого подобные вопросы преимущественно рассматривались лишь в рамках ответственности директоров в форме убытков [188].

В рамках исследуемой субсидиарной ответственности важно оценить не только поведение контролирующего лица, но и проанализировать все обстоятельства, предшествующие исключению из ЕГРЮЛ общества. Неслучайно, в правоотношениях в сфере банкротства судебная практика исходит из обязательности установления причин банкротства. В этой связи справедливо замечание ВС РФ, что «непринятие ответчиком ... мер, направленных на прекращение либо отмену процедуры исключения должника из ЕГРЮЛ; невыполнение ответчиком обязанности по подаче заявления о

банкротстве должника в арбитражный суд при наличии признаков банкротства само по себе не являются основанием для ответственности ...» [56]. В данном случае проявляется одно из самых важных различий между основаниями для наступления рассматриваемой ответственности, так как Закон о банкротстве устанавливает достаточность лишь факта неподачи заявления о банкротстве для наступления субсидиарной ответственности. Неисполнение соответствующих обязанностей (например, по подаче отчетности) само по себе также не является основанием для привлечения к субсидиарной ответственности [76]. Заключительным элементом состава гражданского правонарушения является причинно-следственная связь между двумя вышеуказанными аспектами. Она является основным обстоятельством, которое отличает правовые нормы Закона о банкротстве и иных нормативных правовых актов. В частности, Закон об ООО не устанавливает презумпций наличия причинно-следственной связи, возлагая, по общему правилу, обязанность на заявителя доказать взаимосвязь между поведением контролирующего лица и неисполнение обязательств перед кредиторами.

Отсутствие фактической возможности заявителя доказать причинно-следственную связь было решено лишь Конституционным Судом РФ. Достаточно примечательно, что для этого потребовалось два постановления, разница между принятием которых составляет менее 2 лет (первое было принято 21 мая 2021 года, второе в феврале 2023 года). Необходимость подобного вмешательства демонстрирует наличие системных проблем в конструкции рассматриваемой нормы. Указанное также сопровождается общим увеличением (с 2017 года) количества решений Конституционного Суда РФ по вопросам, касающимся субсидиарной ответственности. Рассматривая правотворчество Конституционного Суда РФ в сфере субсидиарной ответственности контролирующих лиц, диссертантом отмечалось, что «представленное демонстрирует многократное повышение внимания к данному институту... статистика позволяет подчеркнуть тот факт, что в течение длительного периода времени институт

субсидиарной ответственности не являлся реальным способом восстановления нарушенных прав» [273, с. 37].

Анализ рассматриваемой статьи также позволяет сделать вывод о том, что бремя доказывания даже в рамках одной нормы сконструировано диаметрально противоположно по сравнению с Законом о банкротстве. Ввиду отсутствия специальных положений и исходя из процессуального законодательства, по общему правилу, бремя доказывания возложено на истца. Так, законодатель в рамках п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО не упоминает о вине контролирующего лица, указывая лишь на недобросовестные или неразумные действия (бездействие). Отсюда вызывает вопросы справедливость действующего регулирования, предусматривающего презюмирование вины контролирующего лица в случае рассмотрения дела о банкротстве и необходимости заявителя доказать недобросовестность или неразумность действий (бездействия) контролирующего лица, а также их взаимосвязь с неисполнением обязательств хозяйствующего субъекта.

Судебная практика демонстрирует отсутствие единого подхода к применению механизма п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Основными причинами отказа в удовлетворении требований о привлечении к субсидиарной ответственности выступали следующие аспекты: 1) отсутствие ведения хозяйственной деятельности не свидетельствует о недобросовестности или неразумности действий; 2) отсутствие конфликта интересов контролирующего лица и общества; 3) истец не представил в налоговый орган возражения на исключение из ЕГРЮЛ общества [81]; 4) истцом не доказано, что контролирующее лицо принимало решения без учета известной ему информации [152]; 5) в рамках рассмотрения спора не представлено подтверждения намеренного уклонения общества от исполнения обязательства, а также вывод активов [107]; 6) истцом не представлены доказательства, свидетельствующие об умысле или грубой неосторожности контролирующего лица, которые повлекли за собой неисполнение

обязательства; 7) в деле отсутствуют доказательства наличия у ответчика имущества, за счет которого возможно исполнение требований [148].

Нередки также ситуации обоснования отказа путем упоминания об исключительности института субсидиарной ответственности контролирующих лиц [117]. В результате можно отметить, что одной из значимых причин отказа в удовлетворении рассматриваемых требований является непонимание судами правовой природы субсидиарной ответственности. Большое количество отказных решений демонстрирует нежелание судов обеспечить должный баланс интересов кредиторов и должников. Отсутствие в ст. 3 Закона об ООО, разъяснениях ВС РФ возможности использования правовых презумпций, аналогичных процедурам банкротства, приводит к невозможности эффективного восстановления нарушенных прав кредиторов. Более того, оценка действий самого кредитора по предотвращению исключения из ЕГРЮЛ общества или совершения иных действий, направленных на взыскание задолженности, вряд ли может являться удачным подходом, а также основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Указанное подтверждают следующие обстоятельства: 1) не может иметь правового значения оценка любых действий кредиторов, которые напрямую не приводят к удовлетворению его притязаний к должнику (прекращение процедуры исключения из ЕГРЮЛ юридического лица, не обладающего какими-либо активами, а также не осуществляющего предпринимательскую деятельность, не имеет никакой ценности для кредитора); 2) возложение обязанности по использованию неэффективных правовых средств лишь увеличивает возможность недобросовестного или неразумного корпоративного управления, позволяя осуществить вывод денежных средств; 3) затягивание процедуры привлечения к субсидиарной ответственности увеличивает риск утраты необходимых доказательств; 4) повышенные требования к заявителю при наличии очевидных нарушений со стороны контролирующего лица чревато нивелированием

основополагающих гарантий и свобод в сфере предпринимательской деятельности, а также нарушает баланс интересов кредиторов и должников.

Представляется, что возложение обязанности на заявителя доказывать весь состав гражданского правонарушения в рамках привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц лишь в зависимости от факта возбуждения дела о банкротстве влечет неравенство возможностей кредиторов, находящихся в одинаковых ситуациях, и не способствует достижению цели минимизации уклонения от соблюдения предусмотренных процедур ликвидации или банкротства. В пользу данного подхода свидетельствует следующее. Во-первых, Конституционным Судом РФ в Постановлениях от 21.05.2021 № 20-П, от 07.02.2023 № 6-П выработан подход, согласно которому наличие обязанности доказывать весь состав гражданского правонарушения во всех случаях заявителем не обеспечивает баланс интересов сторон соответствующих споров [26]. В случае предъявления соответствующих требований к контролирующему лицу он обязан дать пояснения, в случае отказа – бремя доказывания добросовестности и разумности своего поведения переходит на него. Кроме того, суды обязаны оценивать обстоятельства исключения юридического лица из ЕГРЮЛ.

Во-вторых, ВС РФ под влиянием позиций Конституционного Суда РФ также трансформирует свою практику. Если в 2020 году высшая судебная инстанция указывала на обязанность заявителя доказать причинно-следственную связь между поведением контролирующего лица и неисполнением обязательств перед кредитором, то в 2022 году исходила из необоснованности возлагать обязанность доказывать недобросовестность или неразумность поведения контролирующего лица на заявителя в полном объеме [68], а уже в 2023 отмечала на переход бремени доказывания на контролирующее лицо при наличии убедительной совокупности косвенных доказательств [72]. В результате фактически воплощен подход, применяемый в делах о банкротстве.

В-третьих, высшая судебная инстанция, применяя п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, активно использует положения Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 [75].

В-четвертых, субсидиарная ответственность контролирующих лиц выполняет единую функцию, выражающуюся в защите нарушенных прав кредиторов общества путем восстановления их имущественного положения. Не вызывает сомнений, что характер и содержание презумпций, используемых в правоотношениях, осложненных банкротством, и иных правоотношениях должны быть различными, но функциональное назначение, практическая пригодность рассматриваемого инструмента должна быть едина.

Кроме того, иной подход фактически ставит в неравное положение кредиторов, а также не соответствует конституционным принципам. Подчеркнем, что в отношении иных организационно-правовых форм субсидиарная ответственность в случае исключения из ЕГРЮЛ не предусматривается. По мнению Н.В. Филипенко, подобное регулирование обусловлено тем, что иные организации «из-за своей малочисленности законодателем учтены не были» [302]. Соглашаясь с таким утверждением, отметим необходимость системного подхода к закреплению субсидиарной ответственности контролирующих лиц во всех случаях исключения юридического лица из ЕГРЮЛ в административном порядке. Как показывает опыт, применение общих положений ст. 15, 1064 ГК РФ не является надлежащим инструментом, позволяющим кредиторам и судам устанавливать состав гражданского правонарушения.

В случае привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО размер притязаний кредиторов определяется объемом неисполненных обязательств. При этом отсутствуют какие-либо разъяснения в части осведомленности о финансовом положении должника, также не выделяются критерии аффилированности в целях установления размера ответственности.

Несмотря на значимые отличия, общая модель размера субсидиарной ответственности находится в причинно-следственной связи с гражданским

правонарушением. В этой связи заслуживает интерес Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П, в рамках которого была признана конституционной практика привлечения к деликтной ответственности контролирующих лиц, осужденных за совершение налоговых преступлений в размере неуплаченных организацией налогов и пеней [22]. Конституционным Судом РФ также было подчеркнуто, что налоговые штрафы, наложенные на юридическое лицо, не могут быть взысканы с физического лица. Судом была отдельно отмечена возможность учета имущественного положения причинителя вреда в целях исключения возложения на него непомерных и неисполнимых обязательств.

Примечательно, что в отношении субсидиарной ответственности контролирующих лиц, выступающей предметом настоящего исследования, последнее положение отсутствует. Как подчеркивает И.М. Шевченко, «если институт субсидиарной ответственности... не решает всех политико-правовых задач, в частности не позволяет взыскать вред, причиненный преступлением публично-правовому образованию, то это повод дорабатывать нормы о субсидиарной ответственности...» [311]. В пользу данного подхода свидетельствует применение ст. 1064 ГК РФ, регулирующей основания ответственности за причинение вреда, к институту субсидиарной ответственности контролирующих лиц, о чем свидетельствует Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 (п. 6, 14, 15, 22), а также схожесть в правоотношениях, возникающих при применении данных институтов.

Вместе с тем возникают вопросы, связанные с критериями установления статуса фактически недействующей организации, судебная практика по которым значительно разнится [235]. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц, преимущественно используемая в рамках банкротства, по своей правовой природе достаточно близка к рассмотренному Конституционным Судом РФ институту, что порождает возникновение сразу нескольких вопросов. Во-первых, возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в ситуации, когда

организация является фактически недействующей. Во-вторых, определение размера субсидиарной ответственности, а также учет возможности реального исполнения таких обязательств контролирующим лицом. Не вдаваясь в подробности рассмотрения первого вопроса отметим, что наличие у налогового органа дополнительного инструмента судебной защиты своих прав вряд ли может рассматриваться как соответствующее принципам равенства и справедливости, так как налоговый орган, не прекращая правосубъектности юридического лица, а также, не прибегая к процедуре банкротства, может использовать конструкцию «проникающей ответственности». Вопрос о размере ответственности контролирующего лица является еще более сложным, требующим использования доктринальных подходов.

Несколько отличной с точки зрения размера ответственности контролирующих лиц является субсидиарная ответственность, применяемая в случае исключения из ЕГРЮЛ общества в административном порядке. В частности, она равна обязательствам такого общества (ст. 3 Закона об ООО). Примечательно, что практика прекращения правоспособности юридического лица путем исключения его из реестра с неисполненными обязательствами нередко признается незаконной ввиду возможности у регистрирующего органа самостоятельно проверить по общедоступным источникам информацию о неисполненных обязательствах [153], а также трактовке данной ситуации как способа уклонения от исполнения принятых обязательств [65]. Последний аспект несколько противоречит активному изменению тенденции по расширению возможностей кредиторов в рамках возложения субсидиарной ответственности на контролирующих лиц.

Размер ответственности контролирующего лица при административной ликвидации должника напрямую зависит от размера обязательств перед конкретным кредитором, который обращается в суд с соответствующим заявлением, то есть общий размер непогашенной задолженности или момент возникновения обязательств не имеет правового значения. Вместе с тем учитывая применение при рассмотрении обоснованности заявления по

п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, в рамках которого толкуются нормы о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по Закону о банкротстве, рассматриваемые случаи наступления ответственности концептуально схожи.

Заслуживает внимание позиция С.И. Соболева, предлагающего рассмотрение иска о привлечении к субсидиарной ответственности по правилам о группе лиц [294]. В качестве причин им указывается на то, что в деле о банкротстве все кредиторы обладают возможностью предъявить требования для включения в реестр и соответственно претендовать на исполнение своих притязаний за счет контролирующего лица, а также необходимостью оценки действий такого субъекта применительно ко всей организации хозяйственной деятельности. Ключевым аспектом, требующим детального обоснования, является определение перечня субъектов, обладающих правом на присоединение к требованию о привлечении к субсидиарной ответственности. Предлагаемая С.И. Соболевым модель наделения правом лишь тех кредиторов, требования которых подтверждены до ликвидации должника [294], влечет возникновение вопроса о возможности обращения с подобным иском для других субъектов. Более того, учитывая сроки направления возражений на исключение из реестра (3 месяца), а также отсутствие подобного положения о подтверждении требования в Законе об ООО, вряд ли подобная модель является справедливой для всех кредиторов. В любом случае, даже при отсутствии изначального подтверждения требования в судебном порядке в процессе рассмотрения спора о возложении субсидиарной ответственности суд обязан оценить их обоснованность.

В качестве доводов, опровергающих обоснованность позиции С.И. Соболева по данному вопросу, можно отметить, что согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П удовлетворение требований кредитора в судебном порядке может являться лишь еще одним элементом, свидетельствующим о нарушении контролирующим лицом законодательства. Указанная позиция также

воспринята судебной практикой. Так, Арбитражный суд Московского округа отмечал следующее: «долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен одинаковому правовому режиму, и в том случае, когда иск удовлетворен судом, и в том случае, когда имеется долг, который не был предметом судебного рассмотрения» [141].

Представленное свидетельствует о необоснованности закрепления подхода, предполагающего учет лишь только тех требований, которые подтверждены в судебном порядке до ликвидации должника. Безусловно, текущее регулирование приводит к вероятности создания преимущества для того кредитора, который первым получит исполнительный лист, что может быть обусловлено не только ранним обращением в суд с подобным заявлением, но и иными факторами (например, загруженность судов, усмотрением судьи по вопросу исследования необходимых доказательств).

Отсутствие правового регулирования, направленного на применение правил группового производства в рассматриваемом вопросе, снижает вероятность использования процедур банкротства, так как правоприменителем активно разрабатывается концепция единых правил бремени доказывания, применяемых в Законе о банкротстве и Законе об ООО. При этом в случае банкротства у заявителя могут возникнуть дополнительные издержки, связанные с проведением процедур банкротства, а также пропорциональным распределением взысканных с контролирующего лица денежных средств в пользу всех кредиторов. Представляется, что рассмотренные факторы могут привести к злоупотреблениям со стороны кредиторов, намеренно отказывающихся от возбуждения дела о банкротстве. На наш взгляд, целесообразно использовать механизм, закрепленный в ст. 61.19 Закона о банкротстве, предполагающий соблюдение целого ряда требований при рассмотрении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве.

В пользу такого подхода свидетельствует вероятность принятия различных судебных актов в рамках оценки одних и тех же действий

(бездействия) контролирующего лица. Более того, большой объем информации о деятельности должника в силу тех или иных причин (длительное сотрудничество, доверительные отношения между органами управления и так далее) у определенного кредитора может обеспечивать увеличение вероятности удовлетворения его требований. При этом отсутствие таких документов у других кредиторов будет являться причиной отказа в заявленных требованиях. Более того, практика применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО существенно меняется даже в короткий промежуток времени.

Только после принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П суды стали более благосклонно относиться к возможности удовлетворения заявленных требований, исключая возложение необоснованного бремени доказывания на кредиторов в полном объеме.

Учитывая, что размер субсидиарной ответственности контролирующего лица в рассматриваемом случае равен притязаниям конкретного кредитора, который обращается за судебной защитой своих прав, неприменение процедур банкротства оказывается выгодным для должника, так как он обязан будет исполнить лишь часть обязательств. Учитывая подсудность таких споров в ряде случаев судам общей юрисдикции (в отношении физических лиц) кредитору даже найти информацию о рассматриваемом споре будет достаточно проблематично из-за отсутствия единой картотеки дел, которая давно внедрена в деятельность арбитражных судов.

Одной из немаловажных проблем является правовая судьба имущества корпорации, исключенной из ЕГРЮЛ. Прежде всего, речь идет о возможности удовлетворения требований кредиторов непосредственно путем обращения взыскания на такое имущество без использования механизма субсидиарной ответственности контролирующих лиц. В научной литературе нет однозначной позиции по вопросу распределения имущества в таком случае. С одной стороны, отмечается сохранение у юридического лица частичной правосубъектности, проявляющейся в сохранении права собственности [211, с. 29]. С другой, указывается на право участника, исключенного из ЕГРЮЛ

лица, обратиться в суд с целью осуществления процедуры распределения [246, с. 34]. В качестве решения данной проблемы предлагается внедрение механизма автоматического перехода права собственности на обнаруженное имущество ликвидированного лица к участникам корпорации [250]. Последний подход основан на практике ВС РФ, указывающего на необоснованность подхода, нивелирующего возможность регистрации права собственности при наличии задолженности [44]. Критически оценивая последнее предложение, отметим, что такой порядок приведет к вопросу о возможности обращения к институту субсидиарной ответственности контролирующих лиц даже в тех ситуациях, когда имущества юридического лица объективно достаточно для погашения требований кредитора.

Представляется, что переход права собственности возможен исключительно после истечения срока исковой давности, так как субсидиарная ответственность контролирующих лиц при обнаружении имущества не должна применяться. Безусловно, существующая редакция п. 5.2 ст. 64 ГК РФ заслуженно критикуется исследователями в силу того, что в ней используются достаточно спорные инструменты (распределение имущества, содержание категории «лиц, имеющих право», достаточность средств для процедуры распределения имущества [170]). В этой связи одним из направлений совершенствования правового регулирования данного вопроса может стать закрепление подхода по распределению обнаруженного имущества в пользу участников лишь после истечения срока на привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Иной подход может привести к возложению на контролирующее лицо тех обязательств, которые фактически могут быть исполнены за счет имущества должника, что не соответствует принципу имущественного отделения юридического лица.

Еще одним вопросом, возникающим при определении размера субсидиарной ответственности контролирующего лица по данному основанию, является возможность применения ст. 333 ГК РФ (уменьшения размера неустойки), а также ст. 1083 ГК РФ, предусматривающей учет степени

вины не только причинителя вреда, но и самого потерпевшего. С одной стороны, возложение обязанности по уплате процентов в несколько раз превышающих сумму основного долга не является соразмерным допущенным таким лицом нарушениям. С другой, указанный момент прямо не регламентируется, так как законодатель предусматривает возможность возложить на контролирующее лицо обязанность по уплате всех обязательств общества. Представляется, что суд не лишен возможности уменьшить размер таких обязательств. Полагаем, что отсутствие отдельного регулирования приводит к отсутствию правовой определенности и не может рассматриваться как соответствующее последствиям нарушения обязательств.

При этом возникает вопрос как применять стандарты, разработанные в рамках использования норм Закона о банкротстве, в случае применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. В частности, речь идет о ситуации, когда поведение таких лиц привело к возникновению обязательств, которые не могут рассматриваться как способные повлечь банкротство юридического лица.

По мнению диссертанта, выработанные позиции должны применяться в том объеме, который можно допустить исходя из характера и содержания сложившихся правоотношений. В частности, такие активно используемые конструкции как «существенность влияния контролирующего лица», «утрата возможности исполнения обязательств должником», «существенная убыточность сделок» и другие оценочные критерии должны применяться аналогичным образом и во всех других случаях привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Критически можно оценить и сам порядок внедрения в действующее законодательство п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Так, до его появления к заявлениям о привлечении контролирующих лиц применялись правила ст. 10, 15 гл. 59 ГК РФ, посвященные убыткам и деликтной ответственности, которые суды в совокупности оценивали аналогично введенному в 2017 году механизму [143]. Судами также отмечалось, что долг, который возник из субсидиарной ответственности,

имеет аналогичный правовой режим как долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота [114].

С одной стороны, указывалось на возможность применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к ранее возникшим отношениям ввиду того, что данное положение является лишь нормативным закреплением ранее выработанных подходов и не ухудшает положения контролирующих лиц [150]. Фактически суды применяли подход, активно используемый в случае привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве. С другой, Арбитражный суд Московского округа в деле № А41-50757/2021 указал, что в вышеуказанной норме предусмотрены новые основания привлечения лица к субсидиарной ответственности, ранее не известные российскому правопорядку [132]. Представляется, что данные позиции друг другу противоречат и фактически не позволяют кредиторам однозначно оценить перспективы предъявления своих требований к контролирующим лицам. Разное восприятие одной нормы обусловлено отсутствием комплексных разъяснений п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО на уровне высших судебных инстанций (за исключением Конституционного Суда РФ). В рамках ныне действующих положений Закона о банкротстве практика исходит из возможности применения подходов к толкованию положений действовавшей до 2017 года ст. 10 Закона о банкротстве к актуальной редакции ст. 61.11 Закона о банкротстве. В отношении субсидиарной ответственности контролирующих лиц, основывающейся на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, подобные разъяснения отсутствуют. Полагаем целесообразным дополнение Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 отдельным разделом, посвященным субсидиарной ответственности контролирующих лиц в иных правоотношениях, не обусловленных банкротством юридического лица.

Таким образом, «внебанкротная» субсидиарная ответственность контролирующих лиц в механизме правового регулирования должным образом не только не взаимосвязана с правоотношениями в сфере банкротства,

но и внутренне лишь точно регламентирована. Как уже отмечалось, п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, устанавливая субсидиарную ответственность при определении перечня привлекаемых субъектов, отсылает к ст. 53.1 ГК РФ, то есть фактически речь идет о контролирующих лицах. При этом в отличие от подхода, функционирующего в рамках банкротства, Закон об ООО не предусматривает соответствующих презумпций, предполагая обязанность заявителя доказать, что недобросовестность или неразумность контролирующего лица привела к неисполнению обязательств общества. Представляется, что сближение подходов к регулированию института субсидиарной ответственности, применяемых в случае наличия/отсутствия банкротства должника, нуждается не только в закреплении на уровне правоприменительной практики, но и в доктринальном осмыслении, которое может использоваться как основа для изменения законодательства.

Кроме того, отсутствие регламентированного применения правил группового производства при субсидиарной ответственности в случае исключения юридического лица из ЕГРЮЛ в административном порядке, снижает вероятность использования процедур банкротства, создавая необоснованные риски для участников гражданского оборота.

В результате субсидиарная ответственность контролирующих лиц нуждается в определенной корректировке, направленной на обеспечение баланса всех участников правоотношений в рамках рассматриваемого вида гражданско-правовой ответственности. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц, являясь инструментом ограничения применения основополагающего принципа гражданского оборота, должна основываться на единых началах и положениях. Прежде всего, указанное относится к нормативному регулированию, закрепляющему права и обязанности рассматриваемых лиц, а также как к оценке возможности кредитора доказать факт недобросовестного или неразумного поведения контролирующих лиц, так и с точки зрения правового положения контролирующего лица, который

должен всегда обладать возможностью раскрыть содержание управления юридическим лицом в целях достижения принципа справедливости.

В целях обеспечения сбалансированного подхода к исследованной в настоящем параграфе и предыдущей главе субсидиарной ответственности контролирующих лиц, по мнению диссертанта, должны использоваться единые критерии оценки действий (бездействия) контролирующих лиц. Так, сформулированные в законодательстве и судебной практике конструкции (существенность вреда, утрата возможности исполнения обязательства, анализ убыточности сделок) должны применяться во всех случаях обращения к рассматриваемому институту. Учитывая, что большинство действующих разъяснений посвящены Закону о банкротстве целесообразно дополнение Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 отдельным разделом, посвященным субсидиарной ответственности контролирующих лиц в иных правоотношениях, не обусловленных банкротством юридического лица.

3.2 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц корпоративных организаций

Отечественному законодательству и доктрине известно разделение юридических лиц на корпоративные и унитарные. В основу указанной классификации заложен критерий права участия (членства) и формирования высшего органа в виде общего собрания участников (ст. 65.1 ГК РФ). Исследователями нередко отмечается противоречивость такого подхода [169], но для целей исследования субсидиарной ответственности контролирующих лиц не в отношениях несостоятельности (банкротстве) является подходящим.

Субсидиарная ответственность при регулировании корпоративных организаций (вне рамок дела о банкротстве) применяется в отношении: участников полного товарищества (ст. 75 ГК РФ), бывших товарищей (ст. 68 ГК РФ), полных товарищей товарищества на вере (ст. 82 ГК РФ), членов крестьянского (фермерского) хозяйства, созданного в качестве юридического

лица (ст. 86.1 ГК РФ), членов производственного кооператива (ст. 106.1 ГК РФ), членов ассоциации (союза) (ст. 123.8 ГК РФ).

Вместе с тем возникают вопросы как о возможности признания таких субъектов контролирующими лицами, так и об условиях возложения на них субсидиарной ответственности. Кроме того, допускается признание вышеперечисленных лиц банкротами (они не упоминаются в ст. 65 ГК РФ, содержащей перечень юридических лиц, которые не могут быть признаны банкротами). Следовательно, законодателем допускается возможность использования в отношении контролирующих лиц таких организационно-правовых форм различных моделей субсидиарной ответственности. Указанное является оправданным с точки зрения следующего обстоятельства: при банкротстве перечень контролирующих лиц определяется судом на основании предусмотренных законодательства критериев, а вне рамок банкротства – исключительно законом.

В целях ответа на поставленные вопросы целесообразно последовательно рассмотреть специфику субсидиарной ответственности в рамках каждой из вышеобозначенных форм юридических лиц.

Соответственно полные товарищества солидарно несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам полного товарищества (п. 1 ст. 75 ГК РФ) и товарищества на вере (п. 2 ст. 82 ГК РФ). По мнению О.В. Гутникова, такая модель обусловлена целями повышения доверия к юридическому лицу, а также следующим обстоятельством: «законодатель не устанавливает для товариществ никаких требований к размеру складочного капитала» [221]. Несмотря на то, что полные товарищи не поименованы законодательством в рамках исследуемых статей в качестве контролирующих лиц, анализ правового статуса полных товарищей позволяет утверждать о наличии у них такого статуса. В пользу данного положения свидетельствует и обосновываемая в научной литературе модель «лично-доверительных отношений», существующих между комплементариями (полными

товарищами) [178]. Более того, участники полного товарищества фактически выступают законными представителями полного товарищества (ст. 72 ГК РФ).

Обоснованность признания их в качестве контролирующих лиц также объясняется механизмом совершения сделок при совместном ведении дел товарищества. В частности, для ее совершения в таком случае требуется согласие всех участников товарищества. Вместе с тем даже в иных моделях ведения дел товариществом (например, товарищами – распорядителями) все полные товарищи являются контролируемыми лицами, обладая правами и обязанностями участников корпорации (ст. 65.2 ГК РФ).

В отличие от полных товариществ, в товариществах на вере управление юридическим лицом осуществляют не все участники, а исключительно полные товарищи (п. 1 ст. 82 ГК РФ). Отсутствие статуса контролирующих лиц у коммандитистов (участников – вкладчиков) объясняется существенными ограничениями прав и обязанностей на стороне таких субъектов (ст. 85 ГК РФ). Ограниченный субъектный состав участников товариществ (ими могут выступать индивидуальные предприниматели и коммерческие организации) может являться дополнительным аргументом повышенной ответственности таких лиц и признания их в качестве контролирующих лиц ввиду их «профессионального» участия в гражданском обороте.

Следующей корпоративной организацией, в рамках которой законодателем предусматривается субсидиарная ответственность, является крестьянское фермерское хозяйство (далее – КФХ). Как следует из п. 4 ст. 86.1 ГК РФ члены КФХ, созданного в качестве юридического лица, несут по его обязательствам субсидиарную ответственность. Нормативное регулирование КФХ достаточно скудное (отсутствует ясность в порядке формирования имущества КФХ, его минимальном размере). Специальные акты, посвященные КФХ, созданными в качестве юридических лиц, фактически отсутствуют.

Полагаем, что возможность установления у членов КФХ статуса контролирующих лиц достаточно условна, так как осуществление управления юридическим лицом фактически сосредоточено в полномочиях главы фермерского хозяйства. Именно глава фермерского хозяйства осуществляет распоряжение имуществом КФХ. Требованием к такому управлению является его соответствие интересам КФХ. Неслучайно законодатель отдельной нормой обязывает главу КФХ действовать добросовестно и разумно в интересах такого юридического лица. Рассматриваемая модель является аналогичной п. 3 ст. 53 ГК РФ, адресованной органам всех видов юридических лиц. Проанализированные диссертантом правоприменительные акты (в случае банкротства или без такового) также не обнаруживают возможность признания в качестве контролирующих лиц членов КФХ лишь на основании такого членства.

В научной литературе (Е.Н. Агибалова [196], Е.В. Ельникова [230]) обоснованно ставится под сомнение субсидиарная ответственность всех членов фермерского хозяйства по его обязательствам КФХ. В качестве основных аргументов приводится отсутствие ограничения субъектного состава исключительно индивидуальными предпринимателями и коммерческими организациями (как в случае с товариществами), а также избыточная обременительность такой модели. Вместе с тем предлагаемое исследователями полное исключение субсидиарной ответственности членов КФХ достаточно спорно в силу отсутствия ясности в механизме формирования имущества КФХ, обеспечивающего обязательства перед кредиторами. Не вызывает сомнения обоснованность позиции Г.Ф. Ручкиной и Н.А. Матвеевой, указывающих, что «отказ от субсидиарной ответственности участников юридических лиц сельскохозяйственных товаропроизводителей станет одним из стимулов для увеличения численности соответствующих организаций» [290]. По мнению диссертанта, более подходящим вариантом (в случае наличия неясностей в вопросе формирования имущества КФХ) является изменение круга потенциальных ответчиков путем указания не на

всех членов КФХ, а лишь на таких, которые являются контролирующими лицами КФХ. В качестве основных аргументов такого подхода выделим:

- 1) наличие специально сформированного имущества КФХ (п. 2 ст. 86.1 ГК РФ); 2) возможность осуществления управления таким юридическим лицом лишь главой КФХ и (или) некоторыми его членами; 3) отсутствие во всех корпорациях, предполагающих членство физических лиц, такого подхода к распределению ответственности.

Предложенный подход соотносим и с практикой применения института субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках банкротства КФХ. Например, в деле № А09-10308/2018 к субсидиарной ответственности в качестве контролирующих лиц были привлечены глава крестьянского (фермерского) хозяйства и ее супруг ввиду того, что фактически всю хозяйственную деятельность осуществлял последний на основании нотариальной доверенности, а также установленного факта вывода денежных средств [149]. В другом деле, основанием для привлечения главы являлось неисполнение обязанности по передаче арбитражному управляющему документации, а также принятие новых обязательств при отсутствии возможности погашения ранее принятых [118]. Схожим образом в ситуации отсутствия обоснований и доказательств принятия мер по погашению образовавшейся задолженности суды привлекают к субсидиарной ответственности главу крестьянского (фермерского) хозяйства [110]. Отметим, что в судебной практике не устанавливаются особенности такой формы юридических лиц применительно к исследуемому институту.

Представленный подход, по нашему мнению, неоднозначный, так как в рамках осуществления деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства нередки ситуации смешения имущественной массы, что влечет необходимость выявления возможности сепарации имущества [124]. Личные обязательства гражданина не могут быть основанием для удовлетворения требования о привлечении к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего лица крестьянского (фермерского) хозяйства.

Переходя к рассмотрению субсидиарной ответственности членов производственного кооператива, необходимо отметить, что в отличие от выше рассмотренных случаев, законодатель прямо указывает на определение размера и порядка в специальном законе, а также уставе кооператива (п. 2 ст. 106.1 ГК РФ). Указанному положению корреспондирует требование о необходимости закрепления в уставе такой организации размера и условия наступления субсидиарной ответственности (п. 2 ст. 106.2 ГК РФ).

В отличие от вышеперечисленных организационно-правовых форм для производственных кооперативов устанавливается порядок формирования паевого фонда кооператива, который гарантирует интересы кредиторов (ст. 10 Федерального закона от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах»). Несмотря на это наличие субсидиарной ответственности в таком случае объясняется возможностью осуществления деятельности даже в ситуации отсутствия полностью сформированного паевого фонда (в течение года после регистрации кооператива достаточно внесения 10% паевого взноса). Совокупный объем прав и обязанностей члена кооператива позволяет утверждать о наличии у членов кооператива статуса контролирующего лица, так как в отношении каждого члена предусматривается обязанность участия в деятельности кооператива. Несмотря на наличие статуса контролирующего лица субсидиарная ответственность таких субъектов фактически может быть декларативной в силу возможности ее ограничения уставом.

Единственно нормативно установленное требование касается сельскохозяйственной кооперации, в рамках которой размер ответственности не может быть менее 5% пая члена кооператива. Закрепление в качестве основного документа, определяющего субсидиарную ответственность членов кооператива, устава вряд ли может быть признано как обеспечивающее защиту интересов кредиторов в полном объеме.

В потребительских кооперативах субсидиарная ответственность членов возникает лишь в случае невнесения части дополнительного взноса каждого из членов кооператива, внесение которого обуславливается образовавшимися

убытками (ст. 123.3 ГК РФ). Ответственность членов потребительского кооператива в таком случае является солидарной.

Схожим с субсидиарной ответственностью членов производственных кооперативов законодателем устанавливается механизм привлечения к такого рода ответственности членов ассоциаций (союзов). Гражданское законодательство в основных положениях об ассоциации (союзе) закрепляет возможность возложения субсидиарной ответственности на членов ассоциации (союза) в случае, если это предусматривается законом или уставом (п. 3 ст. 123.8 ГК РФ). Дополняя указанную норму, законодательство о некоммерческих организациях устанавливает субсидиарную ответственность членов ассоциации (союза), в то время как ее размер и порядок определяются учредительными документами. Члены ассоциации обладают общими правами и обязанностями участников корпорации (ст. 65.2 ГК РФ), каких-либо специальных правил ГК РФ при регулировании их статуса не содержит.

Полагаем, что в таком случае утверждать о наличии статуса контролирующего лица каждого члена ассоциации (союза) чрезмерно. Вместе с тем учитывая возможность самостоятельного установления порядка, размера субсидиарной ответственности членами ассоциации (союза), регулирование, заложенное в ГК РФ, является оправданным.

Таким образом, сформулированные в ГК РФ положения о субсидиарной ответственности применительно к корпоративным организациям не позволяют в каждом случае установить у привлекаемых к ответственности субъектов наличие статуса контролирующих лиц. По мнению диссертанта, несмотря на отсутствие упоминания в ГК РФ понятия «контролирующее лицо» применительно к участникам корпоративных организаций, некоторые из них (например, полные товарищи, отдельные члены КФХ, члены производственного кооператива) могут признаваться контролирующими лицами. Возможность применения субсидиарной ответственности в таком случае сводится к «обеспечению» исполнения принятых обязательств юридического лица. В этой связи субсидиарная ответственность

поименованных в ГК РФ «контролирующих лиц» существенно отличается от субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках положений Закона о банкротстве и Закона об ООО (для применения последней требуется совершение гражданского правонарушения контролирующим лицом).

В таком случае конструкция субсидиарной ответственности контролирующих лиц в отношении участников юридических лиц может использоваться не в рамках отношений несостоятельности, а для целей привлечения иных лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, когда не требуется возбуждение дела о банкротстве. Возникает вопрос о возможности привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности без установления в установленном порядке факта недостаточности имущества самой организации.

Несмотря на отсутствие упоминания такого условия непосредственно в положениях ГК РФ, посвященных субсидиарной ответственности контролирующих лиц корпоративной организации, представляется возможным использование исследуемой конструкции только при условии исчерпания возможности взыскания денежных средств с самого должника, так как иной подход подрывает принцип обособления, рассмотренный в предыдущих главах настоящей работы. С процессуальной точки зрения допустимым представляется одновременное предъявление кредитором требований как к основному должнику, так и к субсидиарному при условии, что последний отвечает лишь при недостаточности имущества первого.

По мнению диссертанта, статус контролирующего лица для целей «обеспечительной» субсидиарной ответственности не определяется путем установления фактической роли такого лица в хозяйственной деятельности должника, а является прямым указанием закона. В этом и заключается одна из главных особенностей большинства видов субсидиарной ответственности контролирующих лиц вне рамок отношений несостоятельности (банкротства), так как для последних требуется доказывание как наличие статуса

контролирующего лица, так и оснований для привлечения к субсидиарной ответственности (упрощаемое путем введения опровержимых презумпций).

Наступление субсидиарной ответственности контролирующих лиц корпоративной организации является результатом сознательно принимаемой на себя ответственности, которая может наступить в результате деятельности подконтрольного лица в гражданском обороте. В этой связи законодатель не предусматривает дополнительных требований, критериев признания участника корпоративной организации контролирующим лицом. Возможность безвиновного привлечения к субсидиарной ответственности участников исследованных корпоративных организаций свидетельствует об использовании модели субсидиарной ответственности в тех случаях, когда отсутствуют иные механизмы обеспечения интересов кредиторов.

Такой подход может быть признан обоснованным исключительно в случае, когда такие механизмы в отношении других организационно-правовых форм юридических лиц являются эффективными. Так, гарантирующая функция уставного капитала большинства хозяйственных обществ очевидно не достигается, о чем свидетельствует активное распространение института субсидиарной ответственности контролирующих лиц в отношениях несостоятельности (банкротства). В таком случае повышенные законодательные требования о субсидиарной ответственности контролирующих лиц корпоративной организации в предусмотренных ГК РФ случаях вряд ли отвечают требованиям последовательного, непротиворечивого правового регулирования, так как даже в случаях, когда законодательно установленные требования (к уставному капиталу, размеру имущества) не позволяют удовлетворить правомерные притязания кредиторов, последние вынуждены обращаться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

По мнению диссертанта, в преобладающем большинстве случаев субсидиарная ответственность контролирующих лиц корпоративной организации должна применяться в рамках банкротства юридического лица.

Указанное обусловлено как защитой прав кредиторов (процедура пропорционального распределения полученных денежных средств между кредиторами), так и наличием общего принципа отделения, предполагающего отдельную ответственность юридического лица и его участников перед кредиторами (п. 2 ст. 56 ГК РФ). Корпоративная природа рассмотренных организаций, предполагая множественность состава участников (учредителей), обладающих в большинстве случаев равными правами по управлению юридическим лицом, позволяет обоснованно сомневаться в необходимости фактического признания «контролирующим лицом» и привлечения к субсидиарной ответственности всех участников корпоративных организаций в закрепленных ГК РФ случаях.

Полагаем целесообразным в ряде случаев отказаться от использования общей модели субсидиарной ответственности всех участников, сосредоточив внимание исключительно на участниках – контролирующих лицах (например, в отношении членов КФХ, ассоциация (союзов). Привлечение только контролирующих лиц взаимосвязано с их непосредственным влиянием на хозяйственную деятельность корпоративной организации, с принятием решений, влияющих на имущественное положение должника.

Несмотря на наличие выявленных недостатков правового регулирования, кредиторы вышеописанных корпоративных организаций обладают возможностью использовать институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц как в рамках отношений несостоятельности (банкротства), так и в иных отношениях (без возбуждения дела о банкротстве). Вместе с тем законодателем устанавливается исключение из режима банкротства такой корпоративной организации как политическая партия. Изъятие из правового режима банкротства политических партий исследователями объясняется особой ролью таких организаций, направленных на обеспечение идеологического и религиозного многообразия [283]. Анализ правового регулирования таких юридических лиц позволяет утверждать об отсутствии специальных положений, посвященных их

ответственности. В этой связи подлежат применению общие нормы ГК РФ, закрепляющие ответственность юридического лица всем принадлежащем ему имуществом (п. 1 ст. 56). Частично согласимся с О.В. Гутниковым, который еще в 2014 году указывал, что субсидиарная ответственность должна распространяться и на вышеуказанные организации в случае, если в процессе ликвидации установлена недостаточность их имущества для погашения требований кредиторов [223].

По мнению диссертанта, возможность привлечения к субсидиарной ответственности лишь в процедуре ликвидации таких юридических лиц создает предпосылки злоупотреблений, намеренному отказу от использования предусмотренных законодательством процедур ликвидации юридического лица. В таком случае недостаточность имущества должника может подтверждаться результатами исполнительного производства, а также отказом должника, контролирующего лица представить документы, подтверждающие наличие соответствующего имущества или денежных средств. В результате отсутствие полноценного института субсидиарной ответственности контролирующих лиц в отношении каждого вида корпоративных организаций необоснованно снижает уровень защищенности прав кредиторов.

3.3 Субсидиарная ответственность контролирующих лиц унитарных организаций

Субсидиарная ответственность в рамках регулирования правового положения унитарных организаций применяется в отношении: собственников имущества казенных предприятий (ст. 113 ГК РФ), собственников имущества казенных, бюджетный, автономных учреждений (ст. 123.22 ГК РФ), частного учреждения (ст. 123.23 ГК РФ).

В целях рассмотрения особенностей субсидиарной ответственности контролирующих лиц целесообразно последовательно рассмотреть подходы законодателя к регулированию ответственности отдельных юридических лиц,

которые не могут быть признаны банкротами. Казенные предприятия выведены из правового режима банкротства, начиная с момента принятия и вступления в силу части первой ГК РФ, что предполагает необходимость наличия иных способов удовлетворения требований кредиторов. Как следует из п. 6 ст. 113 ГК РФ субсидиарная ответственность собственника имущества такой организации возникает в случае недостаточности имущества последней. Правоприменительная практика складывается таким образом, что субсидиарная ответственность в таком случае рассматривается через классическую модель, заложенную п. 1 ст. 399 ГК РФ, в результате чего за кредитором признается право кредитора предъявлять требования одновременно к казенному предприятию и собственнику имущества казенного предприятия [142]. Проблемным аспектом в таком случае является фактически складывающийся иной порядок привлечения к ответственности, так как фактически не устанавливается недостаточность имущества должника. Представляется обоснованным замечание исследователей следующего характера: «одновременное предъявление требований к основному и субсидиарному должникам... нарушает права публичных собственников, которые лишаются права заявить возражения относительно истечения срока исковой давности» [300]. В результате неясным остается последующее исполнение судебного акта.

В дополнение к гражданскому законодательству в законодательстве о государственных и муниципальных унитарных предприятиях указывается, что субсидиарная ответственность Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований по обязательствам рассматриваемых субъектов наступает в случае недостаточности их имущества [11]. Данная модель ответственности существенно отличается от субсидиарной ответственности контролирующих лиц в банкротстве, так как наличие или отсутствие вины собственника имущества не имеет правового значения [190]. Объяснить наличие таких достаточно противоположных подходов к регулированию отдельных видов унитарных предприятий

возможно путем анализа их имущественного положения. Так, казенное предприятие, в отличие от другого вида унитарных предприятий, обладает имуществом на праве оперативного управления. В свою очередь, возможность изъятия имущества закреплена лишь в отношении казенного предприятия. Указанное объясняется наличием специальных норм о субсидиарной ответственности собственника имущества казенного предприятия. Допустимым с точки зрения достижения принципов справедливости и равенства всех форм собственности является либо установление субсидиарной ответственности, либо возможность признания юридического лица банкротом.

Абсолютный иммунитет от притязаний каких-либо кредиторов для контролирующего лица создает необоснованные предпосылки злоупотреблений в процессе участия таких юридических лиц в гражданском обороте. Безусловно, важен также порядок привлечения к такой ответственности, но он не влияет на саму возможность использования соответствующего способа защиты имущественных прав кредиторов.

Полагаем, что закрепление в отношении отдельных юридических лиц субсидиарной ответственности вне зависимости от вины собственника имущества не порождает снижения правовых гарантий для кредиторов иных организационно-правовых форм юридических лиц. В случае отказа государства установить в отношении отдельных юридических лиц (прежде всего, учреждений) специального механизма защиты прав кредиторов должна применяться общая модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц (вне рамок дела о банкротстве). В отношении казенных предприятий выбран первый вариант, что вполне допустимо и позволяет кредиторам справедливо рассчитывать на надлежащее исполнение обязательств самим казенным предприятием или собственником его имущества.

Правовой статус учреждений с точки зрения субсидиарной ответственности менее определен. Схожим образом по сравнению с казенными предприятиями законодателем сконструирована субсидиарная

ответственность собственника имущества казенного учреждения, которая используется в случае недостаточности денежных средств такого учреждения (п. 4 ст. 123.22 ГК РФ). Учреждения, равно как и казенные предприятия, наделены ограниченным вещным правом на имущество – правом оперативного управления (п. 1 ст. 123.21 ГК РФ). Искусственно созданные ограничения ответственности для собственников имущества бюджетных и автономных учреждений значительно снижают уровень защиты прав кредиторов таких юридических лиц. Как следует из п. 5, 6 ст. 123.22 ГК РФ бюджетное учреждение и автономное учреждение отвечают лишь частью своего имущества (не может быть обращено взыскание на особо ценное движимое имущество, а также на недвижимое имущество, исключение из этого положения составляют лишь случаи, когда указанное имущество приобретено автономным учреждением за счет собственных средств).

В свою очередь, критерии отнесения к особо ценному движимому имуществу установлены в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26.07.2010 № 538 [20]. Анализ данного акта свидетельствует о том, что в отношении автономных учреждений муниципального уровня достаточно превышения 50 тысяч рублей для признания имущества особо ценным. Естественно, в такой ситуации обеспечить удовлетворение требований кредиторов в ряде случаев достаточно проблематично. Рассматривая п. 5 ст. 123.22 ГК РФ, Конституционный Суд РФ Постановлением от 12.05.2020 № 23-П признал его не соответствующим Конституции Российской Федерации ввиду исключения ответственности собственника имущества по обязательствам ликвидированного бюджетного учреждения, которые вытекают из публичного договора [23]. Вместе с тем концептуального пересмотра субсидиарной ответственности собственника имущества такого учреждения не произошло (произошедшего в 2024 году внесения изменений в исследуемые нормы явно недостаточно для решения проблемы ответственности перед всеми кредиторами).

Обратимся к основным доводам органа конституционного контроля, которые позволяют исследовать логическую цепочку принятия подобного решения: 1) с момента появления такого вида учреждений объем правовых гарантий сужен. Следовательно, контрагенты должны соблюдать должную степень осмотрительности еще при вступлении в гражданско-правовые отношения; 2) наличие дополнительных механизмов защиты интересов граждан является дополнительной гарантией их прав как более слабой стороны в таких правоотношениях; 3) невозможность контрагентов отказаться от заключения и исполнения публичного договора приводит к отсутствию надлежащего баланса интересов должников и кредиторов, так как публичный собственник своими односторонними действиями может «защитить» имущество от обращения на него взыскания. Судебная практика после вынесения вышеуказанного Постановления свидетельствует об отказе в удовлетворении требований кредиторов о привлечении к субсидиарной ответственности в том случае, когда договор не носит публичного характера [135]. По мнению ВС РФ, нарушение баланса интересов сторон происходит исключительно ввиду обязанности вступить в правоотношения [73]. Субсидиарная ответственность публичного собственника рассматривается как способ поддержания баланса прав и законных интересов сторон [78].

В научной литературе большинство авторов высказывает позицию о том, что вынесенного постановления недостаточно для решения проблемы ответственности бюджетных и автономных решений [320]. Указывается на необходимость распространения ответственности на всех юридических лиц, которые используют имущество, принадлежащее публичному собственнику [224, с. 59-60].

Решение данной проблемы зависит от определения подхода к правовому статусу публично-правовых образований в рамках управления исследуемыми унитарными организациями. Возможность признания их в качестве контролирующих лиц позволит обоснованно расширить применение института субсидиарной ответственности. Примечательно, что в

законодательстве о хозяйственных обществах Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование не признаются контролирующими лицами для целей правоотношений в рамках заинтересованности в совершении обществом сделки (ст. 45 Закона об ООО, ст. 81 Закона об АО). Использование аналогичного подхода в рамках института субсидиарной ответственности контролирующих лиц автору диссертационного исследования представляется необоснованным по нескольким причинам. Во-первых, искусственный характер их имущественной обособленности (указанная позиция отмечается Е.А. Сухановым [297]), в результате чего публично-правовые образования практически бесконтрольно могут определять имущественное положение отдельных юридических лиц. Во-вторых, определение статуса контролирующего лица связано, прежде всего, с защитой прав кредиторов, а не управлением юридическим лицом. В-третьих, характер и содержание взаимоотношений публично-правового образования и исследуемых видов юридических лиц соответствует модели «фактической возможности определения действий». В результате публично-правовое образование должно признаваться контролирующим лицом и привлекаться к субсидиарной ответственности по обязательствам подконтрольного лица.

Полагаем, что также приемлемым вариантом может стать закрепление модели субсидиарной ответственности контролирующих лиц, применяемой при административном исключении юридического лица из ЕГРЮЛ. В таком случае необходимо будет устанавливать причинно-следственную связь между поведением публичного собственника и неисполнением обязательств перед кредитором. Предложенный подход призван решить ключевую проблему – специфику имущественного положения бюджетных и автономных учреждений в виде наличия специального статуса для особо ценного движимого имущества. По мнению диссертанта, законодатель должен учитывать особенности правового статуса бюджетных и автономных учреждений, которые обладают большим объемом прав по сравнению с

казенными учреждениями, в том числе обладают имуществом, денежными средствами, которыми вправе распоряжаться самостоятельно. Следовательно, неисполнение обязательств бюджетным и автономным учреждением может быть обусловлено самостоятельно принятыми решениями таких субъектов.

В таком случае публичный собственник не должен привлекаться к субсидиарной ответственности как контролирующее лицо. Указанное не означает отсутствие необходимости закрепления субсидиарной ответственности иных контролирующих лиц бюджетного и автономного учреждения. Например, руководителя данного учреждения или иного лица, виновного в неисполнении обязательств перед кредиторами. Обеспечение реализации предложенного механизма возможно исключительно путем внесения изменений в отечественное законодательство, так как в силу п. 3 ст. 126 ГК РФ Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, за исключением случаев, установленных законом.

Аналогичная модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц унитарной организации должна предусматриваться и в отношении корпоративных организаций, участником которых выступает одно лицо, так как содержательно управление юридическим лицом в таком случае существенно не отличается от исследуемых организаций.

Описанная в рамках настоящего параграфа субсидиарная ответственность охватывает не все унитарные предприятия, которые в силу ст. 65 ГК РФ не могут быть признаны банкротами (исключения или особый порядок также предусмотрены в отношении религиозных организаций, публично-правовых компаний, государственных корпораций и компаний, общественно полезных фондов). Указанное влечет возникновение вопроса о применении исследуемого института в отношении таких организаций.

Отсутствие возможности признания вышеперечисленных юридических лиц банкротами обуславливает возникновение множества теоретических и практических вопросов, связанных с применимостью исследуемого института.

О.В. Гутников указывает следующее: «в интересах защиты кредиторов нормы о возможности привлечения к субсидиарной ответственности ... должны действовать также и в отношении этих юридических лиц, если при их ликвидации для удовлетворения требований кредиторов недостаточно их имущества» [170, с. 334]. Вместе с тем полноценный механизм защиты имущественных прав кредиторов отсутствует.

Полагаем, что механизм исследуемой ответственности в отношении корпоративных организаций, которые не могут быть признаны банкротами, должен применяться и при рассмотрении споров с должниками-унитарными организациями, которые не могут быть признаны банкротами. Особый статус госкорпораций и публично-правовых компаний не может являться приемлемым аргументом в противовес системе противодействия недобросовестному или неразумному управлению юридическим лицом, в результате чего кредиторы лишаются возможности защитить свои имущественные интересы. Участие таких субъектов в гражданских правоотношениях должно соответствовать любым другим юридическим лицам, позволяя кредитору справедливо рассчитывать на надлежащее исполнение обязательства. В этой связи согласимся с К.И. Кузнецовым, который отмечает, что механизм субсидиарной ответственности контролирующих лиц должен предполагать «возможность привлечения контролирующего лица (или участника предпринимательского объединения) в рамках общегражданского процесса, не погружаясь в процессе банкротства» [163, с. 101]. Вместе с тем подчеркнем, что такой порядок должен оставаться исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

Возможным вариантом исключения необоснованно различного положения кредиторов и контролирующих лиц относительно отдельных организационно-правовых форм видится установление возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц всех юридических лиц при условии, что неисполнение обязательств перед кредиторами вызвано действиями (бездействием) контролирующего лица.

Нивелировать неприменимость института банкротства в отношении отдельных видов юридических лиц (п. 1 ст. 65 ГК РФ) предлагается путем дополнения ст. 56 ГК РФ п. 3, предусматривающим, что контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности при условии, что недостаточность имущества подконтрольного ему лица обусловлена его действиями. Уникальность статуса каждой организационно-правовой формы может учитываться в рамках особенностей правового регулирования каждой организационно-правовой формы юридического лица.

Анализ исследуемого института продемонстрировал отсутствие единой концепции возможности использования данного инструмента восстановления имущественных прав кредиторов. Бессистемность, расплывчатость огромного количества норм приводит к превалирующей роли судейского усмотрения, дискреции судов при оценке хозяйственной деятельности юридического лица.

Подобное положение не приводит к достижению правовой определенности, стабильности и предсказуемости гражданского оборота. Реализация этих целей возможна путем обеспечения высокого уровня доверия между субъектами экономической деятельности.

Заключение

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц, выступая инструментом обеспечения надлежащего использования конструкции юридического лица, ввиду выявленных внутренних противоречий органично не вписывается в российскую правовую систему. Сконцентрированное внимание законодателя и правоприменителя вопросам применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках Закона о банкротстве не обеспечивает достижение заложенных Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 года положений, направленных на эффективное и единообразное применение гражданского права. Неполноценность механизма защиты прав кредиторов, которая заключается в избирательном подходе законодателя к закреплению субсидиарной ответственности контролирующих лиц, и отсутствие методологического единства в достижении баланса интересов сторон гражданских правоотношений обуславливают выработку теоретических и практических рекомендаций, позволяющих решить поставленные в исследовании задачи.

Смещение различных видов субсидиарной ответственности и наличие в Гражданском кодексе Российской Федерации лишь одной статьи, регулирующей рассмотренный институт, препятствует правовой определенности положения участников гражданского оборота.

Несмотря на то, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц выступает исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, превалирующее ее использование как одного из основных видов гражданско-правовой ответственности влечет риск утраты главенствующей ценности большинства юридических лиц – имущественной обособленности.

Выявленную и обоснованную фрагментарность правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц

предлагается преодолеть путем внедрения сформулированных в диссертационном исследовании предложений.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц, являясь по своей правовой природе одним из видов гражданско-правовой ответственности, в большинстве случаев должна применяться к ограниченному кругу лиц и только в случае противоправного использования конструкции юридического лица.

Вместе с тем использование различных понятий «контролирующего лица», его содержательного наполнения в зависимости от применимости норм Закона о банкротстве, а также отсутствие доктринального толкования влечет непоследовательность правоприменительной практики и препятствует развитию науки гражданского права. Предложенные критерии относимости субъекта к контролирующим лицам позволяют обоснованно расширить гарантии кредиторов, а также исключить необоснованное применение субсидиарной ответственности.

Теоретическое обоснование самостоятельной правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих лиц позволяет устанавливать единые в большинстве случаев правила ее применения, исключать смешение с другими видами гражданско-правовой ответственности.

Предложенная диссертантом модель субсидиарной ответственности контролирующих лиц направлена на установление возможности применения данного института во всех случаях, когда невозможность исполнения обязательств юридического лица вызвана недобросовестными или неразумными действиями (бездействием) контролирующих лиц. Существующая противоречивость заключается в отсутствии общих положений, регулирующих данный вид субсидиарной ответственности контролирующих лиц в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В целях решения проблемы целесообразно дополнение положений Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященных статьям об

ответственности юридического лица, нормой о возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица при одновременной невозможности получить надлежащее исполнение от самого должника и доказанной взаимосвязи с действиями (бездействием) контролирующего лица, а также распространение на всех юридических лиц возможности применения института субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Предложенные в исследовании изменения к распределению бремени доказывания, применению опровержимых презумпций, определению размера субсидиарной ответственности контролирующих лиц позволят обеспечить надлежащий порядок использования рассматриваемого вида гражданско-правовой ответственности.

В результате сформулированные теоретические выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования института субсидиарной ответственности контролирующих лиц позволяют обеспечить достижение баланса интересов кредиторов, должников и контролирующих лиц.

Надлежащее воплощение предложенных изменений безусловно необходимо соотносить с иными механизмами, направленными на стабильность гражданско-правового регулирования, справедливое распределение ответственности между всеми участниками гражданского оборота.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : по состоянию на 01 июля 2020 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 16 июля 1998 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 31. – 03.08.1998. – Ст. 3824.
5. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 14 июня 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.
6. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) предприятий : федеральный закон [принят Государственной Думой 21 октября 1992 года] // Российская газета. – № 279. – 30.12.1992.

7. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах : федеральный закон [принят Государственной Думой 24 ноября 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 1.

8. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон [принят Государственной Думой 10 декабря 1997 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.01.1998. – № 2. – Ст. 222.

9. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон [принят Государственной Думой 14 января 1998 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.02.1998. – № 7. – Ст. 785.

10. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

11. Российская Федерация. Законы. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федеральный закон [принят Государственной Думой 11 октября 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.12.2002. – № 48. – Ст. 4746.

12. Российская Федерация. Законы. Об аудиторской деятельности : федеральный закон [принят Государственной Думой 24 декабря 2008 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.01.2009. – № 1. – Ст. 15.

13. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : федеральный закон [принят Государственной Думой 11 июня 2013 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.07.2013. – № 26. – Ст. 3207.

14. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 8 июня 2016 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.06.2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3891.

15. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 14 декабря 2016 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.01.2017. – № 1 (Часть I). – Ст. 29.

16. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон [принят Государственной Думой 19 июля 2017 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4815.

17. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» : федеральный закон [принят Государственной Думой 9 ноября 2022 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.11.2022. – № 48. – Ст. 8319.

18. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Законы. О предприятиях и предпринимательской деятельности : закон [принят Верховным Советом РСФСР 25.12.1990] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 27.12.1990. – № 30. – Ст. 418.

19. О временном управлении некоторым имуществом [Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2023 (редакция от 22.11.2023)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.05.2023. – № 18. – Ст. 3290.

20. О порядке отнесения имущества автономного или бюджетного учреждения к категории особо ценного движимого имущества [Постановление Правительства Российской Федерации от 26.07.2010 № 538] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.08.2010. – № 31. – Ст. 4237.

Акты официального толкования и применения права

21. Постановление КС РФ от 19.12.2005 № 12-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.01.2006. – № 3. – Ст. 335.

22. Постановление КС РФ от 08.12.2017 № 39-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.12.2017. – № 51. – Ст. 7914.

23. Постановление КС РФ от 12.05.2020 № 23-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.05.2020. – № 20. – Ст. 3227.

24. Постановление КС РФ от 21.05.2021 № 20-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.05.2021. – № 22. – Ст. 3913.

25. Постановление КС РФ от 16.11.2021 № 49-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.11.2021. – № 48. – Ст. 8141.

26. Постановление КС РФ от 07.02.2023 № 6-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 20.02.2023. – № 8. – Ст. 1414.

27. Постановление КС РФ от 31.05.2023 № 28-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.06.2023. – № 24. – Ст. 4388.

28. Постановление КС РФ от 30.10.2023 № 50-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.11.2023. – № 46. – Ст. 8303.

29. Постановление КС РФ от 19.03.2024 № 11-П. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.03.2024. – № 13. – Ст. 1865.

30. Определение КС РФ от 28.04.2022 № 965-О. – Судебная практика высших судов Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28042022-n-965-o/?ysclid=lq3uwgpaе8670649401> (дата обращения: 15.10.2023).

31. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица [Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62] // Экономика и жизнь. – № 34. – 30.08.2013.

32. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве [Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53] // Российская газета. – № 297. – 29.12.2017.

33. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25] // Российская газета. – № 140. – 30.06.2015.

34. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденный Президиумом ВС РФ 20.12.2016. – Бюллетень ВС РФ. – № 9. – 2017.

35. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденный Президиумом ВС РФ 29.01.2020. – Бюллетень ВС РФ. – № 7. – 2020.

36. Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2020), утвержденный Президиумом ВС РФ 23.12.2020. – Бюллетень ВС РФ. – № 5. – 2021.

37. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2021), утвержденный Президиумом ВС РФ 07.04.2021. – Бюллетень ВС РФ. – № 7. – 2021.

38. Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2021), утвержденный Президиумом ВС РФ 16.02.2022. – Бюллетень ВС РФ. – № 4, 5. – 2022.

39. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год, утвержденный Президиумом ВС РФ 26.04.2023. – Бюллетень ВС РФ. – № 6. – 2023.

Судебные постановления и решения

40. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14 по делу № А41-36402/2012. – Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 9. – С. 301-326.

41. Определение ВАС РФ от 29.04.2013 № ВАС-11134/12 по делу № А60-1260/2009. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c56d13cf-7a67-47ae-a95a-3ef94eb5c568> (дата обращения: 15.10.2023).

42. Определение ВС РФ от 21.04.2016 по делу № 302-ЭС14-1472 по делу № А33-1677/2013. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/66fbc2c1-2fee-4cc7-973f-e21da7ee0d22> (дата обращения: 15.10.2023).

43. Определение ВС РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5bbbf792-b0fa-4575-b942-f6a91159e488> (дата обращения: 15.10.2023).

44. Определение ВС РФ от 18.07.2017 № 78-КГ17-46. – Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1583724 (дата обращения: 15.10.2023).

45. Определение ВС РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4fce7426-b556-41f2-ae00-42fb3e7306b2> (дата обращения: 15.10.2023).

46. Определение ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a948a6cb-1f06-4ac2-989a-863f946cfe16> (дата обращения: 15.10.2023).

47. Определение ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4c71ed89-29f8-46de-9cfe-91c650d2c313> (дата обращения: 15.10.2023).

48. Определение ВС РФ от 07.10.2019 № 307-ЭС17-11745(2) по делу № А56-83793/2014. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/42051ca2-da77-4e23-a869-cbf5355f9203> (дата обращения: 15.10.2023).

49. Определение ВС РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e4f27204-7a83-4dd5-9d65-8fe72de0d734> (дата обращения: 15.10.2023).

50. Определение ВС РФ от 24.01.2020 № 306-ЭС19-25729 по делу № А49-17083/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e0f0bb35-8d46-4376-80eb-3a66a0ed85c6> (дата обращения: 15.10.2023).

51. Определение ВС РФ от 30.01.2020 года № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9f37825f-9e7a-4032-a400-574bb4993aeb> (дата обращения: 15.10.2023).

52. Определение ВС РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007(2) по делу № А40-203647/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/15271a37-3b3e-490a-891d-75ac7dd276f9> (дата обращения: 15.10.2023).

53. Определение ВС РФ от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837 по делу № А23-6235/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f5715a77-94c5-4d24-9050-416f0369fc5e> (дата обращения: 15.10.2023).

54. Определение ВС РФ от 22.12.2020 № 66-КГ20-10-К8. – Банк судебных решений ВС РФ. – Текст : электронный. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1956964&ysclid=lqgef98kb807995311 (дата обращения: 15.10.2023).

55. Определение ВС РФ от 21.05.2021 № 302-ЭС20-23984 по делу № А19-4454/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/175c2288-591f-49fe-bced-6686ca422969> (дата обращения: 15.10.2023).

56. Определение ВС РФ от 08.06.2021 № 305-ЭС21-7937 по делу № А40-218079/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/20ae83f8-e076-4467-bcd9-4acc572f72a2> (дата обращения: 15.10.2023).

57. Определение ВС РФ от 10.06.2021 № 307-ЭС21-29 по делу № А56-69618/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d5c9bbba-3bf0-4667-9618-29d41a8fe130> (дата обращения: 15.10.2023).

58. Определение ВС РФ от 19.08.2021 № 305-ЭС21-4666(1,2,4) по делу № А40-240402/2016. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4c6397cf-6d35-4db4-8fc2-7e86217ec908> (дата обращения: 15.10.2023).

59. Определение ВС РФ от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a5163977-3577-4c71-b689-22b962a426f4> (дата обращения: 15.10.2023).

60. Определение ВС РФ от 06.10.2021 № 307-ЭС19-18598(15) по делу № А56-94386/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9b5d32f9-4614-4365-84c1-803109128e44> (дата обращения: 15.10.2023).

61. Определение ВС РФ от 20.10.2021 №304-ЭС20-22310(2) по делу № А45-34718/2019. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3a5535d6-956d-4a94-b9cb-959ad52c65cb> (дата обращения: 15.10.2023).

62. Определение ВС РФ от 21.10.2021 № 307-ЭС21-5954(2,3) по делу № А42-9226/2017. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/dddaacfd-9def-40fe-a2b9-4e3162e33b16> (дата обращения: 15.10.2023).

63. Определение ВС РФ от 27.12.2021 № 308-ЭС17-15907(7) по делу № А53-1203/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/67e454f4-80d6-4cd5-8885-9c59f8b81c2a> (дата обращения: 15.10.2023).

64. Определение ВС РФ от 31.03.2022 № 305-ЭС19-16942(34) по делу № А40-69663/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e70caef3-c441-4536-88b2-8653654f6c60> (дата обращения: 15.10.2023).

65. Определение ВС РФ от 11.04.2022 по делу № А40-232226/2020.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1ad509ae-d0e3-480a-881f-29fe9308a460> (дата обращения: 15.10.2023).

66. Определение ВС РФ от 11.05.2022 № 303-ЭС22-5337 по делу № А51-1121/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/137afdc3-3426-4598-86d9-0234630d0f1e> (дата обращения: 15.10.2023).

67. Определение ВС РФ от 30.05.2022 № 305-ЭС22-2095 по делу № А41-88908/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bd76a2b5-2894-4b17-a1fb-9d21975759bd> (дата обращения: 15.10.2023).

68. Определение ВС РФ от 31.05.2022 № 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020.
– Банк судебных решений ВС РФ. – Текст : электронный.
– URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2125108&ysclid=lqgeeb4y2j819807741 (дата обращения: 15.10.2023).

69. Определение ВС РФ от 07.07.2022 № 308-ЭС16-6482(24,25) по делу № А63-577/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9f23a1bd-b4c9-4f74-8b90-6749ae9c1718> (дата обращения: 15.10.2023).

70. Определение ВС РФ от 15.12.2022 № 305-ЭС22-14865 по делу № А40-264080/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/368a732e-206c-488e-b266-8bb0fd490daa> (дата обращения: 15.10.2023).

71. Определение ВС РФ от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249 (2,3) по делу № А40-303933/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL <https://kad.arbitr.ru/Card/182cc950-0d5c-4139-9d89-60ac814c9e6c> (дата обращения: 15.10.2023).

72. Определение ВС РФ от 30.01.2023 № 307-ЭС22-18671 по делу № А56-64205/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL <https://kad.arbitr.ru/Card/25b540e0-ae52-4004-bdd8-1f6494ec199f> (дата обращения: 15.10.2023).

73. Определение ВС РФ от 06.02.2023 № 309-ЭС22-18499 по делу № А07-25982/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/58bfdded-b296-4e28-bbd2-f9a74fdd4cc5> (дата обращения: 15.10.2023).

74. Определение ВС РФ от 07.02.2023 № 18-КГ22-106-К4. – Банк судебных документов ВС РФ. – Текст : электронный. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2216028&ysclid=lqgecsao6f731363711 (дата обращения: 15.10.2023).

75. Определение ВС РФ от 27.02.2023 № 305-ЭС22-29518 по делу № А40-226791/2021. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fa99054a-c6d7-439b-a8ec-ef918055f110> (дата обращения: 15.10.2023).

76. Определение ВС РФ от 06.03.2023 № 304-ЭС21-18637 по делу № А03-6737/2020. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3d7e31e6-bbcd-467b-9d03-0055b031c91d> (дата обращения: 15.10.2023).

77. Определение ВС РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-27062 по делу № А40-175828/2018. – Карточка арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f5730cc8-accb-40f1-b792-b0766e92432a> (дата обращения: 15.10.2023).

78. Определение ВС РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС23-6327 по делу № А41-47568/2022. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/25fc7449-e542-4b4a-9060-5d3e6f1d3f4c> (дата обращения: 15.10.2023).

79. Определение ВС РФ от 11.08.2023 № 305-ЭС23-3934(1,2) по делу № А40-133029/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c8d06088-3330-415a-a2d1-532925258609> (дата обращения: 15.10.2023).

80. Определение ВС РФ от 14.08.2023 № 301-ЭС22-27936(1,2) по делу № А29-8156/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3a54ccce-7637-423e-8c1c-de0e48dd1136> (дата обращения: 15.10.2023).

81. Постановление ФАС МО от 30.04.2003 № КГ-А40/2221-03.
– Решения и определения судов. – Текст : электронный.
– URL: <https://resheniya-sudov.ru/2004/131008/?ysclid=lqge5v56bb164316768> (дата обращения: 15.10.2023).

82. Постановление ФАС СЗО от 14.07.2004 № А56-29565/2003.
– Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
– URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

83. Постановление ФАС СКО от 19.10.2004 № Ф08-4850/2004.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://base.garant.ru/22114006/> (дата обращения: 15.10.2023).

84. Постановление ФАС ВСО от 06.12.2007 № А58-2185/06-Ф02-9028/07 по делу № А58-2185/2006. – Решения и определения судов. – Текст : электронный.
– URL: <https://resheniya-sudov.ru/2007/202835/> (дата обращения: 15.10.2023).

85. Постановление ФАС МО от 01.04.2009 № КГ-А40/13380-08 по делу № А40-41229/2007. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/487a5239-1720-4c60-90af-9c5609b7f67d> (дата обращения: 15.10.2023).

86. Постановление АС МО от 01.10.2015 № Ф05-10535/2011 по делу № А40-119763/2010. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5df88f77-b521-492e-aea6-6be11b422f0c> (дата обращения: 15.10.2023).

87. Постановление АС МО от 26.12.2016 № Ф05-19470/2016 по делу № А40-56167/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/760fa1c8-ac1f-44d4-91cc-1c5b734e0da8> (дата обращения: 15.10.2023).

88. Постановление АС ПО от 22.06.2017 по делу № А06-9070/2015.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0afdeb73-f3ad-4f87-9515-db08f1845c89> (дата обращения: 15.10.2023).

89. Постановление АС ПО от 09.11.2018 № Ф06-39685/2018 по делу № А12-32484/2014. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d3f87d68-f036-4cb7-9db0-50f5af0590ce> (дата обращения: 15.10.2023).

90. Постановление АС МО от 13.12.2018 № Ф05-20241/2018 по делу № А41-29520/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/34f926d1-33bc-4f6d-8a51-c3faf9cfc39> (дата обращения: 15.10.2023).

91. Постановление АС УО от 25.03.2019 № Ф09-2156/18 по делу № А50-19893/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ecf5bbc8-b0c9-4822-9e4b-e709c8c469a4> (дата обращения: 15.10.2023).

92. Постановление АС МО от 13.05.2019 № Ф05-21454/2016 по делу № А40-247955/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c993931c-e927-4939-8487-89342aafc217> (дата обращения: 15.10.2023).

93. Постановление АС УО от 19.08.2019 № Ф09-4481/19 по делу № А76-7148/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/870f1a19-97f2-4cea-9bb6-70df978394fc> (дата обращения: 15.10.2023).

94. Постановление АС МО от 01.10.2019 № Ф05-16157/2019 по делу № А41-2077/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/45a999d5-bc34-41d0-a0fb-4ceadb9a670b> (дата обращения: 15.10.2023).

95. Постановление АС СЗО от 05.11.2019 № Ф07-12328/2019 по делу № А21-15124/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/cbcc41cd-0267-4446-b16b-244621f2d339> (дата обращения: 15.10.2023).

96. Постановление АС МО от 25.11.2019 № Ф05-19549/2019 по делу № А40-110642/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2bcaddde-ea41-416a-b343-bc30a055aea8> (дата обращения: 15.10.2023).

97. Постановление АС СЗО от 20.01.2020 № Ф07-17100/19 по делу № А56-11246/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d8ae30a3-3930-4017-8394-cec52babd3ea> (дата обращения: 15.10.2023).

98. Постановление АС СКО от 28.05.2020 № Ф08-2481/2020 по делу № А32-54256/2009. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a841fdee-cee9-4bce-85d2-4c41ee5b1e52> (дата обращения: 15.10.2023).

99. Постановление АС ПО от 17.06.2020 № Ф06-16035/2016 по делу № А55-7966/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9044b424-6821-4b23-8d11-ee3ff9b24b46> (дата обращения: 15.10.2023).

100. Постановление АС ДО от 27.08.2020 № Ф03-2966/2020 по делу № А04-9605/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6acc552b-085c-49f4-90a5-5424fb56c9fe> (дата обращения: 15.10.2023).

101. Постановление АС ДО от 18.09.2020 № Ф03-3743/2020 по делу № А73-10895/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f65f23c3-e109-4dcc-ac95-6fece53dad16> (дата обращения: 15.10.2023).

102. Постановление АС ЗСО от 22.10.2020 № Ф04-4678/2020 по делу № А81-993/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/34d6ead8-1471-433f-9e5b-8ddc63f6054f> (дата обращения: 15.10.2023).

103. Постановление АС СЗО от 02.12.2020 № Ф07-12302/2020 по делу № А56-83793/2014. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/42051ca2-da77-4e23-a869-cbf5355f9203> (дата обращения: 15.10.2023).

104. Постановление АС МО от 29.12.2020 № Ф05-4499/2018 по делу № А40-54535/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0b73255f-65e3-4e10-873b-77dc6cdc3b91> (дата обращения: 15.10.2023).

105. Постановление АС МО от 10.02.2021 № Ф05-24728/2019 по делу № А40-209909/2016. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8098e2ef-d7e3-4403-acc6-4a466913703a> (дата обращения: 15.10.2023).

106. Постановление АС МО от 16.03.2021 № Ф05-25236/2019 по делу № А40-180754/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e8bdb85a-ce29-4c6b-9875-d09bcc417901> (дата обращения: 15.10.2023).

107. Постановление АС ПО от 31.03.2021 по делу № А57-9809/2020.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ec2e47f4-9f68-40d4-914f-a734930a1f33> (дата обращения: 15.10.2023).

108. Постановление АС ВСО от 01.04.2021 по делу № А78-5418/2020.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/371b31ba-6f8e-4efc-a70e-74418184d475> (дата обращения: 15.10.2023).
109. Постановление АС СЗО от 30.04.2021 № Ф07-4729/2021 по делу № А52-50/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fa9a2415-4235-4373-8a41-ead541b6b7b0> (дата обращения: 15.10.2023).
110. Постановление АС ПО от 24.05.2021 № Ф06-65134/2020 по делу № А12-11941/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c2ec73ce-9909-463c-9f1b-a47376f07e49> (дата обращения: 15.10.2023).
111. Постановление АС МО от 31.05.2021 № Ф05-21619/2020 по делу № А40-3720/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e6f91e74-2c67-403e-8334-b298ba6ff158> (дата обращения: 15.10.2023).
112. Постановление АС СЗО от 30.07.2021 № Ф07-10484/2021 по делу № А26-1616/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/25fe05e1-85a8-4ac2-a074-164f4b6b8a03> (дата обращения: 15.10.2023).
113. Постановление АС ПО от 28.09.2021 № Ф06-64300/2020 по делу № А12-6500/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e1e9cf01-919d-492a-b73c-8934182db8f7> (дата обращения: 15.10.2023).
114. Постановление АС ПО от 05.10.2021 № Ф06-9643/2021 по делу № А12-1753/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fa7588d3-039a-48b2-9e03-30f38e2fd297> (дата обращения: 15.10.2023).
115. Постановление АС МО от 21.10.2021 по делу № А40-89351/2020.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fa85b8bc-a841-4d24-84b4-b2250e59e0f5> (дата обращения: 15.10.2023).

116. Постановление АС МО от 29.12.2021 № Ф05-32781/2021 по делу № А40-222141/2022. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6a2a99c0-1729-4298-8b54-2d04bc4f1b67> (дата обращения: 15.10.2023).

117. Постановление АС ЦО от 26.01.2022 по делу № А14-10847/2021.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/97471677-862d-4165-a0c4-0cedb13bdc5a> (дата обращения: 15.10.2023).

118. Постановление АС ЗСО от 28.01.2022 № Ф04-8623/2021 по делу № А03-21413/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b9a77810-ff54-44c8-af6f-91f64162b535> (дата обращения: 15.10.2023).

119. Постановление АС ЗСО от 02.02.2022 № Ф04-5778/2021 по делу № А27-10713/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9088705b-d464-4c47-a9d8-d7d957eb8b51> (дата обращения: 15.10.2023).

120. Постановление АС СЗО от 21.02.2022 по делу № А26-764/2021.
– Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1ac45d99-217c-4e14-9717-195e70cf15c6> (дата обращения: 15.10.2023).

121. Постановление АС ВВО от 24.03.2022 № Ф01-8054/2021 по делу № А43-27224/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/42e6838a-d350-446f-b4b4-099dce25293e> (дата обращения: 15.10.2023).

122. Постановление АС УО от 24.03.2022 № Ф09-5014/19 по делу № А60-75480/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.
– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/578cc731-a472-455b-b03f-dc4a7fd084c9> (дата обращения: 15.10.2023).

123. Постановление АС МО от 28.03.2022 № Ф05-3358/2022 по делу № А40-81226/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ff0aff51-9c65-48d7-9128-d492448d1e8e> (дата обращения: 15.10.2023).

124. Постановление АС УО от 01.04.2022 № Ф09-6492/19 по делу № А47-2012/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a3f5fe2c-0307-4226-b1ba-bb6842a4e990> (дата обращения: 15.10.2023).

125. Постановление АС МО от 11.04.2022 № Ф05-25844/2021 по делу № А40-45242/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/98cc4142-3d02-4c56-a0f6-b688683cd810> (дата обращения: 15.10.2023).

126. Постановление АС МО от 14.04.2022 № Ф05-6441/2022 по делу № А40-5256/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/93181748-df18-4004-85d4-83195c235630> (дата обращения: 15.10.2023).

127. Постановление АС ВВО от 15.04.2022 № Ф01-1438/2022 по делу № А29-5645/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8a6ebffc-bc40-4d2a-add7-3bcb523aaf87> (дата обращения: 15.10.2023).

128. Постановление АС УО от 17.06.2022 № Ф09-4097/14 по делу № А60-50062/2013. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/339a6655-6b86-4f92-bebb-9d0d242a30e6> (дата обращения: 15.10.2023).

129. Постановление АС ЗСО от 30.06.2022 № Ф04-5699/2019 по делу № А45-37243/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/eb9189e0-d50a-4053-99de-b80b2fdcf989> (дата обращения: 15.10.2023).

130. Постановление АС МО от 25.07.2022 № Ф05-9645/2017 по делу № А40-247973/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2cd44a84-ca09-4f70-b541-de0e60307449> (дата обращения: 15.10.2023).

131. Постановление АС ЗСО от 15.08.2022 № Ф04-755/2018 по делу № А45-7574/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0aec9d1b-a3c4-4b8a-ab94-3cab95b2d6a2> (дата обращения: 15.10.2023).

132. Постановление АС МО от 24.08.2022 № Ф05-20412/2022 по делу № А41-50757/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/94ff517a-dac0-4a24-8759-20d9795862a4> (дата обращения: 15.10.2023).

133. Постановление АС МО от 15.09.2022 № Ф05-19468/2021 по делу № А40-28465/2021. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/77ab76f9-8574-42b5-b7e4-bbef9e411129> (дата обращения: 15.10.2023).

134. Постановление АС УО от 25.10.2022 № Ф09-6637/22 по делу № А60-57353/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fae6ac40-f49e-4fe9-8565-18904b11a889> (дата обращения: 15.10.2023).

135. Постановление АС ВСО от 28.10.2022 № Ф02-5143/2022 по делу № А74-1077/2022. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/564d79b9-ec12-4957-be56-bc7896f7f406> (дата обращения: 15.10.2023).

136. Постановление АС МО от 22.12.2022 № Ф05-13594/2021 по делу № А40-118052/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2b93b1f9-3707-4138-9ef9-8ce9662af654> (дата обращения: 15.10.2023).

137. Постановление АС МО от 23.01.2023 № Ф05-21279/2018 по делу № А40-86520/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b4faaee3-4ae1-40b0-b97e-9efb505780c6> (дата обращения: 15.10.2023).

138. Постановление АС ВСО от 09.02.2023 № Ф02-5484/2022, Ф02-5558/2022 по делу № А19-4454/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/175c2288-591f-49febced-6686ca422969> (дата обращения: 15.10.2023).

139. Постановление АС ВВО от 03.03.2023 № Ф01-8226/2022 по делу № А82-15093/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/35b0bc1f-5920-4984-9eb2-9fba00aef3e3> (дата обращения: 15.10.2023).

140. Постановление АС СЗО от 26.03.2023 № Ф07-387/2023 по делу № А56-9584/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/42eae62d-9e86-4566-9ca2-d881ca7f3690> (дата обращения: 15.10.2023).

141. Постановление АС МО от 18.04.2023 № А41-39276/2022. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/13cd671a-7eb9-42ad-973a-ace371d33174> (дата обращения: 15.10.2023).

142. Постановление АС ПО от 21.09.2023 № Ф06-7351/2023 по делу № А57-35128/2022. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c2191415-c1e3-454d-986a-5f7cae3ad8df> (дата обращения: 15.10.2023).

143. Постановление Восемнадцатого ААС от 20.03.2019 № 18-АП-2190/2019 по делу № А76-20349/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3931bde4-e766-4fd4-b4dc-3e5aad20ece9> (дата обращения: 15.10.2023).

144. Постановление Семнадцатого ААС от 02.04.2019 № 17АП-10415/2013-АК по делу № А50-3939/2013. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ae8db323-652c-44ac-a38e-be27a477233b> (дата обращения: 15.10.2023).

145. Постановление Восьмого ААС от 05.12.2019 № 08АП-2534/2019 по делу № А46-10489/2014. – Картотека арбитражных дел.

– Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/69a8fb10-c5d1-42a4-883b-b0cbbdc95846> (дата обращения: 15.10.2023).

146. Постановление Семнадцатого ААС от 23.12.2019 № 17АП-13181/2018-АК по делу № А60-42720/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a84775d3-73c0-4982-a3e6-06012319da55> (дата обращения: 15.10.2023).

147. Постановление Восемнадцатого ААС от 25.03.2020 № 18АП-11675/2019 по делу № А07-30480/2017. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5cc681fb-1936-47a8-aca0-06efb147428c> (дата обращения: 15.10.2023).

148. Решение АС Вологодской области от 06.04.2021 по делу № А13-11406/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/86ce600c-e250-4450-90c7-45b4cc3391ac> (дата обращения: 15.10.2023).

149. Постановление Двадцатого ААС от 24.02.2022 № 20АП-8273/2021 по делу № А09-10308/2018. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc8e8d59-e32f-4e4f-9b67-a13d4dca6dd0> (дата обращения: 15.10.2023).

150. Постановление Семнадцатого ААС от 13.04.2022 № 17АП-7248/2020(3)-АК по делу № А60-7537/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/05bfda0e-7b95-40d0-8e53-9b34e73cbbb8> (дата обращения: 15.10.2023).

151. Решение АС города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.02.2020 по делу А56-69618/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/86ce600c-e250-4450-90c7-45b4cc3391ac> (дата обращения: 15.10.2023).

152. Решение АС Республики Крым от 02.04.2021 по делу № А83-54/2020. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный.

– URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fb55f604-a77f-4015-b05e-bf9916a2a5b9> (дата обращения: 15.10.2023).

153. Решение АС города Москвы от 24.05.2021 по делу № А40-170552/2019. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b40479ef-4859-4de2-99d3-c0ce867b8585> (дата обращения: 15.10.2023).

154. Определение АС города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.12.2022 по делу № А56-45590/2015. – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/548c6e76-5186-4fde-95d4-5bc01b6a7624> (дата обращения: 15.10.2023).

Иные официальные документы

155. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [проект Федерального закона, ID 02/04/04-18/00079694]. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=171119#Fe5qhyTR6ExQnlf> (дата обращения: 10.06.2023).

156. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве [комментарий Арбитражного суда Уральского округа по вопросам практики применения пункта 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35]. – СПС «Гарант». – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/70203722/> (дата обращения: 10.03.2023).

157. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@]. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_227069/ (дата обращения: 10.06.2023).

158. О применении Федерального закона № 23-ФЗ [письмо Банка России от 23.09.2021 № 14-26/10523]. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396494/ (дата обращения: 10.06.2023).

Диссертации

159. Быканов, Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / Быканов Денис Дмитриевич ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2018. – 269 с. – Библиогр.: 235-269.

160. Гутников, О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание степени доктора юридических наук / Гутников Олег Валентинович ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2018. – 599 с. – Библиогр.: 562-599.

161. Демьянова, М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / Демьянова Мария Владиславовна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2022. – 252 с. – Библиогр.: 225-252.

162. Иванова, С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на

соискание степени доктора юридических наук / Иванова Светлана Анатольевна ; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2006. – 415 с. – Библиогр.: 389-415.

163. Кузнецов, К.И. Гражданско-правовая ответственность субъектов предпринимательских объединений : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / Кузнецов Кирилл Игоревич ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2020. – 266 с. – Библиогр.: 205-266.

164. Монастырский, Ю.Э. Возмещение убытков в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание степени доктора юридических наук / Монастырский Юрий Эдуардович ; Севастопольский государственный университет. – Севастополь, 2020. – 357 с. – Библиогр.: 307-357.

Книги

165. Аристова, Е.А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика / Е.А. Аристова. – Москва : Инфотропик Медиа, 2014. – 248 с. – ISBN 978-5-9998-0170-8.

166. Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в Решениях Конституционного Суда Российской Федерации) / Г.А. Гаджиев. – Москва : Юрист, 2002. – 286 с. – ISBN 5-7975-0520-7.

167. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4 / Е.В. Бадулина, К.П. Беляев, А.С. Васильев [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2014. – 524 с. – ISBN 978-5-8354-1082-8.

168. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов ; научный редактор В.С. Ем : редакционная коллегия : Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов – Москва : Статут, 2000. – 411 с. – ISBN 5-222-03687-1.

169. Гутников, О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография / О.В. Гутников. – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – 488 с. – 500 экземпляров. – ISBN 978-5-6041897-3-3.

170. Гутников, О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Юридические лица в российском гражданском праве : монография. В 3-х томах. Том 1. Общие положения о юридических лицах / ответственный редактор А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. – Москва : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – 384 с. – 500 экземпляров. – ISBN 978-5-16-003685-4.

171. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития : монография / ответственный редактор Д.В. Ломакин. – Москва: Статут, 2021. – 414 с. – 300 экземпляров. – ISBN 978-5-8354-1785-8.

172. Добрачев, Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства / Д.В. Добрачев. – Москва : Инфотропик Медиа, 2019. – 172 с. – ISBN 978-5-9998-0343-6.

173. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность и незлоупотребление гражданскими правами / В.И. Емельянов. – Москва, 2002. – 160 с. – ISBN 5-94558-001-5.

174. Иоффе, О.С. Избранные труды: правоотношение по советскому гражданскому праву. В 4-х томах. Том 1. / О.С. Иоффе. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2003. – 574 с. – ISBN 5-94201-274-1.

175. Каминка, А.И. Основы предпринимательского права / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2007. – 317 с. – ISBN 5-8078-0138-5.

176. Кузнецова, О.А. Нормы-принципы российского гражданского права : монография / О.А. Кузнецова. – Москва : Статут, 2006. – 269 с. – 1500 экземпляров. – ISBN 5-8354-0350-X.

177. Курбатов, А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : монография / А.Я. Курбатов. – Москва : Юстицинформ, 2022. – 244 с. – 500 экземпляров. – ISBN 978-5-7205-1846-2.

178. Ломакин, Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учебное пособие / Д.В. Ломакин. – Москва : Статут, 2020. – 146 с. – ISSN 978-5-8354-1626-4.

179. Лотфуллин, Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве / Р.К. Лотфуллин. – Москва : Saveliev, Batanov & Partners, 2021. – 566 с. – ISBN 978-5-7164-1066-4.

180. Нам, К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К.В. Нам. – Москва : Статут, 2019. – 278 с. – ISBN 978-5-8354-1558-8.

181. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин [и др.] ; под редакцией И.С. Шиткиной. – Москва : Статут, 2021. – Т. 2. – 486 с. – ISBN 978-5-8354-1759-9.

182. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права : монография / И.А. Покровский. – Москва : Статут, 1998. – 353 с. – 1000 экземпляров. – ISBN 5-89398-015-8.

183. Политико-правовые ценности: история и современность / Д.В. Дождев [и др.] ; под редакцией В.С. Нерсисянца. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 256 с. – ISBN 5-8360-0065-4.

184. Попондопуло, В.Ф. Конкурсное право (правовое регулирование несостоятельности (банкротства) предпринимателей) : учебное пособие / В.Ф. Попондопуло. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1995. – 117 с. – ISBN 5-288-01617-8.

185. Рыков, И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации : монография / И.Ю. Рыков. – Москва : Статут, 2017. – 192 с. – 700 экземпляров. – ISBN 978-5-8354-1351-5.

186. Рыков, И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента : монография / И.Ю. Рыков. – Москва : Статут, 2019. – 195 с. – 1000 экземпляров. – ISBN 978-5-907139-01-5.

187. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко [и др.] ; под ред. И.В. Решетниковой. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2022. – 480 с. – ISBN 978-5-00156-225-2.

188. Степанов, Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. – Москва : Статут, 2018. – 207 с. – ISBN 978-5-8354-1475-8.

189. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2014. – 456 с. – ISBN 978-5-8354-1013-2.

190. Унитарные предприятия, учреждения. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления: постатейный комментарий к ст. ст. 113-115, 120 и гл. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации / П.В. Крашенинников, А.В. Майфат, И.Б. Миронов [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2010. – 124 с. – ISBN 978-5-8354-0683-8.

191. Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / А.С. Ворожечич, О.И. Гентовт, Н.В. Козлова [и др.] ; ответственный редактор Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. – Москва: Статут, 2022. – 350 с. – 200 экземпляров. – ISBN 978-5-8354-1808-4.

192. Шиткина, И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография / И.С. Шиткина. – Москва : Статут, 2022. – 316 с. – 200 экземпляров. – ISBN 978-5-8354-1825-1.

193. Яковлев, В.Ф. Избранные труды. Том 2: Гражданское право: История и современность. Книга первая / В.Ф. Яковлев. – Москва : Статут, 2012. – 976 с. – ISBN 978-5-8354-0885-6.

Статьи

194. Абдулкадиров, Т. Судебная дискреция по вопросам о субсидиарной ответственности нуждается в ограничении? / Т. Абдулкадиров // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 3. – С. 52-59. – ISSN 2223-1498.

195. Абрамов, С.И. Правовое значение отношений контроля в контексте института несостоятельности (банкротства) / С.И. Абрамов // Право и экономика. – 2020. – № 1. – С. 37-42. – ISSN 0869-7671.

196. Агибалова, Е.Н. Имущественная ответственность крестьянских (фермерских) хозяйств / Е.Н. Агибалова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 9. – С. 48-55. – ISSN 1992-8041.

197. Алтухов, А.В., Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве / А.В. Алтухов, С.В. Левичев // Судья. – 2018. – № 4. – С. 27-32. – ISSN 1817-8170.

198. Амбарцумов, Р.А., Взаимосвязь институтов оспаривания сделок должника и субсидиарной ответственности контролирующих лиц / Р.А. Амбарцумов, С.В. Петухов // Legal Bulletin. – 2023. – № 1. Том 8. – С. 76-86. – ISSN 2658-5448. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-v-kontekste-osuschestvleniya-dolzchnikom-hozyaystvennoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.05.2023).

199. Амбарцумов, Р.А., Объем прав контролирующих лиц в рамках оспаривания сделок должника и привлечения к субсидиарной ответственности иных лиц / Р.А. Амбарцумов, С.В. Петухов // Российский судья. – 2023. – № 11. – С. 17-22. – ISSN 1812-3791.

200. Андрианова, М.А., Институт субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица как механизм обеспечения баланса интересов в обществе / М.А. Андрианова, Н.А. Потапов // Гражданское право. – 2020. – № 3. – С. 22-25. – ISSN 1992-2043.

201. Антонов, А.С., Закон допустил контролирующих должника лиц к участию в деле о банкротстве / А.С. Антонов, Н.С. Чернышенко // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 6. – С. 49-59. – ISSN 2223-1498.

202. Артемова, А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как ответ на злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию / А.Н. Артемова // Юрист. – 2019. – № 11. – С. 36-42. – ISSN 1812-3929.

203. Артемьева, М.А. Распределение бремени и стандарт доказывания по делам о привлечении к ответственности ответчиков (контролирующих лиц) по долгам юридического лица / М.А. Артемьева, Д.М. Ветров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1. – С. 38-42. – ISSN 2618-8236.

204. Артюх, А.А. Верховный Суд об алгоритме рассуждений при анализе налогово порочного выбора контрагента. Комментарий к Определениям Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 и от 28.05.2020 № 305-ЭС19-16064 / А.А. Артюх // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 7. – С. 4-9. – ISSN 0869-7426.

205. Ручкина, Г.Ф. Социальная экономика и экономическое право / Е.М. Ашмарина, Г.Ф. Ручкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 7 (226). – С. 44-51. – ISSN 2072-4098.

206. Бабинова, Н. Долговая корзина. Как не попасть в субсидиарный список? / Н. Бабинова // Расчет. – 2019. – № 9. – С. 24-27. ISSN отсутствует.

207. Белова, М.Т. «Давняя» Степь, или Три урока из дела о привлечении к субсидиарной ответственности банка HSBC. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от

06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) / М.Т. Белова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5. – С. 4-17. – ISSN 0869-7426.

208. Белых, В.С. Концепция банкротства: законодательная модель и реальность / В.С. Белых // Российский юридический журнал. – 1995. – № 3. – С. 37-48. – ISSN 2071-3797.

209. Белясов С.Н. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих и иных лиц по долгам должника / С.Н. Белясов, И.В. Щербинина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 7. – С. 51-55. – ISSN 1812-383X.

210. Бирюлин, Д.А. Влияние родственников контролирующего лица на корпорацию / Д.А. Бирюлин // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 6. – С. 60-70. – ISSN 2223-1498.

211. Богданов, Е.В. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица / Е.В. Богданов, Е.Е. Богданова, Д.Е. Богданов // Гражданское право. – 2016. – № 4. – С. 29-32. – ISSN 1992-2043.

212. Власова, А.С. Обычный предпринимательский риск в контексте ответственности руководителя юридического лица за причиненные ему убытки / А.С. Власова, Н.М. Удалова // Закон. – 2020. – № 3. – С. 79-89. – ISSN 0869-4400.

213. Волков, А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А.В. Волков // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 2-8. – ISSN 1992-2043.

214. Волынец, А.И., Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 № 20-П: отдельные комментарии с позиции баланса интересов контролирующих должника лиц и кредиторов / А.И. Волынец, Т.А. Колодкина // Арбитражные споры. – 2022. – № 1. – С. 77-85. – ISSN 2712-9292.

215. Гвоздев, А.П. Субсидиарная ответственность наследников контролирующих должника лиц / А.П. Гвоздев // SAF. – 2021. – № 21. – С. 127-132. – ISSN 2500-140X.

216. Глазунов, А.Ю. Отраженные убытки в корпоративном праве / А.Ю. Глазунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 140-172. – ISSN 0869-7426.

217. Голубцов, В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов / В.Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 248-273. – ISSN 1995-4190.

218. Грабко, О.В. Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля / О.В. Грабко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. № 9. – С. 60-68. – ISSN 1992-8041.

219. Гудкова, О.Е. Исследование признаков неплатежеспособности / О.Е. Гудкова // Арбитражный управляющий. – 2019. – № 4. – С. 9-11. – № 5. – С. 21-24. – ISSN отсутствует.

220. Гурченко, Е. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве / Е. Гурченко, А. Лиджанова // Арбитражные споры. – 2018. – № 3. – С. 55-68. – ISSN 2712-9292.

221. Гутников, О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2022. – № 7. – С. 48-67. – ISSN 1605-6590.

222. Гутников, О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве / О.В. Гутников // Гражданское право. – 2019. – № 6. – С. 25-29. – ISSN 1992-2043.

223. Гутников, О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 20-31. – ISSN 1605-6590.

224. Гутников, О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 48-65. – ISSN 1605-6590.

225. Гутников, О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа / О.В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 65-66. – ISSN 2072-8166.

226. Дегтярев, С.Л. Действие принципов справедливости и соразмерности ответственности при возмещении убытков / С.Л. Дегтярев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 12. – С. 56-57. – ISSN 1812-383X.

227. Егоров, А.В. Нетипичные убытки по абз. 2 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве: парадокс или потаенный смысл? / А.В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2021. – № 4. – С. 58-103. – ISSN 1992-2043.

228. Егоров, А.В. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота / А.В. Егоров, К.А. Усачева // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 31-73. – ISSN 1992-2043.

229. Егоров, А.В. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А.В. Егоров, К.А. Усачева // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 12. – С. 6-61. – ISSN 0869-7426.

230. Ельникова, Е.В. Крестьянское (фермерское) хозяйство в системе российских коммерческих корпораций: вопросы без ответов / Е.В. Ельникова // Хозяйство и право. – 2023. – № 3. – С. 27-42. – ISSN 0134-2398.

231. Ермилов, В.Б. Гражданско-правовая ответственность «номинального руководителя» организации в деле о банкротстве / В.Б. Ермилов // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 3 (34). – С. 55-59. – ISSN 2304-9839.

232. Жукова, Ю.Д. Ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица: анализ правовых возможностей, заложенных в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ /

Ю.Д. Жукова // Вестник арбитражной практики. – 2014. – № 5. – С. 15-24. – ISSN 2223-1498.

233. Журиков, И. А. Объективность причин банкротства как основание для отказа в привлечении к субсидиарной ответственности / И.А. Журиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 2. – С. 48-56. – ISSN 2072-4098.

234. Заинчуковская, Е.А. (Не) дважды за одно: к вопросу о механизмах возмещения ущерба бюджетной системе РФ, причиненного неуплатой налогов / Е.А. Заинчуковская // Закон. – 2021. – № 9. – С. 140-149. – ISSN 0869-4400.

235. Заинчуковская, Е.А. Дело Ахмадеевой: вопросы теории и практики при применении судами Постановления КС РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П / Е.А. Заинчуковская // Закон. – 2020. – № 3. – С. 90-100. – ISSN 0869-4400.

236. Зарубина, М.Н. Социальная роль общеправовых принципов в современном цивилистическом процессе / М.Н. Зарубина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 4. – С. 3-7. – ISSN 1812-383X.

237. Золотухин, А.В. Предпринимательский риск как экономическая и правовая категория: сравнительный аспект / А.В. Золотухин // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1 (31). – С. 40-44. – ISSN 2072-1722.

238. Иванова, С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве / С.А. Иванова // Законодательство и экономика. – 2005. – № 4. – ISSN 0869-1983.

239. Илюшина, М.Н. Проблема передачи полномочий единоличного исполнительного органа в обществах с ограниченной ответственностью / М.Н. Илюшина // Нотариальный вестник. – 2022. – № 7. – С. 16-23. – ISSN 1819-6624.

240. Карелина, С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе

несостоятельности: современные тренды / С.А. Карелина // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 2. – С. 3-17. – ISSN 2223-1498.

241. Карелина, С.А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды / С.А. Карелина // Предпринимательское право. – 2022. – № 1. – С. 10-18. – ISSN 1999-4788.

242. Кондрашова, П.С. Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника в деле о банкротстве управляющей компании (в сфере ЖКХ) / П.С. Кондрашова // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 3. – С. 60-64. – ISSN 2223-1498.

243. Коновалов, А.В. Принцип разумности в гражданском праве / А.В. Коновалов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8 (105). – С. 11-21. – ISSN 1994-1471.

244. Короткова, В.А. Предвидимость договорных убытков / В.А. Короткова // Вестник экономического правосудия РФ. – 2018. – № 1. – ISSN 0869-7426.

245. Кузнецов, А.А. Взыскание убытков при реорганизации хозяйственных обществ / А.А. Кузнецов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 8. – С. 68-81. – ISSN 0869-7426.

246. Лаптев, В.А. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) / В.А. Лаптев // Юрист. – 2020. – № 12. – С. 34-39. – ISSN 1812-3929.

247. Лиханов, А.С. Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки / А.С. Лиханов, А.Г. Согбатьян // Закон. – 2017. – № 3. – С. 137-142. – ISSN 0869-4400.

248. Львова, О.А. Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации / О.А. Львова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 249-269. – ISSN 2782-2923.

249. Любимова, Е.Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов / Е.Е. Любимова // Арбитражные споры. – 2018. – № 2. – С. 61-71. – ISSN 2712-9292.

250. Маврина, Ю.Ф. Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики / Ю.Ф. Маврина // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 31-34. – ISSN 1992-2043.

251. Макаров, О.В. Принципы возмещения убытков: содержание и соотношения / О.В. Макаров // Адвокатская практика. – 2022. – № 4. – С. 14-17. – ISSN 1999-4826.

252. Мильков, А.В. Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности / А.В. Мильков // Закон. – 2018. – № 11. – С. 162-172. – ISSN 0869-4400.

253. Миннулина, К.А. Недостаточная капитализация как злоупотребление корпоративной формой: к вопросу квалификации / К.А. Миннулина // Хозяйство и право. – 2022. – № 7. – С. 31-38. – ISSN 0134-2398.

254. Митякова, И.В. Субсидиарная ответственность наследников при банкротстве в контексте Определения Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г.: значение и проблемы // Право и бизнес. – 2021. – № 1. – С. 55-60. – ISSN 2309-2122.

255. Мифтахутдинов, Р.Т. Контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности при банкротстве / Р.Т. Мифтахутдинов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 33-37. – ISSN 1992-8041.

256. Мифтахутдинов, Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы / Р.Т. Мифтахутдинов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 187-191. – ISSN 0869-4400.

257. Михайленко, О.В. Публичные юридического лица в частном праве и частные юридического лица в публичном праве / О.В. Михайленко // Журнал российского права. – 2011. – № 3. – С. 109-117. – ISSN 1605-6590.

258. Монастырский, Ю.Э. Современное значение понятия «степень вины» при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России / Ю.Э. Монастырский // Хозяйство и право. – 2022. – № 8. – С. 33-56. – ISSN 0134-2398.

259. Морхат, П.М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица / П.М. Морхат // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 4. – С. 68-79. – ISSN 2686-7915.

260. Мухамадеева, Р.А. К вопросу о признании залогодержателя контролирующим лицом при залоге корпоративных прав / Р.А. Мухамадеева // Гражданское право. – 2021. – № 3. – С. 27-30. – ISSN 1992-2043.

261. Нам, К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип / К.В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 88-103. – ISSN 0869-7426.

262. Орлов, Е.К. Субсидиарная ответственность и взыскание убытков. Различия в доказывании с учетом применимых презумпций / Е.К. Орлов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 4. – С. 61-68. – ISSN 2072-4098.

263. Османова, Д.О. Ключевые аспекты применения института соучастия при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности в банкротстве / Д.О. Османова, В.А. Попов, С.В. Юрьев // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – № 3. – С. 32-37. – ISSN 2500-2899.

264. Павликов, С.Г. О перспективах нейрокибернетического («сильного») искусственного интеллекта в банковской деятельности / С.Г. Павликов // Банковское право. – 2020. – № 5. – С. 33-38. – ISSN 1812-3945.

265. Панченко, П.В. Теоретико-методологические подходы к определению места принципа содействия сторон в системе принципов гражданского права / П.В. Панченко // Власть Закона. – 2017. – № 3. – С. 252-269. – ISSN 2079-0295.

266. Пархоменко, А.Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица / А.Д. Пархоменко // Российский судья. – 2022. – № 5. – С. 21-24. – ISSN 1812-3791.

267. Пархоменко, А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве / А.Д. Пархоменко // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12 (133). – С. 35-44. – ISSN 1994-1471.

268. Пермяков, О.В. Переход субсидиарной ответственности по наследству: некоторые проблемы и возможные решения / О.В. Пермяков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 8 (251). – С. 62-69. – ISSN 2072-4098.

269. Петухов, С.В. Влияние цифровых технологий на институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Право и управление. – 2023. – № 7. – С. 121-127. – ISSN 2224-9133.

270. Петухов, С.В. История становления субсидиарной ответственности контролирующих лиц в Российской Федерации / С.В. Петухов // Актуальные проблемы национального и международного права : материалы V научно-теоретической конференции студентов магистратуры ; под редакцией Рыбина Д.В. [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 282-288. – 308 с. – ISBN 978-5-6049174-0-4.

271. Петухов, С.В. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 184-188. – ISSN 2076-1503.

272. Петухов, С.В. Правовая эффективность института субсидиарной ответственности контролирующих лиц: возможные пределы / С.В. Петухов // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 78-81. – ISSN 2076-1503.

273. Петухов, С.В. Правотворчество Конституционного Суда Российской Федерации в сфере субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Право и управление. – 2022. – № 12. – С. 36-41. – ISSN 2224-9133.

274. Петухов, С.В. Применение конструкции субсидиарной ответственности контролирующих лиц к публично-правовым образованиям / С.В. Петухов // Право и управление. – 2023. – № 11. – С. 102-109. – ISSN 2224-9133.

275. Петухов, С.В. Проблемы правоприменительной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Образование и право. – 2022. – № 7. – С. 222-225. – ISSN 2076-1503.

276. Петухов, С.В. Специфика субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Власть закона. – 2023. – № 1 (53). – С. 289-297. – ISSN 2079-0295.

277. Петухов, С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте осуществления должником хозяйственной деятельности / С.В. Петухов // Legal Bulletin. – 2023. – № 4. Том. 8. – С. 134-148. – ISSN 2658-5448. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-v-kontekste-osuschestvleniya-dolzhnikom-hozyaystvennoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.04.2024).

278. Рачеева, Ю.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц как исключительный механизм восстановления прав кредиторов /

С.В. Петухов, Ю.В. Рачеева // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 5 (64). – С. 49-51. – ISSN 2304-9839.

279. Пирогова, Е.С. Обеспечение эффективности правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Перспективы развития законодательства о банкротстве / Е.С. Пирогова, Ю.Д. Жукова // Вестник арбитражной практики. – 2012. – № 5. – С. 13-24. – ISSN 2223-1498.

280. Пирогова, Е.С. Ответственность за неподачу заявления о банкротстве (новеллы законодательства о банкротстве и актуальные нормы корпоративного права) / Е.С. Пирогова, Ю.Д. Жукова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 139-160. – ISSN 2072-8166.

281. Подшивалов, Т.П. Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением: Обзор диссертационного исследования / Т.П. Подшивалов // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 69-74. – ISSN 2220-5500.

282. Покровский, С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения / С.С. Покровский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 7. – С. 98-129. – ISSN 0869-7426.

283. Попондопуло, В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве / В.Ф. Попондопуло // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 44-52. – ISSN 2500-2899.

284. Попондопуло, В.Ф. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Силина (Слепченко) // Судья. – 2018. – № 4 (88). – С. 10-16. – ISSN 1817-8170.

285. Потапов, Н.А. Прокалывание корпоративной вуали в российском праве / Н.А. Потапов // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 5. – С. 149-152. – ISSN 1815-1329.

286. Разоренов, Н.В. Кто «крайний» при банкротстве? / Н.В. Разоренов // Российская правовая газета «ЭЖ-Юрист». – 2003. – № 15. – ISSN отсутствует.

287. Рубцова, Н.В. Обеспечение баланса частноправовых и публично-правовых интересов в процессе несостоятельности (банкротства) / Н.В. Рубцова // Хозяйство и право. – 2022. – № 2. – С. 75-83. – ISSN 0134-2398.

288. Ручкина, Г.Ф. Правовые и организационные проблемы банковской сферы экономики в кризисных условиях / Г.Ф. Ручкина // Юридический мир. – 2010. – № 1. – С. 41-46. – ISSN 1811-1475.

289. Ручкина, Г.Ф. Регуляторное воздействие Банка России на финансовый рынок в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. – 2023. – № 1. – С. 7-11. – ISSN 1812-3945.

290. Ручкина, Г.Ф. О некоторых проблемах правового регулирования предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве Российской Федерации (опыт сопредельных государств) / Г.Ф. Ручкина, Н.А. Матвеева // Международное публичное и частное право. – 2013. – № 5. – С. 38-43. – ISSN 1812-3910.

291. Сарбаш, С.В. Восстановление корпоративного контроля / С.В. Сарбаш // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 70-79. – ISSN 1992-2043.

292. Сарнакова, А.В. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих кредитную организацию, признанную банкротом / А.В. Сарнакова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 31-36. – ISSN 1812-3945.

293. Сеницын, С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве / С.А. Сеницын // Журнал российского права. 2019. – № 10. – С. 54-68. – ISSN 1605-6590.

294. Соколов, С.И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника / С.И. Соколов

// Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 6. – С. 27-73. – ISSN 0869-7426.

295. Суворов, Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов / Е.Д. Суворов // Закон. – 2018. – № 7. – С. 50-67. – ISSN 0869-4400.

296. Суворов, Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства / Е.Д. Суворов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 42-49. – ISSN 1992-8041.

297. Суханов, Е.А. Правовые формы реализации гражданской правосубъектности государства / Е.А. Суханов // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 5-17. – ISSN 1605-6590.

298. Тай, Ю.В., Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС Российской Федерации от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 / Ю.В. Тай, С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 6. – С. 4-22. – ISSN 0869-7426.

299. Тужилова-Орданская, Е.М. Корпоративный контроль: основные теоретические подходы / Е.М. Тужилова-Орданская // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 19-25. – ISSN 1992-2043.

300. Турбина, И.А. Субсидиарная ответственность публичных собственников по долгам казенных предприятий: противоречия законодательства и практики / И.А. Турбина // Право и экономика. – 2019. – № 2. – С. 49-55. – ISSN 0869-7671.

301. Тюкавкин-Плотников, А.А., Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве / А.А. Тюкавкин-Плотников, О.Г. Угленко // Защита прав предпринимателей: действующее законодательство и реалии его применения. Материалы

III Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 101-108. – ISBN 978-5-00094-678-7.

302. Филипенко, Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью / Н.В. Филипенко // Арбитражные споры. – 2023. – № 1. – С. 38-69. – ISSN 2712-9292.

303. Филиппов, В.Е. Привлечение недобросовестных лиц к ответственности за нарушения законодательства о банкротстве / В.Е. Филиппов // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – 2009. – ISSN отсутствует.

304. Френкель, А.Д. Гарантии прав выбывшего участника общества на получение действительной стоимости доли // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 4. – С. 37-45. – ISSN 2223-1498.

305. Фролов, И.В. Роль института несостоятельности (банкротства) гражданина в обеспечении частноправовых и охране публично-правовых интересов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2020. – № 1. – С. 23-26. – ISSN 2712-8865.

306. Хаванова, И.А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве / И.А. Хаванова // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 50-60. – ISSN 1605-6590.

307. Хаванова, И.А. Статьи 119 и 122 Налогового кодекса Российской Федерации: «искусственная» проблема двойной ответственности в делах об искусственном дроблении бизнеса / И.А. Хаванова // Финансовое право. – 2023. – № 4. – С. 17-21. – ISSN 1813-1220.

308. Хлопцов, Д.М. О методике определения даты объективного банкротства организации / Д.М. Хлопцов, О.С. Беломытцева, А.С. Баландина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 30-40. – ISSN 2072-4098.

309. Цепов, Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за

принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности / Г.В. Цепов // Закон. – 2016. – № 8. – С. 98-120. – ISSN 0869-4400.

310. Чуприков, М.В. Момент возникновения обязанности контролирующих лиц сообщить о финансовых трудностях организации / М.В. Чуприков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 4. – С. 56-75. – ISSN 0869-7426.

311. Шевченко, И.М. К вопросу об определении размера субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве // Судья. – 2018. – № 4. – С. 42-46. – ISSN 1817-8170.

312. Шиткина, И.С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления и контролирующих лиц: реалии правоприменительной практики и тенденции развития законодательства / И.С. Шиткина // Предпринимательское право. – 2013. – № 3. – С. 14-20. – ISSN 1999-4788.

313. Шиткина, И.С. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. – 2017. – № 11. – С. 41-61. – ISSN 0134-2398.

314. Шиткина, И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве / И.С. Шиткина // Закон. – 2018. – № 7. – С. 114-133. – ISSN 0869-4400.

315. Шиткина, И.С. Решение корпоративных споров в уголовных делах / И.С. Шиткина // Закон. – 2020. – № 11. – С. 45-62. – ISSN 0869-4400.

316. Шишкина, Е.В. Актуальные проблемы привлечения руководителей организаций к субсидиарной ответственности / Е.В. Шишкина // ВЭПС. – 2020. – № 4. – С. 185-189. – ISSN 1998-5533.

317. Шишкина, Е.В. Субсидиарная ответственность номинального руководителя в рамках дела о банкротстве / Е.В. Шишкина // Хозяйство и право. – 2022. – № 1. – С. 110-118. – ISSN 0134-2398.

318. Шувалов, И.И. Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса / И.И. Шувалов // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 98-107. – ISSN 1605-6590.

319. Юлова, Е.С. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости в законодательстве о банкротстве юридических лиц / Е.С. Юлова // Образование и право. – 2020. – № 1. – ISSN 2076-1503.

320. Яговкина, В.А. Ответственность публично-правовых образований по долгам государственных и муниципальных учреждений за счет средств бюджетов / В.А. Яговкина // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8. – С. 37-44. – ISSN 1994-1471.

321. Яковлев, А.Э., О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (2020 год - первое полугодие 2021 года) / А.Э. Яковлев, К.В. Мышевская // Арбитражные споры. – 2022. – № 2. – С. 2-32. – ISSN 2712-9292.

Зарубежная литература

322. Bainbridge S.M., Henderson M.T. Limited Liability: A Legal and Economic Analysis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 2.

323. Heaton J.B. Solvency Tests // Business Lawyer. 2007. Vol. 62. No. 3. P. 983-1006. URL: <http://doi.org/10.2139/ssrn.931026> (дата обращения: 10.05.2023).

Электронные ресурсы

324. Будылин, С. Дело Ваулиной: ваше мнение? / С. Будылин // Информационно-правовой портал «Закон.ру» : [сайт]. – 2023. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://zakon.ru/discussion/2023/11/2/delo_vaulinoj_vashe_mnenie (дата обращения: 02.05.2023).

325. Ефимов, А. За пределами влияния контролирующих лиц / А. Ефимов // Информационно-правовой портал «Закон.ру» : [сайт]. – 2023.
– ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует.
– URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/21/za_predelami_vliyaniya_kontroliruyuschih_lic (дата обращения: 02.05.2023).